

LEFT ВОПЛОЩЕНИЕ BEHIND[®]

ЗВЕРЬ
ВОЦАРЯЕТСЯ

60 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ГАЗЕТА
ТАЙНАЯ
ВЛАСТЬ

LEFT BEHIND®

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ВОПЛОЩЕНИЕ

ЗВЕРЬ

ВОЩАРЯЕТСЯ

 КНИГОВЕК™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 **Воплощение: Роман / Пер. с англ. Н. Некрасовой. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. — 448 с. — (Left Behind).**

ISBN 978-5-4224-0378-3

В седьмой книге серии «Left Behind®» — «Воплощение» — в войну за человеческие души вступают новые силы. Доктор Цион Бен-Иегуда, бывший раввин, а ныне духовный лидер миллионов верующих, встречается лицом к лицу с архангелами Михаилом и Гавриилом. Воины Господни решили вступить в битву отнюдь не просто так. После того, как был убит самопровозглашенный претендент Мирового Сообщества Николае Карпати, которого Отряд Скорби считал Антихристом, в его теле воплощается сам Люцифер.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #7: Воплощение, Russian
Copyright © 2000 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2011 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.
Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0378-3

© Книжный Клуб Книговек, 2011

*Посвящается нашему агенту
Рику Кристиану,
который оценил нашу идею
и потенциал нашего партнерства
и познакомил нас друг с другом*

СОРОК ВТОРОЙ МЕСЯЦ ПЕРИОДА СКОРБИ

Верующие:

Рэйфорг Стил, сорока с небольшим лет, бывший капитан «Боинга-747» компании «Пан-Континентал». Потерял жену и сына во время Восхищения праведников. Бывший личный пилот потентата Мирового Сообщества Николае Карпати, один из первых членов отряда Скорби. Находится в международном розыске, бежал из Израиля с места убийства Николае Карпати.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, тридцати с небольшим лет. Бывший старший репортер «Глобал уикли», бывший редактор «Глобал комьюнити уикли», издания Карпати. Один из первых членов отряда Скорби, издатель интернет-журнала «Истина», находится в международном розыске. Находится в Израиле на задании.

Хлоя Стил Уильямс, двадцати с небольшим лет, бывшая студентка Стэнфордского университета. Потеряла мать и брата во время Восхищения праведников. Жена Бизона, мать Кенни Брюса четырнадцать месяцев от роду. Заведует управлением делами Международного общества взаимной поддержки, подпольной сети верных. Один из первых членов отряда Скорби. Находится в международном розыске, скрывается в убежище в Маунт-Проспект, Иллинойс.

Цион Бен-Иегуда, около пятидесяти лет, бывший ученый теолог-иудаист и израильский политический деятель. Открыто выступил по телевидению с заявлением, что считает Иисуса Мессией. Его жена и двое детей-подростков были после этого убиты. Бежал в США. Духовный лидер и наставник отряда Скорби. Его интернет-аудитория составляет более миллиарда человек в день. Скрывается в убежище.

Мак МакКаллам, далеко за пятьдесят. Пилот Карпати, Новый Вавилон.

Давид Хассид, примерно двадцать пять лет. Высокопоставленный функционер Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Энни Кристофер, двадцать с небольшим лет. Капрал миротворцев Мирового Сообщества, ответственная за загрузку «Феникса-216». Влюблена в Давида Хассида. Находится в Новом Вавилоне.

Лия Роуз, под сорок, бывшая старшая сиделка Мемориального госпиталя Артура Янга, Палатин, Иллинойс. Находится на задании в Брюсселе.

Тайрола (Ту) Марк Деланти, под сорок, владелец/директор аэропорта Палуоки, Уилинг, Иллинойс.

Мистер и миссис Лукас (Ласлос) Миклос, около пятидесяти пяти лет, магнаты — производители взрывчатых веществ для горного дела, Греция.

Абдулла Смит, тридцать с небольшим. Бывший пилот иорданского истребителя, второй пилот «Феникса-216», Новый Вавилон.

Враги:

Николае Джетти Карпати, примерно тридцать пять лет. Бывший президент Румынии, бывший Генеральный Секретарь ООН, самоназначенный потентат Мирового Сообщества. Убит в Иерусалиме. Тело выставлено для прощания в дворцовом комплексе Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Леон Фортунато, пятьдесят с небольшим. Правая рука Карпати и его предполагаемый преемник, верховный командующий силами Мирового Сообщества, Новый Вавилон.

Колеблющиеся:

Хэтти Дюрхем, тридцать с небольшим лет, бывшая бортпроводница компании «Пан-Континентал», бывшая личная помощница Карпати, находится в тюрьме в Бельгии.

Доктор Хаим Розенцвейг, под семьдесят лет. Израильский ботаник и политический деятель. Изобретатель вещества, которое превратило израильскую пустыню в цветущий сад. Бывший «Человек года» по версии журнала «Глобал уикли». Считается парализованным вследствие инсульта. Находится в Израиле.

ПРОЛОГ

Из окончания романа «Возмездие»

Бизон забился под стойку с динамиком сразу же, как только раздался выстрел. С обеих сторон от него бежали люди, и он замечал радость на лицах некоторых из них. Новообращенные со Стены Плача, которые видели, как Карпати убил их героев?

Когда Бизон взглянул на сцену, региональные потентаты разбежались, занавес развевался на ветру, а Хаим сидел, глядя прямо перед собой, словно в приступе кататонии. Карпати лежал на сцене, все его лицо было залито кровью, текущей, как показалось Бизону, из раны на голове. Микрофон, прикрепленный к лацкану пиджака, еще работал, и Бизон, сидевший прямо под динамиком, смог услышать гортанное бормотание Николае:

— Но я думал... я думал... я сделал все, что ты приказывал.

Фортунаато склонился над Карпати, приподнял его и прижал к себе. Сидя на сцене, он раскачивался, обнимая своего кумира, и причитал:

— Не умирайте, ваше святейшество! Вы нужны нам! Вы нужны всему миру! Вы нужны мне!

Их окружили охранники, размахивающие своими «узи».

Бизон решил, что на сегодня потрясений хватит. Он выпрямился и совершенно отчетливо увидел окровавленный затылок Карпати.

Рана несомненно была смертельной. И Бизон понял, что должно было стать причиной такого ранения.

* * *

— Я не ожидал выстрела, — заметил Цион, глядя, как на экране телевизора сотрудники службы безопасности Мирового Сообщества сгоняют людей со сцены и уносят Карпати.

Через два часа агентство «МС Си-эн-эн» подтвердило факт гибели Николае и принялось снова и снова передавать речь убитого горем верховного главнокомандующего Лео-на Фортунаато:

— Мы сохраним верность принципам нашего основателя и духовного лидера потентата Николае Карпати. Причина смерти не будет разглашена до окончания следствия.

Но можете быть уверены: виновные понесут суровую кару.

Агентство новостей объявило, что прощание с покойным состоится во дворце Нового Вавилона, а в воскресенье его тело будет предано земле.

— Не выключай телевизор, Хлоя, — сказал Цион. — Наверняка телекамеры заснимут его воскрешение.

Но когда в Маунт-Проспекте пятница сменилась субботой и до воскресенья осталось всего ничего, даже Цион начал нервничать. В Писании ничего не было сказано о смерти от пули. Антихрист должен был умереть от раны, нанесенной в голову, а затем снова вернуться к жизни. Но тело Карпати все еще было выставлено во дворце.

К утру воскресенья, глядя на поток людей, проходящих мимо стеклянного гроба в залитом солнцем внутреннем дворике дворца Мирового Сообщества, Цион и сам уже стал сомневаться.

Неужели все это время он ошибался?

* * *

За два часа до похорон Карпати Давида Хассида вызвали в кабинет Леона Фортунато. Леон вместе с начальниками разведслужбы и службы безопасности сидел перед монитором. На лице Леона застыло выражение глубокой скорби и жажды мщения.

— Как только его святейшество похоронят, — срывающимся голосом сказал он, — миру может прийти конец. Единственное, что нас может спасти, — это суд над убийцей. Смотри, Давид. С передних камер ничего не видно, они загорожены, но посмотри сбоку. Скажи, ты видишь то, что видим мы?

Давид посмотрел.

«О нет! — подумал он. — Не может быть!»

— Ну? — спросил Леон, пристально глядя на него. — У тебя есть сомнения?

Давид молчал, но этим он лишь привлек к себе внимание двух других начальников.

— Камера лгать не может, — сказал Леон. — Мы ведь нашли убийцу, да?

Как бы ни хотелось Давиду придумать какое-нибудь другое объяснение увиденному, он не мог рисковать.

— Конечно, нашли, — кивнул он.

«Второе горе прошло; вот, идет скоро третье горе».

(Откровение 11:14)

Понедельник Недели Празднества

Лия Роуз гордилась тем, что не теряет способности мыслить в критической ситуации. Она прослужила старшей сиделкой в большом госпитале десять лет, а также была одной из немногих верующих, проработавшей там последние три с половиной года. Она уцелела благодаря своему уму и успешно скрывалась от миротворческих сил Мирового Сообщества, но, в конце концов, ей все же пришлось бежать. Она присоединилась к силам отряда Скорби.

Но в понедельник той недели, на которой должно было состояться убийство двух Свидетелей и Антихриста, Лия не знала, что ей делать. Она была уверена, что, изменив внешность и имя — на Донна Кленденон, — она сумела обмануть руководство Бельгийского филиала женского реабилитационного центра (Буфера). Она выдавала себя за тетюшку Хэтти Дюрхем.

Косоглазый охранник, на чьем бедже значилось имя Круа, да еще и говоривший с характерным акцентом, явно был французом.

— А почему вы думаете, что ваша племянница содержится здесь?

— Я не потащилась бы сюда из самой Калифорнии, если бы сомневалась, — сказала Лия. — Да все знают, что Хэтти здесь, я даже знаю, под каким именем — Мэй Вилли.

Охранник склонил голову набок.

— И то, что вы хотите ей сказать, можно передать только с глазу на глаз?

— Смерть в семье.

— Сочувствую вам.

Лия поджала губы, помня о вставных торчащих вперед зубах.

«Да уж, ты сочувствуешь», — подумала она.

Круа встал и перевернул несколько страниц в папке у себя на столе.

— Буфер — учреждение с максимально строгой системой охраны с ограниченным правом посещения. Мисс Дюрхем находится в изоляции от остальных заключенных. Мне придется получить для вас пропуск. Я бы мог сам передать ваше сообщение.

— Мне всего пару минут надо, — ответила Лия.

— Вы не представляете, какой у нас дефицит сотрудников.

Лия не ответила. Во время Восхищения праведников исчезли миллионы людей. Потом погибла и половина оставшихся. Везде не хватало рук. Простое выживание требо-

вало работы с полной отдачей. Круа попросил ее подождать в приемной, но не сказал ей, что она никого не увидит — ни из персонала, ни заключенных, ни даже других посетителей в течение двух часов. За стеклянной перегородкой, где, по сути, должен был находиться канцелярский работник, тоже никого не было. Лие не у кого было спросить, сколько ей ждать, а когда она встала, чтобы поискать кого-нибудь, то обнаружила, что ее заперли. За ней тоже охотятся? Теперь она тоже заключенная?

Когда Лия уже была готова начать колотить в дверь и звать на помощь, вернулся Круа. Он не извинился и, как она заметила, избегал смотреть ей в глаза.

— Начальство рассматривает вашу просьбу, — сказал он. — Вам завтра позвонят в гостиницу.

Лия подавила усмешку.

«Так я вам и сказала, где остановилась».

— Может, лучше я вам позвоню? — сказала Ли.

— Как вам угодно, — пожал плечами Круа. — Мерси. — Затем, спохватившись, проговорил: — Спасибо.

С облегчением выйдя на улицу, Лия сделала круг на машине, чтобы посмотреть, нет ли за ней хвоста. Поскольку Рэйфорд оставил загадочное указание не звонить ему до пятницы, она позвонила Бизону и ввела его в курс дела.

— Я не знаю, уносить ли мне ноги или закончить начатое.

Лежа той ночью в своем номере, Лия ощутила острейшее одиночество, почти такое же, как в тот момент, когда она осознала, что Бог оставил ее на земле. Она поблагодарила Бога за то, что теперь она в отряде Скорби, и за то, что эти люди так тепло приняли ее. Все, кроме Рэйфорда, конечно. Она не могла его понять. Он был очень умным, целеустремленным человеком с явными задатками лидера. Она восхищалась им с того самого момента, как попала в убежище. Они не сошлись характерами, но ведь и другие, похоже, тоже не понимали, что с ним.

Утром Лия приняла душ, оделась и наскоро перекусила, она намеревалась увидаться с Хэтти, как только получит разрешение. Она уже готова была позвонить в Буфер по своему безопасному телефону, как бросила взгляд на экран телевизора, где Карпати издевался над Моше и Эли на глазах у всего мира.

Когда Карпати застрелил обоих из мощного пистолета, Лия просто упала в кресло, раскрыв рот. Она еще помнила те времена, когда операторы отворачивали объективы камер во время сцен подобной жестокости. За этим последовало землетрясение, после которого десятая часть Иерусалима оказалась в развалинах.

Новостные каналы Мирового Сообщества транслировали кадры с мест землетрясения попеременно с записью, где Карпати с самодовольным видом осмеивал молчаливых пророков, а потом убивал. Замедленную

съемку передавали снова и снова, и хотя зрелище было омерзительным, Лия не могла отвести взгляда.

Она знала, что так будет. Все они знали, все ученики Циона Бен-Иегуды. Но одно дело — знать, другое — видеть собственными глазами. Она была потрясена, раздавлена горем, в глазах ее стояли слезы. Она знала, что будет дальше — они воскреснут, как и Карпати. Лия начала молиться за своих новых друзей, некоторые из которых были сейчас в Иерусалиме. Но она не хотела растекаться, как медуза, когда у нее было дело. Все будет еще хуже, и Лия должна была учиться работать в критической ситуации, чтобы быть готовой к любому повороту событий.

Телефон в Буфере все звонил и звонил, и Лия испытывала мстительную радость от того, что мировое правительство на своей шкуре переживало то же, что и рядовые граждане после потери половины населения. Наконец, трубку взяла какая-то женщина, но Лия не смогла добиться от нее, чтобы та хотя бы вспомнила охранника по фамилии Круа.

— Француз, — попыталась было Лия.

— Да, я знаю, о ком вы. Не вешайте трубку. Наконец, трубку взял мужчина.

— Кого вы ждете, извините? — торопливо проговорил он.

— Охранника Круа, — сказала она. — Около шести футов...

— Круа! — заорал мужчина. — К телефону!

Однако он так и не подошел. Лия в конце концов повесила трубку и поехала в тюрьму, ради безопасности оставив телефон в машине.

Наконец, Круа провел ее в другое отдельное помещение. В нем было огромное окно, которое, как предположила Лия, было двусторонним зеркалом. Она снова подумала, что ее инкогнито раскрыто.

— Я думал, вы позвоните, — сказал охранник, показывая на кресло рукой с вечной своей папкой.

— Я пыталась, — заявила она. — Но тут организация просто никудышная!

— Народу не хватает, — начал оправдываться он.

— Давайте, наконец, покончим с делом, — сказала Лия. — Я могу повидаться с племянницей?

— Нет.

— Нет?

Круа уставился на нее, похоже, не желая повторяться.

— Я вас внимательно слушаю, — сказала она.

— У меня нет полномочий...

— Ой, не надо, — усмехнулась Лия. — Если мне нельзя ее увидеть, то у меня хотя бы есть право узнать, что она жива и здорова.

— И то и другое.

— Тогда почему я не могу ее видеть?

Круа поджал губы.

— Мадам, ее перевели в другое место.

— Со вчерашнего дня?

— Я не имею полномочий...

— Как давно ее тут нет? Где она?

Он покачал головой.

— Я передаю вам только то, что сказали мне. Если вы хотите оставить ей сообщение...

— Я хочу ее видеть. Я хочу знать, что с ней все в порядке.

— Насколько мне известно, она...

— Насколько вам известно? Да вы понимаете, насколько мало вам известно?

— Оскорбления не помогут...

— Да не оскорбляю я вас, сэр! Я просто прошу разрешения повидаться с племянницей и...

— Хватит, офицер Круа, — слышался из-за стеклянной перегородки женский голос. — Можете идти.

Круа повиновался без единого слова, даже не глянув в сторону перегородки. Лия услышала в голосе азиатский акцент. Она встала и подошла к зеркалу.

— Итак, что дальше, мэм? Я должна уйти или все же узнаю хоть что-то о моей племяннице?

Молчание.

— Я что, теперь тоже заключенная? Из-за родственных связей?

Лия заподозрила, что за перегородкой может никого не быть. Наконец, она пошла к двери, и — неудивительно — она опять оказалась запертой.

— Кошмар какой-то, — сказала она, возвращаясь к зеркалу. — И какое же волшебное слово мне надо произнести, чтобы выйти? Эй, леди! Я знаю, что вы там!

— Вы уйдете, когда мы скажем, что вам можно идти.

Тот же самый голос. Лия представила себе пожилую, степенную стопроцентную азиатку. Она подняла руки, показывая, что сдается, и плюхнулась в кресло. Когда со стороны двери послышалось гудение, она вздрогнула и подняла взгляд.

— Можете идти.

Лия еще раз бросила взгляд на зеркало.

— Можно?

— Тот, кто тянет время...

— Да иду я, — сказала она, вставая. — Хотя бы на вас-то я посмотреть могу? Ну пожалуйста! Я просто хочу знать...

— Вы испытываете мое терпение, миссис Кленденон. Вы получили всю информацию, которую можете получить здесь.

Лия остановилась, взявшись за дверную ручку, и покачала головой, надеясь вытянуть еще хоть что-нибудь из этого бестелесного голоса.

— Ступайте, мэм! — произнес голос. — Пока у вас есть выбор — уходите.

Лия решила, что лучше будет послушаться. Она не собиралась садиться в тюрьму за свою авантюру. На каком-нибудь другом задании, возможно, и рискнула бы. Она пожертвовала бы свободой за доктора Бен-Иегуду. Но за Хэтти? Собственный доктор Хэтти погиб из-за того, что ухаживал за ней, а она и спасибо не сказала.

Лия торопливо пошла по гулким коридорам. Она услышала, как у нее за спиной за-

крылась дверь, и быстро обернулась, чтобы хоть краем глаза увидеть ту женщину. Невысокая, опрятная, бледная темноволосая женщина в форме повернулась и пошла в другую сторону. Она?

Лия пошла было к главному входу, но в последний момент шагнула в сторону и спряталась в одной из телефонных кабинок. То есть, по крайней мере, они выглядели как телефонные кабинки. Она хотела сделать вид, что разговаривает, чтобы тот, кто мог следить за ней, пробежал бы мимо и вышел наружу. Но телефоны давно были выведены из строя, и в кабинках болтались только вырванные провода.

Лия уже была готова оставить свой план, когда услышала шаги и увидела, как молодая азиатка выскочила из входной двери с ключами от машины в руках. Лия была уверена, что это та самая женщина, которая пошла в другом направлении, когда она обернулась. Теперь уже Лия шла за ней.

Она постояла за стеклянной дверью, следя, как женщина быстро идет через парковку. Оценила обстановку. Сделав расстроенный вид, Лия снова медленно направилась к выходу. Она вышла с равнодушным видом, надеясь как следует рассмотреть женщину. Если бы удалось заставить ее заговорить, можно было бы понять, не она ли была за зеркальной перегородкой.

«Служащая Мирового Сообщества. Актриса она куда хуже, чем я», — подумала Лия, когда женщина заметила ее, вздрогнула, а

затем попыталась вести себя как ни в чем не бывало. Когда они поравнялись, Лия спросила ее, где находится туалет, но та лишь глубже надвинула свое маленькое форменное кепи, отвернулась, кашлянула, проходя мимо, не услышав вопроса Лии или делая вид, что не слышала.

Лия выехала с неохраняемой площадки и остановилась у знака стоянки в четверти мили от парковки, откуда могла наблюдать за ней через зеркало заднего вида. Женщина поспешно вышла и села в маленькую машину. Твердо вознамерившись от нее оторваться, Лия дала газу и затерялась в боковых улочках, надеясь добраться до отеля обходным путем.

Она стала названивать Рэйфорду. Дело не могло ждать до пятницы. Когда он не ответил в очередной раз, она решила, что телефон в чужих руках. Она оставила кодовое послание: «Наша пташка улетела из клетки, что делать дальше?»

Лия выехала за город, убедилась, что хвоста нет, и на закате вернулась в отель. Она и получаса не пробыла в своем номере, когда зазвонил телефон.

— Донна слушает.

— У вас посетительница, — сказал администратор. — Мне ее отослать?

— Нет! Кто это?

— Она сказала только, что она ваш друг.

— Я спущусь, — сказала Лия.

Она затолкала все свои вещи в сумку и выскользнула из отеля. Направилась к сво-

ей машине. Она попыталась заглянуть в вестибюль, но так и не смогла рассмотреть, кто там сидит. Когда она завела машину, кто-то остановился позади нее. Лия не смогла выехать. Она заблокировала двери. Из другой машины вышел водитель.

Когда глаза Лии привыкли к свету, она увидела, что это та самая машина, принадлежавшая женщине из Буфера. Стук в дверь заставил ее подпрыгнуть. Женщина, все еще в форме, сделала ей знак опустить стекло. Лия приоткрыла его на дюйм. Сердце ее колотилось.

— Мне нужно продолжать игру, — прошептала женщина. — Играйте свою роль.

«Мою роль»?

— Чего вы хотите? — спросила Лия.

— Следуйте за мной.

— Да ни в жизнь! Если не хотите, чтобы я вам машину разнесла, уйдите с дороги!

Женщина подалась вперед.

— Отлично. Теперь выходите и дайте мне надеть на вас наручники и...

— Вы спятили? Я не намерена...

— Возможно, вы не видите моего лба в темноте, — сказала женщина. — Но поверьте мне...

— А с чего я...

И тут Лия увидела. На лбу женщины была печать. Она была из одной верующих.

Женщина показала на замок и достала из поясной кобуры наручники. Лия открыла дверь.

— Как вы нашли меня? — спросила она.

— Пробила по вашему вымышленному имени несколько отелей. Это не заняло много времени.

— Вымышленному имени? — сказала Ли, выходя из машины и поворачиваясь, чтобы женщина могла надеть на нее наручники.

— Я Минь Той, — представилась она, усаживая Лию на заднее сиденье своей машины. — Чтобы верующая приехала в Брюссель и стала разыскивать Хэтти Дюрхем под собственным именем? Да никогда не поверю.

— Я прикрывалась именем ее тетушки, — сказала Лия, когда Минь выехала с парковки.

— Это могло сработать с другими, — заявила она. — Но они не видели того, что увидела я. Итак, кто вы и что здесь делаете?

— Вы не будете против, если я еще раз посмотрю на вашу печать, мисс Той?

— Миссис. Я вдова.

— Я тоже.

— Зовите меня Минь.

— Я скажу вам, как мое имя, только после того, как еще раз проверю вашу печать.

— Минутку.

Минь подъехала к полицейскому участку Мирового Сообщества.

— Мне нужна допросная, — рывкнула она на человека за стойкой, все еще крепко держа Лию под левую руку.

— Да, мэм, — кивнул тот, послав ей ключ по столешнице. — Последняя дверь налево.

— Приватная. Никакой слежки, никаких жучков.

— Это как раз такая, мэм.

Минь заперла дверь, наклонила абажур лампы в их сторону и освободила Лию от наручников.

— А теперь проверяйте, — сказала она, наклонив голову.

Лия осторожно взяла Минь за затылок, уже понимая, что человек, который просит проверить его, не может быть не искренним. Она лизнула большой палец и как следует потерла печать на лбу Минь. Потом она упала в кресло напротив и протянула ей обе руки.

— Хочу поскорее познакомиться с вами, — сказала она.

— Как и я, — ответила Минь. — Но сначала давайте помолимся.

Лия не смогла сдержать слез, когда ее новая подруга во Христе вместе с ней вознесла благодарность Господу за их своевременную встречу и попросила о том, чтобы Он помог им трудиться вместе.

— Сначала я расскажу вам, где находится Хэтти Дюрхем, — сказала Минь. — А уж затем расскажем друг другу о себе. Я отвезу вас в ваш отель, скажу своим, что проверила вас, и вы действительно тетка Хэтти, и что вы поверили в то, что ее куда-то перевели, но куда — вам неизвестно.

— Так ее никуда не переводили?

Минь покачала головой.

— Она жива?

— Пока да.

— Здорова?

— В лучшем состоянии, чем была при поступлении к нам. Она и правда в весьма неплохой форме. Ей хватило бы сил, чтобы прикончить потентата.

Лия нахмурилась и покачала головой:

— Я не понимаю вас.

— Ее отпустили.

— Почему?

— Она все время говорила об убийстве Карпати. Ей сказали, что, поскольку она потеряла ребенка, она больше не представляет угрозы и может идти на все четыре стороны, и дали немного денег за все ее беды. Где-то сто тысяч наличными.

Лия покачала головой.

— Они сочли, что она не представляет угрозы? Но она ведь на самом деле хотела его убить.

— Они знали, — сказала Минь. — По-моему, они просто думали, что она глупее, чем кажется.

— Ну, в какой-то мере это так, — заявила Лия.

— Но она не такая дура, чтобы вывести их на отряд Скорби, — сказала Минь. — Самый простой план заключался в том, чтобы проследить ее до Иерусалима, где она наверняка встретится с кем-нибудь из вас. Иегудайтов.

— Мне нравится это название. В первую очередь я — верующая, но я горжусь тем, что я ученица Бен-Иегуды.

— Я тоже, — заметила Минь. — И готова поспорить, что вы лично знакомы с Бен-Иегудой.

— Знакома.

— Ух ты!

— Но, Минь, МС ошибается насчет Хэ-ти. Ей хватит дури пойти и пристрелить Никколае, но ей неинтересен контакт с любым из нас.

— Вы удивитесь.

— В смысле?

— Она не поехала в Иерусалим, как они надеялись. Мы проследили ее до Северной Америки. Я думаю, что она боится МС и хочет как можно скорее оказаться в безопасности.

— Это куда хуже! — воскликнула Лия. — Она выведет их на убежище!

— Возможно, потому Господь и прислал вас сюда, — сказала Минь. — Я не знала, что сделать, чтобы защитить вас. Кому я могла рассказать? Вы — ответ на мои молитвы.

— Но что мы можем сделать? Я же не успею ее перехватить до того, как она туда доберется!

— Но хотя бы предупредить их вы можете? Лия кивнула.

— Мой телефон у меня в сумке, в машине.

— А мои телефоны можно отследить.

По дороге назад они рассказали друг другу о себе. Минь было двадцать два года, она родилась в Китае. Она всего два месяца была замужем, когда ее муж погиб. Это было во время Восхищения праведников, когда пригородная электричка, в которой он ехал, сошла с рельсов после того, как машинист и несколько контролеров исчезли. Она поступила

на службу в Мировое Сообщество в порыве патриотизма вскоре после того, как был подписан договор между ООН и Израилем. Ее назначили в управление восстановительных работ в бывшие Филиппины, там она и обратилась к Христу из-за писем брата, семнадцатилетнего юноши.

— Друзья Чаня привели его к вере, — сказала она. — Он еще ничего не рассказывал моим родителям. Они старой закалки и настроены в пользу Карпати, особенно отец. Я очень волнуюсь за Чаня.

Минь обратилась с просьбой о назначении в миротворческие силы, надеясь хоть таким образом помочь братьям по вере.

— Я не знаю, сколько еще смогу оставаться под прикрытием.

— А как вам удалось добиться руководящего положения над столькими охранниками?

— Их совсем не так много, как кажется. Население слишком уменьшилось.

— Да ладно! Вы же в руководстве.

— Да, и при всей моей скромности высокий айкью всегда пригодится. И еще боевые искусства, — добавила она, стараясь подавить улыбку. — Двое из трех мне проигрывают.

— Шутите?

— Они в основном занимаются греко-римской борьбой. А я владею восточными боевыми искусствами. — Минь въехала на парковку. — Звоните своим как можно скорее, — сказала она. — И держитесь подальше от Буфера. Я вас прикрою.

— Спасибо Господу, что вы есть, Минь, — поблагодарила Лия, поддавшись новому порыву чувств. Они обменялись номерами телефонов. — Настанет день, когда вам тоже понадобится безопасное место. Будьте на связи. — Они обнялись, и Лия поспешно забрала сумку к себе в комнату.

В убежище никто не отвечал, и Лия заволновалась — вдруг их уже раскрыли? Вдруг убежище уже уничтожено? А новые друзья? Она постоянно набирала то номер Рэйфорда, то убежища.

Не дозвонившись ни до кого, Лия подумала, что она будет гораздо полезнее отряду Скорби в Америке, чем здесь, в номере брюссельского отеля. Она нашла подходящий рейс и тем же вечером вылетела домой. Всю дорогу она пыталась дозвониться до убежища, но безуспешно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бизон вцепился в опору помоста, чтобы его не снесла толпа охваченных паникой людей. Люди бежали с места убийства, испуганные, как и он сам, оглушительным выстрелом. Стреляли откуда-то справа, футов со ста, и звук был настолько громким, что даже те, кто стоял в последних рядах двух-миллионной толпы, ясно расслышали его.

Бизон не был специалистом, но все равно понял, что выстрел был очень мощным. Единственное оружие, из которого он мог бы быть сделан, — тот самый мерзкий пистолет, из которого Карпати тремя днями раньше разнес головы Моше и Эли. Звук был пугающе похожим. Неужели выстрелило собственное оружие Карпати? Неужели кто-то из его собственного окружения пристрелил его?

Кафедра тоже разлетелась в щепки с грохотом, как дерево, пораженное молнией...

И этот огромный задник, отлетевший в сторону...

Бизону хотелось броситься прочь вместе с толпой, но он волновался за Хаима. Не ранен ли он? И где Иаков? Всего десять минут назад он видел Иакова у подмостков слева. Друг и помощник Хаима никогда не бросил бы его в критический момент.

Толпа двигалась прочь, по большей части огибая помост, но некоторые просачивались и под него, толкая Бизона и поддерживающие столбы. Помост закачался. Бизон крепко вцепился в опору и посмотрел туда, где по обе стороны стояли огромные громкоговорители в три этажа высотой, угрожающе качаясь на своих хрупких фанерных опорах.

У Бизона был выбор — нырнуть в толпу и рискнуть быть затоптанным насмерть или взобраться на несколько футов выше на перекладину. Он выбрал второе, но, оказавшись на перекладине, понял, как неустойчива вся конструкция. Она тряслась и словно бы поворачивалась винтом, пока Бизон смотрел на платформу поверх тысяч разинутых ртов. Он слышал стон Карпати и завывания Фортунато, но внезапно звук — по крайней мере, из громкоговорителей у него над головой — прекратился.

Бизон успел поднять голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как сверху падает трехметровая коробка громкоговорителя.

— Берегись! — заорал он, но никто не слышал его и ничего не заметил. Трос порвался, как тетива, и громкоговоритель, сме-

нив направление, отлетел футов на пятнадцать от башни. Бизон в ужасе увидел, как он придавил какую-то женщину и сбил с ног еще нескольких человек. Какой-то мужчина попытался вытащить придавленную женщину, но толпа продолжала двигаться. Внезапно все это превратилось в бурлящий котел человеческой массы. Люди затапывали друг друга в отчаянной попытке выбраться из этой бойни.

Бизон ничего не мог сделать. Помост повело, и он начал заваливаться влево. Кэмерон цеплялся из последних сил, не желая падать в вопящий водоворот бегущей толпы. Он увидел наконец Иакова, который пытался пробиться на боковую лестницу платформы, где размахивали «узи» охранники Карпати.

Появился вертолет, но он не мог приземлиться, выжидая, когда рассосется толпа. Хаим неподвижно сидел в кресле справа от Бизона, лицом к Карпати и Фортунато. Он словно оцепенел, голова его склонилась к правому плечу. Казалось, он не мог пошевелиться. Если он не был застрелен, то это мог быть очередной инсульт или еще хуже — сердечный приступ. Бизон понимал, что, если Иаков доберется до Хаима, он защитит его и увезет в безопасное место.

Бизон пытался не терять из виду Иакова, пока Фортунато махал вертолету, умоляя забрать отсюда Карпати. Наконец, Иаков провалился и бросился было вверх по ступеням, но один из охранников ударил его прикладом по лицу, и Иаков отлетел назад, в толпу.

Его голова так дернулась от удара, что Бизон был уверен, что тот потерял сознание и теперь его точно затопчут. Он прыгнул вниз, пробиваясь к Иакову. Ему пришлось обогнуть упавший громкоговоритель, и он ощутил под ногой липкую кровь.

Приблизившись к тому месту, где он думал найти Иакова, Бизон бросил взгляд на помост, пока еще мог видеть происходящее на нем. Кресло Хаима двигалось! Бизон понесся так быстро, как только мог, к задней части помоста. Хаим включил рычаг? Или он не может контролировать свое тело? Если кресло не остановится, если он не обернется, то рухнет с высоты двенадцати футов на мостовую и разобьется насмерть.

Бизон добрался до Иакова, который лежал на спине, неестественно вывернув шею. Глаза его были открыты, все тело обмякло. Бизон, растолкав локтями толпу, опустился на колени рядом с Иаковым и пощупал сонную артерию. Пульса не было. Бизон всхлипнул.

Он хотел оттащить тело в сторону, но боялся, что его опознают, несмотря на шрамы на лице. Он ничем не мог помочь Иакову. Но что с Хаимом?

Он побежал, огибая платформу слева, и замер у того угла, откуда ему было видно каталку Хаима — она упала на землю в центре задника. Тяжелые батареи разбились и лежали в двадцати футах от кресла. Одно колесо согнулось почти пополам, подушка сиденья

отсутствовала, подножка отлетела. Неужели Бизон увидит смерть еще одного друга?

Он подбежал к искореженному креслу и огляделся вокруг, обшарил взглядом пространство под помостом. Но не увидел ничего, кроме щепок разлетевшейся кафедры. Как Хаиму удалось отсюда выбраться? Правители мира спускались с задней части помоста, им приходилось поворачиваться и висеть, цепляясь за край, прежде, чем спрыгнуть, чтобы избежать серьезных увечий, да и то у многих наверняка будут переломы и растяжения. Но старик, парализованный после инсульта, да еще в металлическом кресле? Бизон боялся, что Хаим погиб. Но кто мог унести его?

С другой стороны платформы приземлился вертолет, на помост выбежали медики. Охранники расступились и начали спускаться вниз, чтобы расчистить территорию. Четыре санитары окружили Фортунато и Карпати, остальные стали помогать сбитым с ног и придавленным. Иакова унесли в пластиковом мешке. Бизон чуть не разрыдался от того, что его брат по вере погиб вот так, но он знал, что Иаков уже на небесах. Он бросился в толпу, которая заполняла улицы.

Бизон знал, что Иаков мертв. А судя по ране на затылке Карпати, можно было предполагать, что и Николае мертв. Или скоро умрет. И оставалось предположить, что мертв и Хаим.

Бизону отчаянно хотелось, чтобы все это поскорее закончилось и Христос явился во

славе. Но до этого оставалось еще три с половиной года.

* * *

Рэйфорд чувствовал себя идиотом, убегая вместе с толпой и придерживая подол своего одеяния, чтобы не споткнуться. Он выбросил «саблю» вместе с чехлом, чтобы было сподручнее побыстрее убраться отсюда. Но в балахоне ему приходилось бежать, как женщине в длинном платье. Адреналин в его крови явно зашкаливал, потому что несмотря ни на что, усталости он не чувствовал. Рэйфорд очень хотел сбросить балахон и тюрбан, но ему совершенно не улыбалось выдавать себя.

Удалось ли ему убить Карпати? Он пытался, он хотел, но не смог спустить курок. Даже когда его толкнули и пистолет сам собой выстрелил, вряд ли ему удалось попасть — он ведь не смог прицелиться. Или пуля отрикошетила от кафедры и попала-таки в Карпати? Но могла ли она пройти сквозь него и снести еще и задник? Вряд ли.

Даже если он и убил потентата, радоваться нечему. Он не испытывал ни облегчения, ни удовлетворения. Среди воплей и рыданий приверженцев Карпати Рэйфорд словно убегал из тюрьмы, которую сам же и возвел.

Когда толпа поредела и начала рассеиваться, он уже еле дышал. Рэйфорд остановился, согнувшись пополам и уперев руки

в колени, чтобы перевести дыхание. Мимо него пробежала пара.

— Разве это не ужасно?! — крикнули они Рэйфорду. — Все думают, что он мертв!

— Ужасно, — ответил Рэйфорд, не глядя на них.

Поскольку телекамеры ловили все, особенно человека с нацеленным пистолетом, то его скоро найдут. Отойдя подальше от оживленных улиц, он сорвал с себя балахон и затолкал в мусорный бак. Потом нашел свою машину и направился в Тель-Авив, желая выбраться из Израиля, пока это еще возможно.

* * *

Мак стоял позади толпы, довольно далеко от места выстрела, так что не слышал сообщения, пока толпа не начала двигаться. Пока остальные вокруг него кричали, ахали и спрашивали, что случилось, он с великим облегчением смотрел на помост. Значит, не придется жертвовать собой или Абдуллой, чтобы окончательно покончить с Карпати. Давка впереди, собственные глаза и кадры на огромных экранах ясно свидетельствовали, что Николае погиб от страшной раны в затылок, как и должно было случиться.

Мак, который никогда не забывал о делах, достал из кармана пиджака сотовый телефон и позвонил в тель-авивское отделение.

— У вас есть пилот, способный отвести «двести шестнадцатый» в Иерусалим, и сможет ли самолет сесть и взлететь с короткой полосы?

— Уже ищем, сэр. Самолет сможет приземлиться и взлететь. Какая трагедия!

— Да.

Мак перезвонил Абдулле. По относительной тишине на заднем фоне он понял, что его второй пилот не на празднестве.

— Ты уже знаешь?

— Я в курсе. Мне идти к «фениксу»?

— Расслабься. Они пытаются пробиться сюда. Я видел, как ты выходил из отеля. Ты где?

— В «Докторе Пите». Наверное, будет подозрительно, если я продолжу завтракать, когда большой босс откинулся и все рванули к экранам посмотреть трансляцию.

— Сунь жратву в карман, и если я больше тебе не перезвоню, встречаемся в иерусалимском аэропорту через час.

Мак прошел вперед по стремительно пустеющей площади. Когда требовали, он показывал свое удостоверение. Добравшись до платформы, он понял, что Карпати умирает. Потентат упирался ладонями в подбородок, глаза его были крепко закрыты, кровь сочилась из-под век, текла из ушей и рта, согнутые в коленях ноги дрожали.

— О, он умер! Умер! — выл Леон. — Да сделайте же что-нибудь!

Четверо медиков сгрудились вокруг Карпати. Пищали переносные мониторы. Ему очистили рот, чтобы ввести кислородную

трубку. Медики пытались стабилизировать кровяное давление, делали массаж грудной клетки, поддерживали его голову, пытались унять кровотечение из раны, стоя на коленях в крови. Казалось, в человеке просто не может быть столько крови.

Мак бросил взгляд за спину обезумевшего Фортунато и увидел, что смуглое лицо и руки Карпати побелели. Такой потери крови не пережил бы никто, и Мак решил, что дергается он в предсмертных конвульсиях.

— Тут поблизости есть госпиталь, — сказал один из медиков.

Фортунато взвился при этих словах. В тот момент он как раз перехватил взгляд Мака и вроде бы что-то собирался ему сказать, но вместо этого обернулся к медику:

— Вы спятили? Эти... эти люди не имеют достаточной квалификации! Мы должны доставить его в Новый Вавилон.

Он повернулся к Маку.

— «Двести шестнадцатый» готов?

— Уже летит из Тель-Авива. Сможем отбыть в течение часа.

— Часа? Может, перевезем его на вертолете прямо в Тель-Авив?

— Из Иерусалима будет быстрее, — ответил Мак.

— Вертолет не приспособлен для того, чтобы мы могли поддерживать его, сэр, — сказал медик.

— У нас нет выбора! — рявкнул Фортунато. — На «скорой» будет слишком медленно.

— Но в «скорой» есть необходимое оборудование...

— Несите его в вертолет! — ответил Фортунато.

Но когда медик с негодованием отвернулся, на него снизу вверх посмотрела его коллега. Карпати лежал неподвижно.

— Признаки жизни отсутствуют, — сказала она. — Он мертв.

— Нет! — взревел Леон, расталкивая всех и падая на колени рядом с Карпати. Он снова склонился над телом, но не обнял его, а уткнулся лицом в безжизненную грудь и зарыдал.

Глава службы безопасности Уолтер Мун отпустил медиков и пошел к каталке, осторожно оттеснив Леона от тела Карпати.

— Не закрывайте тело, — сказал он. — Уносим его. Ни слова о его состоянии, пока не доставим его домой.

— Кто это сделал, Уолтер? — скулил Фортунато. — Его схватили?

Мун пожал плечами и покачал головой.

* * *

Бизон бежал к гостинице. Он постоянно набирал номер Хаима. Все время было занято. Люди в доме Хаима — его слуга Стефан, жена Иакова Ханнелора и мать Ханнелоры — должны были смотреть телевизор и теперь наверняка звонили по всем телефонам, чтобы выяснить, что случилось с их близкими.

Наконец, ответила Ханнелора.

— Иаков! — воскликнула она.

— Нет, Ханнелора, это Грег Норт.

— Бизон! — заплакала она. — Что случилось? Где...

— Ханнелора! — ответил Бизон. — Ваш телефон может прослушиваться!

— Мне уже все равно, Бизон! Если нам суждено погибнуть, мы погибнем! Где Иаков? Что случилось с Хаимом?

— Я должен с вами встретиться где-нибудь, Ханнелора. Если Хаим появится...

— С Хаимом все в порядке?

— Не знаю. Я не видел его после...

— Вы видели Иакова?

— Мы должны встретиться, Ханнелора. Перезвоните мне с другого телефона и...

— Бизон. Скажите сейчас! Вы его видели?

— Видел.

— Он жив?

— Ханнелора...

— Бизон, он мертв?

— Мне очень жаль. Да.

Она начала всхлипывать, на фоне ее плача послышался крик. Мать Ханнелоры? Она угадала, о чем они говорили?

— Бизон, они здесь!

— Что? Кто?

Он услышал грохот двери, выстрел, опять крик.

— МС! — прошептала она. И связь прервалась.

* * *

На борту «Феникса-216» Николае Карпати занялся его личный врач, который и объявил, что потентат мертв.

— Где вы были? — набросился на него Леон. — Вы могли что-нибудь сделать!

— Я был там, где мне положено было быть, командующий, — отрезал врач. — В специальном трейлере в ста ярдах позади платформы. Меня не выпустила охрана, опасаясь других выстрелов.

Пока «двести шестнадцатый» выруливал на взлетную полосу, Леон пошел в кабину и сказал Абдулле:

— Свяжите меня с директором Хассидом во дворце по защищенной линии.

Абдулла кивнул и бросил взгляд на Мака, когда Фортунато шагнул назад. Второй пилот вызвал Хассида и сообщил Леону по внутренней связи. Щелкнув переключателем, Абдулла позволил Маку подслушивать разговор, одновременно нажимая кнопку глушения, чтобы не было слышно шума в кабине.

— Вы уже знаете эту ужасную новость, Давид? — спросил Леон.

— Да, сэр, — ответил Давид. — Как потентат?

— Он мертв, Давид...

— Ох ты...

— ...но по приказу главы службы безопасности Муна пока это держится в строжайшем секрете.

— Понял.

— Давид, Давид, что нам делать?

— Мы ждем ваших указаний, сэр.

— Благодарю за теплые слова в такой ужасный момент, но мне нужна ваша помощь.

— Да, сэр.

— Заглушите все спутники, чтобы те, кто это сделал, не могли связаться друг с другом по телефону. Вы можете это сделать?

Долгая пауза.

«Заклушить спутники» — термин неверный, но Давид сумел понять то, что желал сказать Фортунато.

— Да, — медленно проговорил он. — Это, конечно, возможно. Но вы осознаете последствия...

Мак прошептал Абдулле:

— Звони Бизону, звони Рэйфорду, звони в убежище. Леон собирается прихлопнуть связь. Если им надо поговорить друг с другом, то пусть делают это сейчас.

— Что вы имеете в виду? — сказал Леон.

— Мы все пользуемся одной и той же системой, — ответил Давид. — Потому-то мы и не могли заткнуть интернет-общение иегудаитов.

— Значит, если мы заглушим их, то и сами себя заглушим?

— Именно так.

— Все равно — сделайте. Наземные линии Вавилона все равно ведь будут действовать?

— Да. На телепередачи это тоже не повлияет, но дальняя связь зависит от спутников.

— Значит, те из нас, кто находится в Новом Вавилоне, смогут общаться только друг с другом?

— Верно.

— Этого достаточно. Я дам вам знать, когда возобновить связь.

Через пару минут Леон снова перезвонил Давиду.

— Сколько это займет времени? Я ведь не смогу до вас дозвониться!

— Три минуты, — сказал Давид.

— Я перезвоню через четыре.

— Вы не сможете связаться со мной, сэр.

— Надеюсь на это!

Но четыре минуты спустя Леон был занят разговором с доктором.

— Я настаиваю на аутопсии, — сказал он, — но чтобы о причине смерти ни одна живая душа не узнала. — Через обратную связь Мак услышал, как у Леона сорвался голос. — И я хочу, чтобы тело было подготовлено к прощанию и погребению самым лучшим специалистом в мире. Это понятно?

— Конечно, командующий. Как пожелаете.

— Я не хочу, чтобы это делал наш штатный мясник из дворца. Кого вы могли бы предложить?

— Честно говоря, любого специалиста в данной области.

— Как грубо! Это же дело всего Мирового Сообщества!

— Конечно, но если вы готовы оплатить...

— Естественно, но если деньги — не самое главное...

— Конечно. Я просто знаю, что морг доктора Эйкенберри остался практически без штатных сотрудников. Она потеряла почти половину персонала, и ей пришлось реорганизовать бизнес.

— Где она?

— В Багдаде.

— Я не хочу, чтобы Николае везли в Багдад. Она может приехать в дворцовый морг?

— Уверен, что она будет более чем счастлива...

— Счастлива?

— В смысле, охотно приедет.

— Надеюсь, она умеет творить чудеса.

— По счастью, его лицо не пострадало.

— И все же, — голос Фортунато снова сел, — как же скрыть эту... жуткую рану?

— Я уверен, что это возможно сделать.

— Он должен выглядеть достойно. Весь мир будет его оплакивать.

— Я сейчас ей позвоню.

— Да, попытайтесь. Мне хотелось бы знать, сумеете ли вы дозвониться.

Однако дозвониться было невозможно. Всемирная телефонная сеть была отключена. Абдулле тоже не удалось ни до кого дозвониться.

Мак готов был уже отключиться от прослушки, когда услышал, как Леон глубоко вздохнул и выдохнул.

— Доктор? — сказал он. — Может ваша... специалистка, как ее там?...

— Доктор Эйкенберри.

— Да. Может она сделать слепок тела потентата?

— Слепок?

— Ну, гипсовую отливку или пластиковую, или что там еще, чтобы сохранить точные очертания его тела и лица?

Доктор помялся.

— Ну, — сказал он наконец, — посмертные маски не вчера придумали. А вот тело целиком — это да, это подвиг. Уж извините.

— Но это можно сделать?

Снова пауза.

— Видимо, тело придется погружать в формовочную массу целиком. В дворцовом морге наверняка найдется достаточно большая емкость.

— Значит, это можно сделать?

— Да все можно сделать, ваше святейшество. Извините, хотел сказать, верховный командующий.

Фортунато прокашлялся.

— Да уж, пожалуйста, сделайте, доктор. И не называйте меня так, по крайней мере, пока. И подготовьте все для изготовления слепка с тела потентата.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Давид с Энни стояли перед столом в ее кабинете, держась за руки.

— Ты дрожишь, — сказала она.

— А я думал, ты, — ответил он. — Ты не так пуглива, как я, да?

— Как минимум, — ответила она. — Что происходит?

Он вздохнул.

— Я только что получил звонок от владелицы багдадского морга. Она сказала, что ей велели связываться со мной по поводу больших закупок. Сказала, что ей нужно несколько литров какой-то пластической смеси, которую надо доставить в дворцовый морг как можно скорее.

— Зачем?

— Могу только догадываться. Эта штука используется для изготовления посмертных масок, слепков частей тела, снятия отпечат-

ков шин. Но ей его нужно столько, что можно заполнить джакузи.

— Она хочет сделать отливку всего тела Карпати?

Он пожал плечами.

— Я тоже так думаю.

— Но зачем?

— Да она сама вроде не понимает. Она все спрашивала меня, сколько воды нужно для определенного раствора и можно ли им наполнить контейнер из нержавеющей стали. Она также хотела узнать, сколько будет твердеть этот раствор, как долго он будет оставаться эластичным до полного высыхания, и все такое.

Энни обняла Давида и положила голову ему на грудь.

— Кто-то нанял ее для этой работы. Может, чтобы сделать муляж тела и выставить его для прощания, чтобы поприличнее выглядел?

Давид обдумал эту возможность.

— Мне просто интересно, знают ли они о пророчестве, в котором говорится, что он воскреснет, и потому хотят сохранить тело так, на всякий случай?

— Но ведь они не верят пророчествам?

— Да как такое может быть в наши времена?

Она посмотрела на него снизу вверх и покачала головой.

— Что будет здесь, когда... ты сам понимаешь.

— Уже?

— Да.

— Это будет... неприятно. Очень хочется узнать, что скажет доктор Бен-Иегуда о сама-знаешь-ком, когда тот будет не тем, кто есть.

— Как думаешь, в нем хоть что-то человеческое останется?

Давид склонил голову к плечу.

— Ну, его тело уж точно. Может, он будет говорить как прежде, манеры прежними останутся, но в нем будет жить другая сущность. А раз другая, то, значит, совсем чуждая. Когда меня повысили, я переехал в апартаменты директора, которого назначили в Австралию, помнишь?

— Да.

— Они не изменились с его отъезда. Те же стены, та же кровать, тот же туалет, все такое же, но все равно не такие, как прежде. Я — новый жилец.

Она обняла его крепче.

— Не хочу знать о новом жильце в потентате.

— Больше он уже не будет мистер Свой Парень.

— Это не смешно, — ответила она.

— Они будут тут через минуту, малышка.

— Я знаю. Мои уши настроены на «двести шестнадцатый». Я знаю, сколько надо времени, чтобы двери ангара открылись, сколько уйдет на то, чтобы установить погрузчик и автолебедку. Надеюсь, охрана держится поодаль. Ты видел их там? Ты слышал все инструкции?

— А то! Прямо словно выгружаем тело царя мира.

Она фыркнула.

— По правде говоря, я бы с удовольствием уронила этот ящик и переехала бы его погрузчиком. Вот посмотрим, как это потом оживет!

Давид подтолкнул ее к двери.

— А что, если он оживет, когда ты будешь перевозить тело?

Она остановилась и закрыла глаза.

— Будто мне и так не страшно. Найдешь меня на небесах.

Окно кабинета задрожало.

— Лучше иди. Через три минуты придут.

* * *

Рэйфорд не мог поверить в свою удачу в Тель-Авиве. Он пробежал мимо касс, около которых толпилась масса народу, и выскочил из бокового выхода к ангарам малых самолетов. Сверкающий «гольфстрим» стоял в ангаре номер 3.

Вооруженный охранник в придачу к своим обязанностям занимался еще и оформлением полетных листов. Он вычеркнул из своего списка Марва Берри и сказал:

— Минуточку, я должен у вас еще кое-что спросить. Да, полет оговорен с диспетчерской?

— А как же, — ответил Рэйфорд. — Но им не нравится, как медленно выпускают малые самолеты, потому я избавляю вас от хлопот и уберусь побыстрее.

— Ой, спасибо, — ответил охранник, явно ближе знакомый с ружьем, чем с ручкой. — К вечеру ожидается наплыв пассажиров на

большие самолеты, так что малым лучше бы обратиться с дороги.

— Да оно понятно, — ответил Рэйфорд. — Я сделаю свое дело.

— Эх, жаль, меня не было в Иерусалиме вечером, — сказал охранник, когда Рэйфорд обходил «гольфстрим», наскоро проводя предотлетную проверку.

— А что?

— Да я бы пристрелил кого-нибудь, виноват он или нет.

— Даже так?

— Да, черт меня побери! Кто-то должен за это ответить. Какая же сволочь могла убить нашу надежду?

— Представить не могу.

— Вы же американец, мистер Берри?

— А что, похож?

— Да, конечно. Я ведь тоже.

— Да ну!

— Колорадо, — ответил молодой человек. — Форт-Коллинз. А вы?

— А как вас сюда занесло?

— Хотел обслуживать празднество. Ну вот, максимум, чего добился. Я-то надеялся попасть в телохранители потентата, но, сдается, тут политика вмешалась.

— Да везде политика, — ответил Рэйфорд, открывая дверь «гольфстрима».

— Помощь нужна, мистер Берри?

— Да нет, спасибо.

— Так откуда, вы сказали, вы приехали?

«Я тебе ничего не говорил», — подумал Рэйфорд.

— Из Каламазоо, — ответил он, поднимаясь в самолет и забрасывая туда сумку.

— Это где? На Среднем Западе?

Рэйфорд ненавидел разговоры ни о чем, не говоря уж о том, что из-за малейшей задержки он мог попасть под арест и быть казнен.

— Минутку, сэр, — сказал охранник. — Меня вызывают.

— Мне пора, — ответил Рэйфорд. — Приятно было поговорить.

— Да минутку подождите, — с улыбкой сказал молодой человек. — Это ж вас не убьет, верно?

«Вполне может».

— Сынок, мне правда уже пора.

— Уайет.

— Что?

— Уайет. Это мое имя.

— Что же, спасибо, Уайет, и пока.

— Мистер Берри!

— Да, Уайет?

— Я не услышу, что мне по рации говорят, если вы заведете мотор. Секундочку обождите?

Из рации на временном столе Уайета посреди ангара слышалось:

— Офицер 423, вы слышите? Немедленно начинайте чрезвычайный досмотр всех самолетов!

— Уайет на связи. Вы имеет в виду тщательную проверку всего, даже малых самолетов?

— Вы где, 423?

— В ангаре номер 3, сэр.

— Это я и имею в виду!

Рэйфорд быстро закрыл дверь, но он не успел сесть в кабину, как к нему бегом бросился Уайет.

— Мистер Берри, сэр! Я должен попросить вас выйти из самолета!

Рэйфорд начал процесс запуска, что заставило Уайета броситься наперерез «гольф-стриму», размахивая руками. Винтовка болталась у него на животе. Вид у него был не встревоженный и даже не подозрительный. Он явно полагал, что Рэйфорд просто не услышал его.

Он знаком показал Рэйфорду открыть дверь. Рэйфорд думал просто взлететь, как только Уайет отойдет в сторону, надеясь, что Мировому Сообществу недостает персонала настолько и что они по уши заняты и не обратят на него внимания. Но он не хотел, чтобы за ним пустились в погоню в воздухе или чтобы восторженный дурак из Форт-Коллинза пристрелил его на взлетной полосе.

Он приоткрыл дверь на три дюйма.

— В чем дело, Уайет?

— Мне тут инструкцию дали, сэр, тщательно проверять и обыскивать даже малые самолеты нынче вечером. Это все из-за иерусалимских событий.

— Даже меня, Уайет? Парень из маленького городка вроде тебя будет обыскивать американца?

— Да придется, сэр. Вы уж извините.

— Уайет, вы «гольфстрим» знаете?

— Гольфстрим?

— Это самолет так называется.

— Нет, сэр. Я ж не летчик. Я солдат.

Рэйфорд выглянул из щелки.

— Если бы ты знал «гольфстрим», то ты бы понимал, Уайет, что при открытой двери я должен довести до конца весь процесс последовательности зажигания.

— Что, правда?

— Да, это что-то вроде механизма защиты, что не дает моторам включиться, пока дверь открыта.

— Да, сэр, извините, но я...

— И ты меня извини, Уайет, потому как ребята из диспетчерской могут на тебя настучать. Я ж пытался не дать тебе вляпаться в неприятность и убраться побыстрее.

— Но мой начальник только что сказал мне...

— Уайет! Слушай меня! Ты думаешь, это я застрелил Карпати?

— Да нет же! Я...

— Ты будешь меня учить, когда дело дойдет до оружия.

— Да, сэр, но...

— Конечно, да, но вот летать тебя буду учить я...

— Но я должен...

— Уайет, я только что слышал по радио, что сейчас очереди на посадку ждут два больших самолета, а еще один ждет команды на взлет. Если я сейчас не взлечу, то у меня уплотнитель перегреется, а тебе тут пожар

не нужен. Скажи своему боссу, что я уже взлетал, когда ты получил приказ, и все будет в порядке. Тебя не обвинят в медлительности, ты избежишь пожара и приказа не нарушишь.

Рэйфорд внимательно смотрел на руки Уайета и зажмурился на мгновение, когда тот передвинулся правее. Если тот направит на него винтовку, придется повиноваться. Но Уайет отсалютовал и показал на Рэйфорда:

— Хорошая идея, сэр. Летите.

Рэйфорд завел моторы и выехал на предангарную площадку. Ему не терпелось рассказать Маку обо всем. Слышал ли он по рации о других самолетах, которые еще не взлетели? Уплотнитель! Пожар! Цион говорил, что гибель населения может быть делом рук Господних — он устраняет наиболее неисправимых своих врагов в ожидании последней битвы.

— Диспетчерская аэропорта Бен-Гурион — «гольфстриму»!

Рэйфорд подался вперед, осмотрел как мог полосу и небо.

— Диспетчерская «гольфстриму», слышите меня?

Путь был свободен.

— «Гольфстрим», вы не прошли проверку! Оставайтесь на месте!

— «Гольфстрим» диспетчерской, — ответил Рэйфорд. — Продолжаю, спасибо.

— «Гольфстрим», повторяю — вы не прошли проверку!

— Проверен офицером 423, диспетчерская.

— Повторите?

— ...рен... два три... бой.

— Связь прерывается, «гольфстрим»! Взлет запрещен! Повторяю — запрещен!

— ...вязь... отбой...спасибо...

— У нас есть ваш полетный лист, «гольфстрим»?

— ... повторите, диспет...

— Полетный лист!

— ... фицер... два три....

— Если вы слышите, «гольфстрим», то знайте, что спутниковая навигация отключена, только ручное управление. Поняли?

Рэйфорд быстро отжал кнопку переговорника, затем нажал ее наполовину, создавая шумовые помехи на другом конце. Нет спутниковой связи? В чем-то он даже был этому рад. Нечего беспокоиться о погоде. Он летит вслепую, как и самолеты Мирового Сообщества. Значит, и телефоны отключены? Он попытался дозвониться до убежища, затем до четы Ласлос. Тишина. Он надеялся только на то, что успеет связаться с верными из Греции прежде, чем приземлится там. Возвращаться в Америку было бессмысленно. Если послание Лии означало то, что он думал, то Хэтти в Бельгии нет и она давно могла вывести Мировое Сообщество на убежище. Он надеялся только на то, что его сообщение попало на компьютер Давида прежде, чем спутники отключились.

* * *

Бизон и прежде, бывало, злился на своего тестя, но сегодня особенно. Связи нет? И что? Что ему теперь делать — забирать Лию из Брюсея и действовать по своему усмотрению, что ли? Теперь каждый за себя? И телефоны еще не работают...

Или попытаться проникнуть в дом Хаима и посмотреть, что там творится? Зачем эмэсовцы ворвалась туда? Они что, тоже Хаима ищут? Но почему? Бизон понимал, что кто-то уже забрал старика. Кто-то похитил его самого или его тело с места празднества. Конечно, человек после инсульта, прикованный к инвалидному креслу, не мог сам выбраться отсюда, тем более что его каталка валялась там, разбитая вдребезги.

Бизон поймал такси и добрался до места, которое некогда использовал как убежище здесь, в Израиле. Никого из знакомых он там не увидел. Он прошел несколько миль в темноте по развалинам, вдали завывали сирены и виделись отблески мигалок машин скорой помощи. Когда он, наконец, добрался до дома Хаима, там было темно. Неужели всех забрали? Конечно, персонала не хватало, но, если они ждали Хаима, могли бы и охранника оставить.

Бизон подобрался к дому с тыла. Его внезапно накрыла усталость. Такое случается со всеми, пережившими горе и потрясение, угаривал он себя. Он плохо знал Иакова, но как же он радовался тому, что молодой человек об-

ратился к Богу! Они держались на расстоянии, хотя им это и было не по вкусу, но они не могли рисковать. И пусть он и знал, что встретится с Иаковом во время Явления во Славе — если не прежде, — он боялся рассказать о том, что случилось с Иаковом его сотруднику, Стефану.

Хорошо, что Бизон знал этот дом как свои пять пальцев. Он боялся попасть в ловушку. Он не думал, что эмэсовцам было известно, что он в Израиле, но кто знает? Может, они затаились здесь и поджидают Хайма или даже Иакова. Возможно, информация о гибели Иакова еще не попала в базы данных Мирового Сообщества, хотя вряд ли. Но где же все?

Задняя дверь была открыта, и он проскользнул внутрь. Обычно в розетку у двери был воткнут на подзарядку фонарик, у самого пола, за кухонным столом. Бизон нащупал его, но не решился зажигать сразу, опасаясь засады в доме. Он вошел в кладовку и закрыл дверь прежде, чем включить его. Он чувствовал себя беспечным идиотом. Он не подходил для роли, которую ему сейчас приходилось брать на себя. Он все еще отчасти оставался журналистом, но сейчас он был еще и борцом за свободу. В какую же авантюру на этот раз вляпался ветеран отряда Скорби, забившись в кладовку и не имея под рукой ничего для своей защиты, кроме фонарика?

Он попытался нажать переключатель на стене кладовки. Ничего. Значит, ток отключен. Бизон быстро включил фонарик и так же быстро выключил. Что-то заметил краем

глаза. Это зрелище заставило его остолбенеть. Осмелится ли он направить туда луч? Он испустил прерывистый вздох. Кто может лежать там, в кладовке?

Он направил туда фонарик и зажег его. Просто коробки и банки. Просто лежат не на месте. Он приглушил свет и осторожно направился к двери. Прокрался сквозь кухню в столовую, затем в гостиную, в переднюю. Бизон все время держал фонарик перед собой, словно тот был включен, но, скорее, он служил ему чем-то вроде тросточки для слепого. Когда глаза его привыкли к темноте, он стал различать крохотные огоньки за окном, на улице. И постоянно были сирены.

Позже Бизону казалось, что запах крови он почувствовал прежде, чем услышал ее. Именно услышал. Он понял, что произошло что-то ужасное, как только вошел в холл. Что-то висело в воздухе. Жар? Ощущение присутствия? Да, кто-то тут был. Он остановился, всматриваясь в темноту. Он слышал стук собственного сердца, но что-то гораздо сильнее стучало в барабанные перепонки. Что-то капало. Кап-кап. Пауза. Кап-кап. Два источника звука? Часть его сознания не желала знать, не желала видеть. Он повернулся спиной к переднему окну и направил фонарик в сторону звука, собравшись с духом, готовясь защищать себя голыми руками и фонариком, если придется.

Бизон включил свет, но тут же зажмурился от ужаса. Он рухнул на колени, дыхание его прервалось.

— О Господи, — взмолился он. — Нет! Пожалуйста, Боже!

Настанет ли конец убийствам? Он лучше бы умер сам, чем увидел своих друзей, своих братьев, — а когда-нибудь и свою семью, — вот в таком виде. За долю секунды он увидел все — две жертвы сидели на деревянных креслах рядом друг с другом. Слева Ханнелора, справа ее мать. Обе были привязаны к креслам, рты их были заткнуты. Головы запрокинуты, кровь лужами скапливалась на полу.

Бизон не хотел, чтобы кто-нибудь заметил его снаружи. Эта сцена явно была подготовлена для того, чтобы «поприветствовать» того, кто вернется домой, — понятно, что убийцы не думали, что именно он обнаружит трупы. Бизон опустился на колени возле стульев, вздрагивая от звука капель. Он понимал, что если бы хоть одна из женщин была жива, то в таком положении дышали бы они громко и хрипло. И все же он должен был проверить. Он зажал фонарик между колен, направил его на женщин и включил. Когда он потянулся проверить пульс Ханнелоры, фонарик выскользнул и осветил ее щиколотки, крепко привязанные к ножкам стула. Когда он снова поднял его и покрепче зажал в коленях, он увидел, что ее руки стянуты у нее за спиной. Ханнелора была миниатюрной женщиной, и ее тело выгнулось, когда ей связали руки сзади. Бизон выдохнул сквозь стиснутые зубы.

Он схватил фонарик и зашел за стул, чтобы проверить пульс, и его рука попала под

капающую кровь. И хотя, как он и опасался, ее запястья были теплыми, пульса не было.

Мать Ханнелоры, сидевшая менее чем в футе от нее, была точно так же привязана к стулу. Это была приземистая, грузная женщина, так что кто-то с силой завел ей руки за спину и вывернул, чтобы связать их. Она тоже была мертва.

Кто мог такое сделать? И разве Стефан, с его пылкой кровью уроженца Ближнего Востока, не бросился бы их защищать? Где он? Бизон еле удерживался от того, чтобы не начать светить фонариком во все стороны, но это было бы самоубийство — его заметили бы с улицы. Он чуть ли не начал звать Стефана.

Хаима не было дома, когда Бизон говорил с Ханнелорой по телефону. Неужели эта бойня свидетельствовала о том, что Хаим вернулся? Или нет? Или Хаим был вынужден все это наблюдать? Первой задачей Бизона было найти Стефана, затем обшарить дом в поисках Хаима. Если Хаим не вернулся и все это было предупреждением ему, то вдруг дом окружен и под наблюдением? Возможно.

Бизон опасался, что он не найдет тела Стефана, да и Хаима тоже. Как Хаим мог сюда добраться? Кто мог подхватить его в падении, спасти или помочь ему спуститься с платформы? И зачем было убивать невинных людей? Или их пытали, чтобы получить информацию, и убили сразу же, как вытянули ее? Или убили за то, что они молчали?

Или это была просто месть? Хаим довольно едко отзывался о миротворцах Мирового Сообщества и о нарушении соглашения между Мировым Сообществом и Израилем.

Хотя он никогда не был религиозным, его возмущало до глубины души, что мировое правительство лезло даже в дела Храма. Сначала евреям позволили восстановить Храм, а потом запретили вести себя в Храме так, как они хотели.

Но вырезать за недовольство домочадцев государственного деятеля, объявленного национальным героем? И где он сам? У Бизона гудела голова, ему тяжело было дышать, не хватало воздуха. Ему страшно хотелось вернуться к Хлое и Кенни. Ему казалось, что он сто лет уже не обнимал их. Он понимал все — у каждого из них лишь один шанс из четырех дожить до Явления во Славе. Но если ему или им придется уйти на небо прежде, то он не хотел, чтобы они уходили вот так. Этого не заслуживал никто. Никто, кроме Карпати.

* * *

Давно Давид не был так зол. Возвращаясь к себе в кабинет из дворцового ангара, проходя мимо одетых в пышную церемониальную форму гвардейцев и носильщиков гроба, окруженных плотным кольцом вооруженных до зубов охранников, он получил по пэйджеру сигнал тревоги первого уровня. Конечно, сигнал был внутренний, но такой

код был зарезервирован на случай смертельно опасной ситуации. Он не узнал входящего номера, но понимал, что сигнал идет из самого дворца

В обычной ситуации он сразу бы отзвонился, опасаясь угрозы для себя или Энни, но все же потратил несколько секунд на поиск номера в списке персонала и нашел, что он исходит из крыла Искусств и Наук. Он бывал там только раз, не знал практически никого, и то, что считалось «искусством», настолько было противно ему, что тогда он просто убежал к себе в комнату, чувствуя себя в дерьме по уши.

Желая получить хоть намек на то, что случилось, прежде, чем ответить, он позвонил на номер своей голосовой почты и наткнулся на напыщенное сообщение от развязного «художника» С института Давид не слышал такой грязной ругани. Суть сообщения была в следующем: «Где вы? Где вас черти носят в такие времена? Посреди ночи! Вы слышали об убийстве? Позвоните мне! Это чрезвычайно важно!»

Он выждал девятнадцать секунд и снова позвонил на голосовую почту.

— Вы знаете, кто я? Я Гай Блод!

Он произносил имя «Гай» как «Ги», на французский манер, а «Блод» — как скандинав Давид видел его несколько раз, но ни разу с ним не говорил. Репутация его была широко известна. Это был неуравновешенный, но прославленный художник и скульптор, которого Карпати лично поставил на

пост министра культуры. Он не только сам написал несколько так называемых шедевров, украсивших холл и дворец, но также изваял много статуй героев мира, которые стояли на дворцовой площади, а также всегда наблюдал за украшением зданий Нового Вавилона. Его считали гением, но Давид — пусть и не специалист — считал его работы слишком кричащими и определенно бездарными. Девизом Блода было — чем больше шока и кощунства, тем лучше.

Давид хотел заставить Гая Блода ждать обратного звонка, но сейчас не время показывать свое отношение к Мировому Сообществу. Он не будет слушать болтовню Блода, но он должен быть вне подозрений и оставаться в милости у Фортунато. Усевшись за свой компьютер, он позвонил Блоду и по ходу дела начал задавать программу дозвола прямо из морга по звуковой команде.

Когда Блод ответил, Давид увидел на экране список сообщений.

— Гай на связи, — слышался голос Блода. — И лучше бы вам оказаться Давидом Хассидом. — Ударение он сделал на первом слоге.

— Моя фамилия Хассид.

— Это нетрудно будет запомнить, мистер Хассид. И где вас носило?

— То есть?

— Я пытался дозвониться до вас!

— Потому я вам и звоню сейчас, сэр.

— Не пытайтесь подколоть меня! Вы знаете, что случилось?

— Да разве мне кто сообщает, мистер Блод? — хмыкнул Давид. — Конечно, я знаю. А вам в голову не пришло, что именно поэтому до меня трудно дозвониться?

— Мне нужна эта фигня, и прямо сейчас!

— Что вам нужно, сэр?

— Вы можете достать это для меня?

— В зависимости от того, что за фигня, Блод.

— Для вас, дружочек, я мистер Блод. Мне сказали, что вы можете достать что угодно.

— Почти.

— Мне больше не к кому обратиться.

— Сделаю, что смогу.

— Да уж, постарайтесь. А сейчас марш ко мне в кабинет.

— Извините?

— Вы плохо слышите? Я сказал — явиться в мой...

— Я хорошо слышал вас, сэр, но у меня сегодня вечером слишком много дел, и я не могу...

— Вы будете делать то, что вам сказано. А теперь несите свою задницу сюда, и быстро.

Щелчок.

Давид повесил трубку и проверил сообщения. Самым тревожным было сообщение от Рэйфорда:

«Наш ботаник сообщает, что птичка улетела. Вскоре может понадобиться новая не-движимость. Подпись: Гео. Лог».

Давид несколько секунд щурился, вглядываясь в экран, страдая, что не может позво-

нить никому в убежище или Рэйфорду. Ему так хотелось снова активировать спутники хотя бы на время, чтобы позвонить, но он понимал, что это непременно будет обнаружено и ему придется держать ответ. Итак, Хэтти исчезла и убежище под угрозой. Он удалил письмо и вошел в базу данных по заброшенным, назначенным к сносу, разрушенным и/или зараженным радиоактивностью зданиям на Среднем Западе. Зазвонил телефон. Он посмотрел на часы. Шесть минут.

— Вы что себе позволяете?

— Прошу прощения?

— Это Давид Хайсид?

— Да, это директор Хассид.

— Вы знаете, кто с вами разговаривает?

— Да. Видимо, министр Блуд. Сто лет с вами не говорил. Очень рад снова вас слышать...

— Это министр БЛОД! Я велел вам явиться ко мне или нет?

— Мне выбрать из предложенного? По моему, говорили.

— Тогда почему вы не у меня?

— Позвольте догадаться. Наверное, потому, что я здесь.

— Слушайте, вы! Немедленно ко мне, или...

— Или что? Мамочке моей пожалуетесь? Я не ваш подчиненный, сэр. Если вам что-то от меня нужно и вы имеете доступ к верховному командующему...

— Агент по закупкам не подчиняется члену кабинета министров? Вы что, с Марса?

— Из Израиля, сэр.

— Прекратите называть меня сэр!

— Что? Вы не сэр? Простите, я-то думал, что вы мужского пола.

— Сидите на месте, директор. Я сейчас буду.

— Это оказалось не так сложно, Гай? Хотите говорить со мной — хлеб за брюхом не ходит.

Щелчок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Самолет Рэйфорда летел в ночи над Средиземным морем. До Греции оставалось часа два лету. Первые пятнадцать минут он проверял радиосвязь, чтобы убедиться, что его не преследуют и не отслеживают. Но канал был забит повторяющимися запросами на самолеты для эвакуации из Иерусалима в связи с землетрясением и убийством. Также постоянно следовали требования на транспорт для доставки в Новый Вавилон паломников. Люди жаждали проститься с потентатом на самой грандиозной в истории панихиде.

Когда «гольфстрим» уже достаточно долго шел над зеркальной поверхностью моря, сигналы местных радиовышек заглохли. Рэйфорд попытался дозвониться до друзей, но все было бесполезно. Он отключил телефон и радио и буквально в полной тишине летел на высоте тридцати одной тысячи футов в

гладком полете на реактивной тяге, оставляя за спиной шум моторов.

Внезапно на него навалилась вся тяжесть бытия. Неужели всего три с половиной года назад он, капитан «Боинга-747» крупной авиакомпании, наслаждался престижем своего положения и видел смысл существования в легкой жизни и материальном комфорте? Конечно, как муж и отец он был не подарок, но поговорка оправдалась — что имеем, не храним, потерявши — плачем.

С момента Восхищения праведников, которое остальные называли исчезновениями, жизнь его изменилась кардинально — и не только в духовном плане. Рэйфорд сравнил бы это ощущение с ощущением после смерти близкого человека. Не проходило ни дня, когда он не просыпался бы, чувствуя тяжесть настоящего, сталкиваясь с непреложным фактом, что, хотя он и примирился с Богом, Бог оставил его здесь.

Вся нация — да весь мир — жила с постоянным ощущением скорби. Каждый кого-то потерял, и прежде, чем это забудется, пройдет очень много времени. Страх пропустить школьный автобус, забыть домашнюю работу, забыть физкультурную форму, знать, что тебя застукают со шпаргалкой, вызовут к директору, уволят, ты обанкротишься, изменишь жене — все сплелось в один клубок.

Конечно, были и мгновения радости. Рэйфорд жил ради дочери и был рад, что она выбрала себе такого мужа. У него был внук, и хотя он появился в страшный момент

истории, его рождение заставило Рэйфорда резко мобилизоваться. Однако одна мысль о Бизоне, Хлое и Кенни возвращала его в реальность, а реальность была кошмарной.

«Гольфстрим» уже шесть миль как шел на автопилоте над сушей. Рэйфорд же смотрел в небо. На какое-то мгновение ему показалось, что у него нет тела, что он уже не связан с тысячей событий, произошедших за последние сорок два месяца. Неужели за такое короткое время он прожил половину жизни? За один только этот день он испытал больше эмоций, страха, гнева, разочарования и скорби, чем за всю свою жизнь. Сколько же способен вынести человек? Вернее, сколько же может вынести человеческое тело?

Как же ему хотелось поговорить с Ционом! Никому он не доверял так, как ему, и никого так не почитал, хотя тот был ненамного старше его. Рэйфорд не мог бы довериться ни Хлое, ни Бизону. Он ощущал внутреннее родство с Ти Деланти из аэропорта Палуоки, они могли бы стать настоящими друзьями. Ти был из тех людей, к мнению которых Рэйфорд прислушивался, даже если тот устраивал ему выволочку. Но Цион был человеком Божьим. Цион любил Рэйфорда, восхищался им и почитал его ни за что. Просто так. А так ли? Что бы подумал Цион, если бы он знал, что сделал Рэйфорд? Начать с того, что он бросил Лию и Бизона и — что еще хуже — намеревался, хотел и пытался убить Антихриста и, в конце концов, ведь убил, хоть и случайно.

Высота полета, прохладный воздух в кабине, возможность забыть о тревогах, отдохнуть от роли преследуемого беглеца — все это каким-то образом сошлось вместе и пробудило Рэйфорда к размышлению о том, кем он стал.

Поначалу он сопротивлялся вторжению реальности. Все удовлетворение, которое он находил в существовании на пределе, ушло, когда он позволил неприкрытой правде войти в его мысли. Он говорил себе — живи по программе, иди на автопилоте, как самолет, пусть тобой руководят эмоции. Что же стало с Рэйфордом — ученым, логиком, человеком, оставшимся в этом мире в первую очередь из-за того, что не желал прислушиваться к своей интуиции?

Когда он поймал себя на том, что разговаривает вслух, он понял, что пора посмотреть в глаза прежнему Рэйфорду — не тому, каким он был до Восхищения праведников, но неофиту. Последние несколько месяцев он часто задумывался — не сошел ли он с ума? А теперь говорит сам с собой среди ночи, находясь нигде. Как бы ему это ни претило, но пора заняться самоанализом. Давно уже он не пробовал разобраться в себе по-честному. В последние несколько месяцев он порой сомневался в своем разуме, но как-то мимоходом, так что ни к какому выводу прийти не успел. Им двигали гнев и жажда мести. Он стал безответственным, не похожим на себя.

Вращая эту мысль у себя в голове как, зефиринку на палочке, которую в детстве

пытался ровно подрумянить над огнем, Рэйфорд понял, что в конце концов он посмотрит в глаза не себе. Богу.

Рэйфорд не был уверен, желает ли он узреть ослепительный свет лика Божьего в зеркале своего разума. Вообще-то он был уверен, что не хочет. Но гончая небес¹ преследовала его, и Рэйфорд должен был бы быть совершенно безумным или бесчестным, чтобы отвернуться и броситься бежать. Он мог заткнуть уши и мурлыкать себе под нос песенку, как в детстве, когда мать пыталась ругать его. Или можно включить рацию, убеждая себя в том, что нужно проверить, не заработали ли спутники, или позвонить по телефону, чтобы попробовать, не действует ли глобальная система. Может, снять самолет с автопилота и занять себя навигацией в пустом небе?

В глубине души он ощущал, что не сможет примириться с собой, если будет вот так убежать от вопросов, так что пришлось преодолеть страх. Он не должен отворачиваться, он должен встать пред Господом и принять удар.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Итак?

* * *

Бизон слишком долго стоял на коленях рядом с убитыми женщинами — ноги затек-

¹ Стихотворение Фрэнсиса Томпсона (1859—1907).

ли, пришлось встать и размять их. Его окружала воистину могильная тьма, ибо дом его друга превратился в склеп. Он знал, что не герой и никогда им не будет. Он не был храбрецом. Он еле сдерживал рвущиеся из груди рыдания, потрясенный ужасом увиденного. Героем был Рэйфорд — он первым узрел истину и проложил путь для остальных. Он лишь на время потерял опору, утратив своего духовного наставника, но теперь твердой рукой вел других.

Чтобы сделать в такой ситуации Рэйфорд? Бизон по-прежнему волновался за него, не понимая той загадочной цели, которую тот сам себе поставил, бросив при этом Лию и Бизона на произвол судьбы. Бизон верил, что однажды он получит объяснение и во всем этом найдется какое-то рациональное зерно. Его не удивляло, что Рэйфорд стал раздражительным и погруженным в себя, если вспомнить, сколько он потерял. Бизон упрямо продолжал мысленно возводить его на пьедестал как лидера отряда Скорби и того, кто в данной ситуации повел себя с честью.

И что теперь? Конечно, надо найти Стефана. Затем отыскать тех, кто наблюдает за этим обиталищем смерти, сразиться с ними, победить их или, по крайней мере, уничтожить. Сбежать будет не так героично, но только на это Бизон и был способен. А пока он героически закончит дело в доме — найдет Стефана и Хаима, если они здесь, а затем унесет отсюда ноги.

Вот с тем, чтобы унести ноги, была проблема. Сдается, эмэсовцы, даже потеряв столько народу, озабоченные охраной праздника, вынужденные работать без продыху после землетрясения, потрясенные убийством, способны направить достаточно сил к этому самому дому. Бизон совершенно не удивился бы, если бы дом был окружен и его появление уже засекли и теперь лишь ждут, чтобы взять его тепленьким на выходе.

С другой стороны, возможно, они перевернули тут все, убили женщин и оставили дом как памятное послание.

Сгорая от стыда, как будто его жена и сын могли видеть его в темноте, всхлипывающего, как маленький мальчик, вместо того, чтобы вести себя по-мужски, Бизон шагнул вперед — и наступил на что-то. Он почти ожидал этого, так что не вскрикнул и не отпрянул в сторону. Он опустился на колени и нащупал мертвую руку, крепкую и мускулистую. Неужто и эмэсовцам досталось? Но вряд ли они оставили бы тут одного из своих, пусть и мертвого.

Бизон повернулся спиной к окну и снова зажег фонарик. Увидев то, что они сделали со Стефаном, Бизон ощутил, как наружу полезла его прежняя натура. Единственное, что он смог сделать, так это удержаться от крика при виде этих мерзостей. Дай бог, чтобы эмэсовцы, если они тут есть, не услышали, как он бродит по дому. Несмотря на страшное зрелище, Бизон заставил себя посмотреть еще раз, чтобы убедиться, что глаза ему не

лгут. Стефан лежал на полу. Лицо его было спокойным, глаза и рот закрыты, словно он спал. Его руки и ноги были отрублены и приложены к телу. Очевидно, это было сделано после смерти, потому, что следов борьбы не наблюдалось.

Бизон выронил фонарик, и тот покатился по полу, по счастью, лучом от окна. Бизон рухнул на колени, оперся руками на пол и попал в лужу липкой крови. Он стоял на четвереньках, тяжело дыша и хватая ртом воздух, чтобы не захлебнуться рыданиями. Чем они его убили? Сколько же они резали мертвое тело? И зачем? Что они хотели этим сказать?

Как он сможет рассказать об этом Хаиму? Или следующим он найдет труп своего старого друга?

* * *

В четыре пополудни в пятницу в Илинойсе Цион сидел перед телевизором, пытаясь разобраться в своих чувствах. Он все еще был способен радоваться, если, конечно, это слово в нынешние времена не утратило своего значения. Его забавляло бесконечное любопытство годовалого мальчика, рожицы, которые он строил. Кенни гукал, болтал и пыхтел, ползая повсюду, карабкаясь, трогая, посматривая на маму и «дядяцона», чтобы понять, одобряют они его выходки или нет.

Но о Кенни заботилась Хлоя, а Цион не желал упустить ни единого мгновения из

трансляции убийства. Он ждал известий о воскрешении Карпати и не позволял себе отойти от экрана дольше чем на минутую другую. Он перенес свой ноутбук в гостиную и положил рядом телефон. Все его внимание было сосредоточено на Израиле и Новом Вавилоне. Неудивительно было бы, если бы Карпати погрузили на борт самолета в Иерусалиме мертвым, а в Новом Вавилоне он бы сам сошел с трапа. Вот тогда ему бы точно стали поклоняться.

Цион очень беспокоился, не получая никаких известий от других бойцов отряда Скорби, и они с Хлоей по очереди сидели на телефоне, пытаясь дозвониться до каждого из них. Последнее известие было от Лии о том, что Хэтти нет в Брюсселе, что она сообщила об этом Бизону и что она не может связаться с Рэйфордом. С тех пор — ни единого слова.

Опасаясь слежки, Цион и Хлоя отключили большую часть освещения и постоянно проверяли холодильник, служивший на самом деле входом в подземное убежище. Обычно интригу Цион оставлял другим, занимаясь исследовательской работой, но у него было свое мнение по поводу безопасности убежища. «Может, — говорил он Хлое, — я и наивен, но я уверен, что если Хэтти и выдаст нас, то лишь случайно. Скорее всего, она пойдет к нам сама, а не пошлет кого-нибудь».

— Да, прямо как с Эрни и Бо.

Цион кивнул.

— И кто знает, что они могли сказать перед смертью?

Он пожал плечами.

— Если она могла бы выдать нас, она давно бы это сделала, еще до того, как ее посадили.

— Если она вообще была в тюрьме, — сказала Хлоя. И чуть не расплакалась.

— В чем дело, Хлоя? — спросил Цион. — За Кэмерона беспокоитесь?

Она кивнула, затем помотала головой.

— Цион, я могу с вами поговорить?

— Что за вопрос?

— То есть я не хочу, чтобы вы что-то упустили, вы же смотрите телевизор.

— Не упушу. Говорите.

Цион был очень обеспокоен тем, что Хлое было так трудно выражать свои мысли. Они всегда беседовали, но она никогда особенно не открывалась.

— Вы сами знаете, что я сохраню ваши тайны, — сказал он. — Считайте это привилегией моей прихожанки.

Но даже это не заставило Хлою улыбнуться. Впрочем, она все-таки ошарашила его.

— Наверное, я слишком много смотрю телевизор, — сказала она.

— В смысле?

— Эти инсценированные митинги, где все восхваляют Карпати.

— Я знаю. Это отвратительно. Они называют его «ваша милость» или как там еще.

— Еще хуже, Цион, — сказала она. — Вы видели ролики, где к нему приносят де-

тишек? Мы все знаем, что сейчас на земле нет детей старше трех лет, но они маршируют перед ним в мундирчиках Мирового Сообщества, приветствуют его от всего сердца, поют песенки в его честь! Это ужасно!

Цион согласился с ней. Работники детских учреждений и родители одевали детишек в форменные костюмчики, и очаровательные мальчики и девочки подносили ему цветы, их учили отдавать честь, и кланяться, и петь песни про Карпати.

— Вы понимаете, что в этом самое ужасное? — спросил он.

Хлоя с несчастным видом кивнула.

— Молитва? Я так испугалась молнии...

Цион вздрогнул, вспомнив переделку Иисусовой молитвы, которой обучали группу детишек, которые едва начинали говорить: «Отче наш, иже еси в Новом Вавилоне, да святится имя твое Карпати. Да придет царствие твое...»

Циону тогда стало так гадко, что он выключил телевизор. А Хлоя, похоже, досмотрела до конца.

— Я учусь, — сказала она.

— Хорошо, — сказал Цион. — Надеюсь на это. Мы не можем знать...

— Не то, что вы думаете, — сказала она. — Я изучала смерть.

Цион прищурился:

— Говорите.

— Я не позволю, чтобы я или мой сын попали в руки врага.

— Вы о чем?

— Я хочу сказать именно то, чего вы боитесь услышать, Цион.

— Вы говорили Кэмерону?

— Вы сказали, что сохраните тайну исповеди!

— И сохраню. Но вы рассказали ему о своих планах?

— У меня нет планов. Я просто учусь.

— Но вскоре у вас появится план, и я это вижу. Вы сказали — «я не позволю». Это показывает, что вы уже приняли решение. Вы хотите сказать, что если МС нас обнаружит и нас захватят, вы...

— Я не позволю им захватить Кенни или меня.

— И как?

— Мы скорее умрем.

— Вы покончите с собой?

— Да. И прежде совершу детоубийство.

Она сказала это с такой ледяной решимостью, что Цион не сразу нашел слова, внутренне молясь, чтобы Господь дал ему мудрости.

— Это знак веры или отсутствия веры? — сказал он наконец.

— Не знаю. Но я не могу представить, чтобы Господь хотел, чтобы я и мой малыш оказались в такой ситуации.

— Вы думаете, Он хочет, чтобы вы в ней оказались? Он не хочет, чтобы хоть кто-то пострадал. Он прежде всего хочет, чтобы вы были готовы уйти. Он...

— Я знаю, Цион. Я знаю. Я просто хочу сказать...

— Простите, что перебиваю, но я знаю, что вы хотите сказать. Я просто не верю, что вы честны сама с собой.

— Да куда уж честнее! Я убью себя и ре...

— Вы снова.

— Что?

— Вы просто облекаете в удобные слова свой грех. Вы не лучше тех, кто делает аборты и называет своих нерожденных детей эмбрионами или зародышами, нежелательными беременностями, от которых можно «избавиться» или «устранить» — чтобы не произносить слова «убить».

— Что? Я сказала, что я...

— Это вы и сказали. Но вы не сказали того, что имели в виду. Говорите же.

— Я уже сказала вам, Цион! Зачем вы так?

— Скажите мне вот что, Хлоя. Скажите, что вы собираетесь делать, если... — Он помолчал, не желая беспокоить Кенни разговором о нем. — Скажите мне, что вы собираетесь сделать с этим малышом, поскольку в первую очередь вы должны сделать что-то с ним. Если вы убьете себя, вы не сможете убить его, но никто из нас за вас это делать не будет.

— Я уже сказала, что сделаю с ним.

— А теперь откровенно скажите.

— Я сказала, что я убью его прежде, чем эмэсовцы его схватят. Так я и сделаю.

— Что сделаете?

— Убью его.

— А теперь скажите целиком.

— Я... убью... собственного ребенка.

— Ма-а! — отозвался Кенни и бросился к ней. Она, рыдая, подхватила его на руки.

— И как же вы это сделаете? — спокойно проговорил Цион.

— Этому я и учусь, — выдавила она. Малыш крепко обнял ее, затем убежал.

— А потом убьете себя. Зачем?

— Я не смогу жить без него.

— Значит, если Кэмерон после этого покончит с собой, он будет прав?

Она прикусила губу и покачала головой.

— Он нужен миру.

— Миру нужны вы, Хлоя. Подумайте о сотрудничестве, о международном...

— Не могу я больше думать! — сказала она. — Я хочу покончить с этим! Я хочу, чтобы все это кончилось! Я не понимаю, о чем мы вообще думали, родив ребенка в такое время...

— Этот малыш принес столько радости в наш дом... — начал было Цион.

— ...что я не могу оказать ему медвежью услугу и отдать Мировому Сообществу.

Цион снова сел, глянув на экран телевизора.

— Значит, приходит МС, вы убиваете ребенка, убиваете себя, Кэмерон и ваш отец кончают с собой... и где конец?

— Они не сделают этого. Они не могут.

— Вы не можете. И не сделаете этого.

— Я думала, что могу поговорить с вами, Цион.

— А чего вы ожидали? Что я одобрю ваш поступок?

— Хотя бы посочувствуете.

— Я и сочувствую, — ответил он. — Мне не хочется продолжать жить без вас или вашего малыша. Вы знаете, что будет потом.

— О, Цион, не лишайте вашу всемирную церковь руководства!

Он выпрямился и положил руки на колени.

— Но вы же хотите лишить меня себя? Я вам вовсе не так дорог, как вы мне, или, по крайней мере, я думал, что я вам ближе.

Хлоя вздохнула и посмотрела на потолок.

— От вас нет поддержки, — в притворном гневе сказала она.

— Пытаюсь, — ответил он.

— Знаю. И ценю.

Цион попросил ее помолиться вместе с ним за дорогих им людей. Она опустилась на колени рядом с тахтой, сложила руки, и вскоре после начала молитвы Цион услышал какой-то звук. Он обернулся и увидел, как Кенни опустился на колени рядом с матерью, сложив ладошки и прикрыв глазки.

* * *

Вживую Гай Блод оказался еще более противным и заносчивым. Он появился в сопровождении небольшой свиты столь же раздраженных мужчин сильно за тридцать. Несмотря на то что они принадлежали к разным национальностям, по одежде и поведению они были сущие близнецы-братья. Давид показал Гаю через стол на кресло.

— Это вы называете гостеприимством? — взорвался Гай. — Нас тут шестеро, приятель.

— Прошу прощения, — отозвался Давид, — но мне казалось, что именно гость сообщает хозяину, сколько он приводит с собой народу.

Гай отмахнулся, его приспешники мрачно выстроились у него за спиной, скрестив руки.

— Верховный командующий поручил мне сделать бронзовую статую Николае. И я должен сваять ее быстренько, так что можете достать мне материалы?

Их прервал настойчивый стук в дверь. В дверь заглянула женщина лет под семьдесят, седая, приземистая и коренастая.

— Мисс Айвинз, — сказал Давид, — чем могу помочь?

— Простите, — сказал Гай, — у нас тут совещание.

Давид встал.

— Все в порядке, мисс Айвинз. Вы же знаете Гая.

— Да уж, — грустно покачала она головой.

— А вы, Гай, знаете, что Вивиан...

— Да, единственная из оставшихся в живых родственников потентата. Я глубоко оплакиваю вашу потерю, мэм, но...

— Чем я могу вам помочь, мэм? — прервал его Давид.

— Мне нужны волонтеры, чтобы удерживать толпу, — сказала она. — Люди уже слетаются со всех концов света и...

— Сейчас уже полночь! — воскликнул Гай. — Они что, не знают, что погребение

состоится как минимум через два дня? И что нам со всеми ними делать?

— Командующий Фортунато просит, чтобы весь персонал в должностях ниже директора...

— Это ко мне не относится, Вивиан! — сказал Гай. — И к Хайсиду тоже.

— А как ваши ассистенты, Гай? — спросил Давид.

— Они нужны мне все до единого для работы над моим проектом! Вив, вы же не думаете...

— Я знаю о вашем поручении, Гай, — сказала Вивиан Айвинз, но произнесла она его имя как «гей», и он быстро поправил ее. Она пропустила его слова мимо ушей. — У меня тоже есть дело. Если вы, господа, сможете распространить информацию о моем запросе среди ваших подчиненных, администрация будет вам благодарна.

Давид вернулся в кресло и быстро набрал сообщение, чтобы распространить его по электронной почте среди своих подчиненных. Мисс Айвинз вышла и закрыла дверь.

— Разве мы плохо работаем? — задал вопрос Гай.

— Пытаемся, — ответил Давид.

— Я знаю, какое у нее поручение, — сказал Гай. — Вы слышали?

— Мне своих хлопот хватает.

Давид вел себя достаточно равнодушно, чтобы Гай обернулся к своим и прошипел:

— Та фигня с региональным кодированием. — Давид умирал от любопытства, но не

показывал виду. Гай повернулся в кресле лицом к Давиду и спросил: — Итак?

— Я намеревался просмотреть мой каталог насчет поставщиков бронзы и железа, а вы собирались определиться поточнее.

— О'кей, мне нужна компьютерная программа, которая поможет мне понять, как это сделать. Я жду от коронера отливку в натуральную величину тела Карпати — ужас какой! — и мне нужно увеличить его в четыре раза. Понимаете?

— Я помню арифметику, Гай.

— Я просто пытаюсь помочь. Итак, мир?

— Мир?

— Для начала покончим с перебранкой.

— Как угодно, Гай.

— Уж будьте любезны.

— Пытаюсь.

— Короче, я хочу сделать Карпати высотой в двадцать четыре фута, из бронзы, но мне понадобится что-то вроде эбеновой отделки с текстурой железа. Эбеновый — значит черный.

— Я и цвета еще помню, Гай.

— Из-ви-ни-те, Давид! Вам совсем не нужна помощь?

— Понадобится, если ваши материалы надо добыть быстро. Что вам нужно и как скоро?

Гай подался вперед.

— Наконец-то дошли до дела. Эта штука будет полой, толщиной от четверти дюйма до трех восьмых, но она должна быть достаточно прочной и сбалансированной, чтобы

стоять прямо без подпорки, прямо как Николае, будь он такого же роста.

Давид пожал плечами.

— Ну, так увеличьте его и поколдуйте с ботинками, если придется, поскольку неживой объект не может сам держать баланс, чтобы стоять.

— Ботинки!

— Что, ваша статуя будет босой?

Гай захихикал и обменялся улыбками со своими клонами.

— Ох, Давид, — сказал он, поднимая ноги и крутясь в кресле. — Моя статуя будет *au naturel*¹.

Давид скривился.

— Вы шутите!

— Серьезен, как никогда. А вы думали, эта дамочка сделает его отливку прямо в костюме?

— Почему нет?

Гай пошевелил пальцами в воздухе и сказал:

— Забудьте, забудьте, вы все равно не поймете. Вы явно не способны понимать красоту обнаженного человеческого тела. Вы просто...

— Гай, я полагаю, что эта статуя займет особое место во дворце...

— Во дворце? Мальчик мой! Это же будет величайший шедевр в истории человечества, мое *piece de resistance*². Он будет сто-

¹ То есть обнаженной (*фр.*).

² Основное блюдо (*фр.*).

ять на дворцовой площади всего в тридцати футах от места упокоения потентата!

— Значит, весь мир его увидит.

— Во всей его красе.

— И это ваш шедевр.

Гай кивнул, его так и распирало от ликования.

— Значит, если я возьму фотографию и обведу ее, я тоже буду считаться художником?

Гай был оскорблен до глубины души.

— Вы настолько же далеки от истинного искусства, как я от...

— И как же тогда оценивать ваше произведение мертвого тела?

— Вы оскорбить меня хотите или правда интересуетесь?

— Считайте, что правда интересуюсь. Я действительно хочу понять.

— Дело в концепции! Я ее выносил, Давид! Я буду наблюдать за сооружением. Я закончу отделку лица, оставив глаза пустыми. Меня попросили изваять огромную статую величайшего человека в истории, можно сказать, сам Бог велел!

— Вы говорите о Боге?

— Это просто к слову, Хайсид. На самом деле меня вдохновляет моя муза. Кто может такое объяснить? Я приписываю все это моему гению, единственному, что не дает мне рухнуть под невыносимым грузом моего эго. Можете представить себе, как приводит в смятение тот факт, что все, что выходит из твоих рук, восхваляют все вокруг? Нет, я не жалею, но такое внимание просто уни-

чтожает. Муза — моя опора. Мой дар гнетет меня — дар музыки, — как и любого другого. Я радуюсь, как и все.

— Да уж.

— Да. И мне не терпится взяться за эту работу. Я полагаю, мне предоставят доступ к литейному цеху Мирового Сообщества, поскольку времени делать это где-то на стороне у нас нет.

Давид прикрыл глаз.

— Литейная работает в три смены семь дней в неделю. Дешевле вышло бы в Азии, где...

— Давид, помогите мне оставаться в рамках приличий, поскольку я сам виноват, что не прояснил все до конца. Верховный командующий Фортунато, который, если вы сами не понимаете, скорее всего, станет новым потентатом после погребения Карпати, желает, чтобы монумент был готов не позже чем на рассвете в воскресенье.

Гай уставился на Давида, словно ждал, когда до того дойдет. Не получилось. Давид посмотрел на часы. Был час дня субботы, по стандартному карпатанскому времени.

— Вряд ли выйдет, — сказал он, — но я не вижу способа переубедить вас.

— Мне показалось, что мы начали сотрудничать!

«Не дожدهшься», — подумал Давид.

— Шизаки, — сказал Гай, — прошу.

Азиат с двухдюймовыми ногтями, выкрашенными зеленым лаком, с улыбкой показал рассчитанный на компьютере график

работ. Он требовал доставки материалов и определения места производства до полудня субботы. В качестве дополнения проводился проект скульптуры и отливки. К полуночи субботы литейный цех должен был сделать отливку по требованиям скульптора и доставить ее на двор. Там Гай и его помощники будут доводить ее до готовности, чтобы выставить ее на обозрение скорбящих прямо на рассвете в воскресенье.

— Это не просто амбициозный план, Гай, — сказал Давид. — Это чистая авантюра.

— Авантюра, — признал Гай, глядя куда-то в пространство. — Теперь нужна эпитафия.

— Вам придется работать с тем, что уже есть под рукой, — сказал Давид.

— Я так и думал. Но вы должны заморозить текущие проекты, поставить этот во главу приоритетов и дать мне допуск в литейную, чтобы фактура и цвет были такими, как надо.

— Придется надеть защитную одежду и шлем, — съязвил Давид.

Гай глянул на своих спутников:

— Я люблю обновки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рэйфорду было на руку, что Мировое Сообщество оставило Грецию фактически без внимания. Разделив мир на десять регионов, управлявшихся субпотентатами, которых Цион Бен-Иегуда называл царями, они включили Грецию в Соединенные Штаты Святых земель. Потентат Греции поначалу пытался добиться независимости, как и все остальные, затем попросил о включении в Соединенные Штаты Европы.

Карпати взялся лично успокоить греков. Он нанес визит в эту страну и, появляясь на различных приемах, утверждал, что берет на себя полную ответственность за включение Греции в «его» регион. Лукас Миклос однажды даже спародировал в разговоре с Рэйфордом восточноевропейский акцент потентата, когда тот речами улещивал его соотечественников.

— Вы очень религиозный народ, — говорил Карпати, — занимающий выдающееся место в истории множества религиозных систем. Вы стоите у колыбели цивилизации и Соединенных Штатов Европы, так что я лично выступаю за присуждение вашей стране статуса Святой земли. Я сам родился не так далеко от ваших северных границ. Демаркационная линия этого региона охватывает и мою родину, и место моего пребывания, и Грецию. Я с радостью принимаю вас в мой регион. Я уверен, включение Греции в регион, в котором находится ныне новая столица мира, принесет вашей стране неоспоримые преимущества.

Это выступление обеспечило ему сердечную поддержку большинства греков. Одним из огромных преимуществ для святых времени Скорби было то, что Греция не рассматривалась как возможный источник сопротивления. Возникшая там церковь немедленно ушла в подполье, опасаясь привлечь внимание Мирового Сообщества. Доктор Бен-Иегуда переписывался почти с тысячей греческих христиан, которых он включал в число ста сорока четырех тысяч свидетелей. Это были мессианские евреи, многие из которых присутствовали на собрании свидетелей в Израиле и вернулись на родину, чтобы обратиться ко Христу десятки тысяч.

Местная подпольная ячейка верующих, к которой принадлежали супруги Миклос, разрослась настолько, что уже несколько раз разделилась и теперь включала более ты-

сячи «малых групп», которые на самом деле были не так уж и малы. Новая объединенная церковь была слишком большой, чтобы все ее члены могли собираться вместе, не раскрыв себя. Главы-свидетели каждой фракции встречались раз в месяц для совместного обучения и взаимного воодушевления. И конечно, вся церковь считала себя частью нового мирового сообщества верующих, признававших интернет-проповедника Циона Бен-Иегуду своим фактическим духовным лидером.

Подпольное существование греческой церкви, совершенно не мешало ее проповеднической деятельности, зато это помогло ей скрываться от Мирового Сообщества. Частные исследования Бизона Уильямса для его интернет-журнала «Истина» — при помощи суперхакера Давида Хассида — показали, что Греция совершенно не привлекает внимания разведки Мирового Сообщества. Расходов на контроль над страной почти не было. Большая часть миротворцев была переброшена в Израиль на время праздника, а после убийства потентата — в Новый Вавилон.

Так что Рэйфорд не удивился, что маленький аэропорт во Птолемаиде был не только закрыт и погружен во тьму, но и совершенно безлюден. У Рэйфорда не было ни прожекторов, ни уверенности в себе, чтобы садиться в темноте на неосвещенную полосу. Он несколько раз облетел поле, не желая привлекать внимания, затем направился на

юг, за двадцать пять миль отсюда, к более крупному аэропорту в Козани. Он тоже был закрыт, но одна полоса для посадки частных грузовых самолетов оставалась освещенной на всякий случай. Рэйфорд подождал, пока приземлится огромный самолет для международных перевозок, пока он вырулит к грузовому ангару, затем настроил свои приборы на посадку.

Он не знал, как свяжется с Ласлосом и найдет ли попутку до Птолемаиды. Возможно, на таком расстоянии он сможет воспользоваться своим телефоном и без помощи спутника. Ему не хотелось тревожить Миклосов в такой час, но он делал такое и прежде. Они всегда понимали ситуацию. Похоже, им нравилась интрига подпольных действий — как госпоже Миклос, так и самому Лукасу.

Со странным спокойствием в душе Рэйфорд снижался над Козани. Он был уверен, что во время полета испытал личный контакт с Богом, и теперь чувствовал себя связанным с небом гораздо крепче, чем все эти годы. Именно тогда Рэйфорд, наконец, прочувствовал фразу из Писания: «Будь спокоен и знай, что Я Господь». После долгих месяцев рационального анализа, самооправданий и действий только по собственному усмотрению он наконец сдался и стал искать Бога.

Первым охватившим его чувством был стыд. Бог доверил ему, неопиту, роль Своего предводителя. Бог использовал данные Им Рэйфорду дары для того, чтобы направлять

маленькую группку верующих, известных как отряд Скорби.

Рэйфорд знал, что в отряде были люди и поумнее его, включая его дочь и зятя. И есть ли на земле человек, способный сравниться с Ционом Бен-Иегудой? И все же они смотрели на Рэйфорда как на командира. Он не искал этого и не радовался этому. Но он взял на себя руководство. Отряд увеличивался, и ответственность Рэйфорда тоже возрастала. Но хотя его возможности расширялись вместе с увеличением числа его подопечных, в его действия начал вмешиваться элемент нелогичности. Человек, гордившийся своим прагматизмом, обнаружил, что живет чувствами.

Поначалу, повинувшись своим эмоциям, он пережил подобие раскаяния. Благодаря этому он стал больше заботиться о дочери, по-настоящему прочувствовал и оплакал потерю жены и сына и понял, насколько же он их любил. Это позволило ему увидеть себя таким, каким он был на самом деле, осознать необходимость получить прощение, прийти к Христу.

Но, что вполне понятно, Рэйфорд никак не мог примирить разум и чувства. Никто не отрицал, что за три с половиной года ему выпало слишком много горя и страданий, гораздо больше, чем смог бы пережить обычный человек. Но чувства, направившие его к вере, каким-то образом перевесили его хладнокровие, делавшее его прирожденным лидером. Рэйфорд не был склонен ко всяко-

го рода психоделике, но этой ночью, открыв себя Богу, он увидел в своей душе то, что разрушало все его труды, — грех.

Он стал самолюбив, злобен и мстителен. Он пытался занять место Бога, как мстителя и защитника отряда Скорби. И этим сделал их куда более уязвимыми, чем раньше. Осмелившись посмотреть на себя в этом духовном зеркале, Рэйфорд испугался того, что увидел. Человек, который был полностью обязан Богу своим спасением, благодарен ему за всепрощение и любовь, теперь жил сам по себе. Он все еще считал себя верующим. Но что случилось с его зависимостью от Бога, от советов друзей, родственников и духовных наставников? Что стало с его любовью к Библии и стремлением к молитве, к тому руководству, которое он находил в них?

Бог пролил свет истины в душу Рэйфорда, и он увидел, чем стал и взмолился о прощении и возрождении. Его гнев — это и есть его грех? Нет, не получается. Писание говорило: «Гневайтесь, но не грешите». Значит, сам по себе гнев — не грех. А вот то, что он натворил, предавшись гневу, точно было грехом. Он позволил гневу поглотить себя, он позволил гневу вплестись в его взаимоотношения с Богом и теми, кого любил.

Рэйфорд отдалился от всех, живя лишь своими личными устремлениями. Сквозь слезы он пытался узреть себя во всей откровенной неприглядности, таким, как показал ему Бог.

— Я понимаю, — шептал он, — что недостойн быть в отряде Скорби.

Но Бог не подтверждал этого. Рэйфорд ощущал лишь непреодолимую жажду найти в Библии какие-нибудь указания, как ему быть дальше. Он жаждал молиться, молиться беспрерывно, постоянно быть в соприкосновении с Богом, как в тот момент, когда уверовал. Он не знал, что это значило для его роли лидера отряда Скорби. Куда важнее было вернуться к началу, вернуться к Богу.

Рэйфорд увидел, что команда грузового самолета занята работой. Он провел «гольф-стрим» с четверть мили к месту стоянки. Рабочие едва глянули в его сторону, когда он торопливо прошел мимо них с сумкой через плечо, словно целенаправленно шел куда-то по какому-то конкретному делу. Как только он вышел из ворот аэропорта и нашел темное место подальше от дорожных фонарей, он позвонил домой Миклосам. Госпожа Миклос подняла трубку после первого же звонка.

— Это ваш американский друг, — сказал он, и она немедленно перешла с греческого на очень скверный английский.

— Скажите код, который я знаю, — сказала она.

Код? Он не мог припомнить никакого кода. Может, это было принято среди местных верных?

— Иисус есть Спаситель и Мессия, — ответил он.

— Это не код, — сказала она. — Но я знаю голос. Видела в телевизоре.

— Вы? Меня?

— Да. Вы застрелили Карпати?

У Рэйфорда пересохло во рту. Значит, камеры таки засекли его.

— Нет! — ответил он. — По крайней мере, я так не думаю. Я не хотел. А что говорят?

— Отпечатки пальцев, — сказала она. — На оружии.

Рэйфорд покачал головой. Он был настолько уверен в том, что если убьет Карпати, то его возьмут или прикончат на месте, что и не подумал об отпечатках. Он и о бегстве не помышлял. Это было настоящим преступлением — даже не подумать вытереть рукоять своим балахоном прежде, чем выбросить оружие!

— Они показывали мое лицо?

— Да.

Он сказал ей, где находится, и спросил, дома ли они сейчас.

— Нет. У пастыря. Молимся за вас.

— Не хочу компрометировать вас, — сказал он. — Сейчас улетаю в Америку.

— Не понимаю — компрометировать? — сказала она.

— О, простите. Ставить вас под удар. Устраивать неприятности. Не хочу, чтобы вас видели со мной.

— Ласлос вас не оставит. Я ему скажу. Он позвонит вам.

Рэйфорду очень не хотелось подставлять греческих верующих, но Ласлос говорил по-английски гораздо лучше жены, так что, наверное, если он поговорит с ним, его легче удастся переубедить. Он дал ей свой номер и стал ждать в тени кустарника в стороне от

временной дороги, уводившей к северу от аэропорта.

* * *

Бизон забрался на второй этаж массивного дома Розенцвейга и, периодически осторожно включая фонарик, стал искать Хаима. Он слышал снаружи шум в кустах и замер на месте. Задержал дыхание и прокрался к окну, вглядываясь вниз и отчаянно пытаясь не попасться на глаза. Кто-то стоял внизу и делал знаки остальным. В темноте зашевелились тени. Он не представлял, как сумеет сбежать отсюда, пока не понял, что же на самом деле происходит.

Все миротворческие силы Мирового Сообщества были мобилизованы ради единственной цели — поймать беглеца. И когда сообщение на нескольких языках прогремело из мобильных громкоговорителей, стало ясно, кого они ищут.

— Вниманию всех граждан и служащих Мирового Сообщества! — гроыхало сообщение. — По обвинению в заговоре с целью убийства потентата Николае Карпати разыскивается американец Рэйфорд Стил, бывший служащий Мирового Сообщества. Может изменить внешность. Возможно, вооружен. Очень опасен. Квалифицированный пилот. Любая информация о его местонахождении...

Рэйфорд? Заговор? Мировое Сообщество цеплялось за соломинку.

Миротворцы внизу, похоже, совещались, оставить ли здесь кого-нибудь. Наконец, их командир что-то рявкнул и махнул рукой, приказывая следовать за собой. Бизон выждал несколько минут, затем проверил обстановку, вглядываясь в ночь из каждого окна и прислушиваясь к шорохам, нет ли тут врагов. Он ничего не увидел и не услышал. Сейчас его главным врагом было время.

Мастерскую Хаима он оставил напоследок. Окон там не было, так что, распахнув дверь, он сразу же зажег фонарик и осветил все вокруг. Мастерская была пуста, но тоже выглядела не так, как в последний раз, когда Бизон здесь был. Хаим показывал ему свои поделки, но сейчас их не было. Здесь вообще ничего не было. Даже тиски сняты с верстака и убраны на место. Пол вымыт, инструменты висят по местам, столы убраны. Впечатление было такое, словно владелец переехал или помещение было решено переделать под другие цели.

Бизон вышел и закрыл дверь. Что-то маячило на самом краю сознания, несмотря на страх и отвращение, стянувшие горло. Он сунул фонарик в карман и осторожно вернулся к входной двери. Косяк был разворочен. Хотя он и был уверен, что это сделали эмэсовцы и что они уже покинули дом, ему казалось, что лучше будет уйти отсюда тем же путем, что он вошел. Возвращаясь к черному ходу, он все думал — кто же убрался в мастерской Хаима? Или он сам успел это сделать до того, как его раз-

бил паралич? Или домочадцы, когда всем стало ясно, что больше он не сможет заниматься своим хобби?

Бизон ощупью уходил прочь, часто останавливаясь, чтобы прислушаться — не слышно ли звуков шагов или чужого дыхания на фоне далеких сирен и рева громкоговорителей из соседнего квартала? Он пробирался в темноте по развалинам, оставленным землетрясением, пока не нашел участок, куда не достигал свет уличных фонарей.

Он должен был точно узнать, что случилось с Хаимом, прежде, чем встречаться с Рэйфордом или Лией. Но с чего начать? Не так давно Бизон попытался бы найти его через Иакова, Ханнелору, ее мать или Стефана. Он медленно побрел куда глаза глядят, и слезы текли по его щекам.

* * *

Поздним вечером пятницы в Иллинойсе, когда Хлоя кормила Кенни, на экране телевизора, стоящего в другой комнате, вдруг появилась фотография Рэйфорда с его эмсовского удостоверения личности. Цион побледнел и бросился к экрану, чтобы приглушить звук и прослушать новости. Цион молился за Рэйфорда, волновался за него. Когда Рэйфорд, Лия и Бизон уехали, Цион знал, на какое задание отправляется каждый из них, и опасался, что Рэйфорд не удовлетворится только ролью пилота. Он побывал в

центре таких событий, но теперь он был всего лишь беглецом, которому даже больше, чем другим, приходилось держаться в тени.

Что же он теперь будет делать? В новостях говорили, что он стрелял из пистолета, из которого, возможно, и был убит Карпати. Но разве можно это сделать среди такой огромной толпы и уцелеть? Цион никогда так не жаждал поговорить с Рэйфордом и никогда не молился ни за кого с такой тяжелой душой.

Эта тяжесть была для него не в новинку. Циона вдруг поразило, что больше всего он молился именно за Рэйфорда. Понятно, почему сейчас именно ему нужны молитвы, но сейчас, закрыв глаза и прикрыв их рукой, Цион никак не мог успокоиться. Он понимал, что ему придется рассказать Хлое, что ее отец подозревается в убийстве — или заговоре с целью убийства, как говорили телеведущие, — но не это тревожило его. Он был просто не в состоянии молиться и понимал в этой ситуации только одно — Рэйфорду сейчас нужен настоящий заступник.

Цион был знаком с практикой молитв о заступничестве, по большей части в протестантской традиции — фундаменталистов и пятидесятников. Это было большее погружение, чем просто молитва за кого-то. Они были уверены, что истинная молитва о защите включает глубокое сопереживание и что тот, кто молится о защите, буквально становится на место того, кто в этой защите нуждается.

Цион мысленно спросил себя — готов ли он действительно поменяться местами с Рэйфордом? Это был всего лишь опыт. Он не мог по-настоящему поменяться с ним местами и стать подозреваемым в убийстве Антихриста. Но он мог сделать это мысленно, он мог открыть Господу свою готовность принять на свои плечи это бремя.

Но даже это не успокоило душу Циона. Он попытался опуститься на колено, склонив голову, затем на оба, затем повернулся и положил руки на сиденье кресла и опустил голову на руки. Он боялся, что Хлоя удивится, увидев его таким, — с чего это он вдруг не всматривается жадно в экран, как обычно, а стоит в позе полного раскаяния? Это было не обычно. Конечно он часто молился так в одиночестве, но Хлое такое «показное» самоуничтожение показалось бы помрачением ума, и она непременно спросила бы его, в чем дело.

Но эти тревоги быстро отступили под натиском духовной жажды Циона. Он так глубоко сопереживал и сострадал Рэйфорду, что даже невольно застонал и упал на пол.

Он стоял, упершись лбом в диван, отвернувшись от замолкнувшего телевизора. Он стонал и плакал, молясь за Рэйфорда. Он был воспитан в культуре, не приветствовавшей открытого проявления чувств, и потому утрата душевного равновесия выбила его из колеи. Перед его внутренним взором предстал вдруг не Рэйфорд со всеми его бедами, а само величие Господне. Цион снова ощутил

себя недостойным, полным стыда, нечистым, словно стоял перед самим Господом.

Цион понимал, что эта молитва была, образно выражаясь, наглым обращением к престолу, но он никогда не ощущал такой физической близости к Создателю. Он простерся на полу, прижимаясь лбом к грязному ковру.

Но и это не смогло облегчить головокружение. Цион словно вышел из тела, сущее вдруг будто отступило. Он лишь смутно осознал, где находится, смутно слышал тихое бормотание телевизора, воркование Хлои и хихиканье Кенни, которого она упрашивала покушать.

— Цион?

Он ответил не сразу, поскольку не сразу сообразил, что находится в сознании. Или это сон?

— Цион?

Голос был женским.

— Мне еще раз позвонить?

Он открыл глаза, внезапно ощутив запах старого ковра и жгучую соль слез на глазах.

— Да? — выдавил из себя он. Горло было стянуто, голос хриплый.

Шаги.

— Я думала, не попытаться ли еще раз позвонить... Цион, что с вами?

Он медленно поднялся.

— Все хорошо, дорогая. Просто вдруг как-то устал...

— Еще бы! Отдохните немного. Поспите. Я разбужу вас, если что-то случится. Я не позволю вам пропустить ничего важного.

Цион сел на краешек дивана, поникнув и свесив сцепленные руки между коленей.

— Я был бы очень благодарен, — сказал он. И, мотнув головой в сторону соседней комнаты, спросил: — Он в порядке?

Она кивнула.

— Лучше бы вам сесть, — сказал он.

Хлоя ошеломленно уставилась на него.

— Что-то случилось? С Бизоном?..

— Нет, я ничего не слышал о Бизоне или Лие, — сказал он, и она выдохнула. — Но вы должны знать, что случилось с вашим отцом...

* * *

Давид попытался послать Вивиан Айвинз электронное сообщение со списком тех служащих его департамента, которые могли бы отработать двойную норму в течение нескольких последующих дней, но письмо вернулось как неотправленное. Но все равно по дороге в ангар придется пройти мимо ее кабинета, поэтому он распечатал список и взял с собой.

По пути получил вызов от мастера литейного цеха.

— Вы понимаете, о чем просите? — сказал он.

— Конечно, Ганс, — ответил Давид. — И вы должны понимать, что это не моя просьба.

— Если только это не приказ самого Фортунато, то я не понимаю, как мы...

— Это его приказ.

— ...это выполним. То есть это слишком...
Его?

— Его самого.

— Понял.

Давид сунул распечатку в щель на двери Вивиан, но та не была заперта и распахнулась. Маленький темный кабинет немедленно осветился, когда сработали настроенные на движение фотоэлементы. По дворцу ходили слухи, что порой Карпати позволял своей так называемой тетушке со стороны матери спать за столом так долго, что свет в кабинете выключался. Если что-то будило ее или она шевелилась во сне, снова включался свет, и она возвращалась к работе как ни в чем не бывало.

Давид убедился, что ее нет внутри, затем хотел было захлопнуть дверь, но что-то на ее столе привлекло его внимание. Она разложила на нем карту мира, на которой четко были проведены границы десяти мировых регионов. Он видел такое и прежде, но это была старая карта, тех времен, когда эти десять регионов были членами расширенного Совета Безопасности ООН. Когда Карпати переименовал единое мировое правительство, назвав его Мировым Сообществом, он также изменил и названия десяти регионов. Например, Соединенные Штаты Америки стали Соединенными Штатами Северной Америки. Вив Айвинз не только выправила от руки эти названия, но также добавила в скобках возле каждого из них какие-то цифры.

Давид ощущал себя каким-то мерзким соглядатаем, но кто знает, вдруг это важно для отряда Скорби и святых всего мира? По дороге к столу он быстро состряпал алиби на случай, если Вив вернется и застукает его за изучением карты. Он просто скажет ей правду о том, что, когда он толкнул дверь, зажегся свет и карта просто попалась ему на глаза. А вот как объяснить то, что он быстро записывает эти цифры, он понятия не имел.

Последний раз выглянув из окна ее кабинета, Давид вытащил из бумажника визитку и бешено начал записывать цифры, склоняясь над столом Вив.

Соединенные штаты Святых земель* (216)
Соединенные штаты России (72)
Соединенные штаты Индии (42)
Соединенные штаты Азии (30)
Соединенные Тихоокеанские штаты (18)
Соединенные штаты Северной Америки (—6)
Соединенные штаты Южной Америки (0)
Соединенные штаты Великобритании (2)
Соединенные штаты Европы (6)
Соединенные штаты Африки (7)

Давид обратил внимание на звездочку возле Соединенных штатов Святых земель внизу карты, где Вив или кто-то еще написал карандашом «или Соединенные Карпатианские штаты».

Это было ново. Давид никогда еще не слышал о новом названии Соединенных штатов Святых земель. Выпрямившись было, чтобы

уйти, он заметил еще карандашные надписи — кто-то стер их, но все равно было видно. Он наклонился поближе и прищурился, но ему нужно было больше света. Осмелится ли он включить настольную лампу Вив?

Нет. Он поднял всю карту под свет люстры, сознавая, что в случае чего ему придется признаваться в патологическом любопытстве. Он надеялся, что Вив, как и все, сейчас наблюдает за транспортировкой тела Карпати с борта «Феникса-216» в морг. Он был рад, что пропустил это событие, понимая, что остальные будут скорбно прижимать к сердцу руки или головные уборы, но сам не был готов прикинуться скорбящим даже ради собственного блага.

На просвет Давид с трудом сумел прочесть стертые надписи. «Только одно ходатайство: С. З. — самый высокий уровень, С. А. — самый низкий».

Давид покачал головой, возвращая карту на место. Он вышел из кабинета.

Навстречу ему шла Вив Айвинз.

— О, Давид, — сказала она, — если бы вы только видели, как люди выражали свои чувства...

— Уверен, что в ближайшие дни еще много такого увижу.

— Но видеть, как рабочие, солдаты, все... Как же это было трогательно. Слезы, воинские почести... О! Я что, не выключила свет?

Давид объяснил ситуацию с дверью, которая включила сенсор движения.

— И вы положили список в ящик?

Он кивнул. У него в кармане зазвонил телефон так неожиданно, что он чуть не подпрыгнул.

— Идите, — отпустила его Вив.

Звонил Мак. Давид заговорил на ходу.

— Я почти ожидал, что ты нас встретишь, — сказал Мак. — Капрал Кристофер стерегла вещественные доказательства, пока выносили тело.

— Доказательства?

— Я никогда в жизни не видел, чтобы носильщики в парадной форме выносили большой деревянный ящик так, словно он был из полированного красного дерева. Ты где был?

— Я иду, но что ты там говорил о вещдоках?

— Энни сейчас все сгружает. Пара здоровенных пластиковых мешков, набитых обломками кафедры. И еще ящик, в котором, похоже, весь задник. Мун не выпускал нас из Иерусалима без них. Ты ведь слышал об оружии, верно?

— Конечно. И о нашем друге.

— Однако забавная штука, Давид.

— Да?

— Давай при личной встрече.

* * *

— Рэйфорд слушает.

— Мистер Стил! — послышался знакомый голос Лукаса Миклоса. — Вы где?

Рэйфорд сказал ему.

— Держитесь в тени, но отойдите на три километра к северу. Мы заберем вас у столба в трех километрах к северу. Когда увидите, что белая машина с четырьмя дверьми замедлила ход и съехала с дороги, бегите к нам. Если на дороге будет еще кто-то, мы можем проехать и потом вернуться, но когда мы вернемся, не медлите.

— Мы?

— Наш младший пастырь и я.

— Ласлос, я не хочу, чтобы вы рисковали...

— Чушь. У вас есть другое имя и соответствующие документы?

— Есть.

— Хорошо. Как быстро вы можете идти?

— Зависит от местности.

— Не самая удобная, но не приближайтесь к дороге, пока не увидите нас.

— Уже выхожу.

— Мистер Стил, мы сейчас ощущаем себя как новозаветные верующие, которые молились за Петра, когда он постучался к ним в дверь.

— Да, — сказал Рэйфорд. — Только он шел из тюрьмы.

* * *

Бизон сел, окончательно выдохшись. Прислонился к бетонной стене, построенной несколько десятков лет назад, чтобы защитить Израиль от шрапнели и минометного обстрела со стороны соседей. Он находился

в нескольких кварталах от главной улицы, но все равно сирены были близко, и на низких облаках на предрассветном небе отражался свет мигалок «скорой».

«Думай, думай, думай», — говорил он себе. Он не хотел покидать Израиль, не узнав, где Хаим. Бизон не знал больше никого, у кого Хаим мог бы укрыться, останься он в живых. Если Хаиму удалось преодолеть все препятствия, он стал бы искать Бизона так же отчаянно, как Бизон искал его. Они могли встретиться в очевидных местах — в лагере, где остановился Бизон, в доме Хаима, на квартире Иакова, у Стефана. Какое место было бы самым лучшим для обоих?

Бизон никогда не верил в экстрасенсорику и способность предвидения, но сейчас ему хотелось бы ею обладать. Он хотел бы почувствовать, все ли в порядке со стариком, а если так, то пусть они почувствуют друг друга. Будучи верующим, Бизон считал ясновидение чушью собачьей. Но он слышал достоверные истории о христианах, которые каким-то сверхъестественным образом многое узнавали. Несомненно, Бог может творить подобные чудеса, особенно в такие времена.

Бизону было необходимо чудо, но он понимал, что просто так чудо на него не снизойдет. Он повидал достаточно за эти три с половиной года, чтобы не сомневаться в существовании чудес ни на йоту. Теперь же ему слабо верилось в такую возможность, ибо он стопроцентно был уверен в том, что

чуда не заслуживает. Разве нет у Бога более важных забот? Люди умирали — раненые, покалеченные, забытые всеми. Кроме того, шла гигантская битва между добром и злом, о которой столько говорил Цион, противостояние величайшее в истории, выплеснувшееся с небес на землю.

— Прости за то, что я прошу, — молил в душе Бизон, — но хотя бы успокой меня, дай мне ясновидение хотя бы ненадолго, чтобы я успел понять. Если Хаим жив, пусть мы встретимся или хотя бы оба подумаем об одном и том же месте встречи.

Бизон ощущал себя дураком, тупицей, идиотом. Искать Хаима было благородным делом, но вовлекать Бога в такие земные заботы казалось как минимум хамством. Он остановился — и ощутил боль во всем теле. Он стиснул кулаки и зажмурился. «Расслабься! Держи себя в руках! Думай!»

Но он почему-то понимал, что не может раскрыть свой разум. Ему действительно нужно было расслабиться, а если начать ругать себя, то это приведет к противоположному эффекту. Но как же можно расслабиться сейчас, когда он едва способен восстановить дыхание, чтобы сердце успокоилось?

Может, именно этого и хотел от него Господь, а это уже само по себе было чудом.

Бизон сел, уверенный, что он один и никто его не видит. Он глубоко вздохнул и медленно выдохнул, встряхнул руками и вытянул ноги. Оперся затылком о бетонную стену, помотал головой из стороны в сторо-

ну. Дыхание его выровнялось, сердце стало успокаиваться. Он опустил голову на грудь и попытался успокоить разум.

Единственным способом сделать это было начать молиться за своих товарищей, одного за другим, начиная с жены и сына, потом за тестя, а следом за всех остальных братьев и сестер, кого только мог вспомнить. Он благодарил Бога за тех друзей, которые уже были на небесах, включая тех, чьи тела он только что обнаружил.

И, еще не успев даже сам это осознать, он успокоился настолько, насколько возможно в этой ситуации.

«Спасибо Тебе, Господи. Теперь — куда мне идти? Где мы с Хаимом бывали вместе? Где то место, о котором мы оба могли бы подумать?»

Он представил себе стадион Тедди Коллека, но это было слишком людное, слишком открытое место. Они не рискнули бы появиться там.

И тут его осенило.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хлоя молча выслушала новость. Цион ожидал слез, криков «Не верю!», обвинений в адрес кого-то другого. Но она просто сидела, качая головой.

Циону было и без того трудно говорить ей об этом, так еще и странно кружилась голова после того, как во время молитвы он буквально вышел из тела. Он слышал о таком и, честно говоря, относился к этому скептически, считая либо истерией, либо наркотическим бредом в процессе клинической смерти. Но это ощущение было настолько реальным и сильным, что он на время даже забыл о Рэйфорде. Это было что-то иное. Он давно выступал за проверку всех подобных случаев с точки зрения Писания, и никак иначе. Он должен, как он понял, почаще напоминать себе об этом, пока этот жар — слишком позитивное определение последствий пережи-

того — не уляжется. Стих из Старого Завета насмешливо звучал у него в голове, и он отвлекся от сидевшей перед ним молодой женщины.

Поскольку Хлоя не отвечала, Цион заговорил сам:

— Извините, я на минутку. — Он вывел на экран ноутбука весь текст Библии. Через пару секунд раскрыл книгу Иоилия, вторую главу. Молча прочел стихи от 28 по 32-го, осознавая, что ему показали именно тот отрывок, который разъяснил ему то, что он пережил. К тому же эти слова утешат и душу Хлои.

«И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения.

И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего.

И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма.

Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный.

И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сион и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь».

Цион вздрогнул и оторвался от экрана, когда Хлоя наконец заговорила. В голосе ее не слышалось страдания — ничего, что ука-

зывало бы на то, что она только что узнала о том, что ее отец — самый разыскиваемый беглец во всем мире. Разве что слова.

— Я должна была заметить, к чему все идет, — сказала она. — Он пытался отвлечь меня от Хэтти, что было несложно. Она всегда откровенно говорила, что хотела бы убить Карпати.

Цион прокашлялся.

— Но ему-то зачем? Он же знает, что Антихрист все равно потом воскреснет! Неужели ваш отец способен на такое?

Хлоя встала, заглянула в соседнюю комнату, видимо, удовлетворилась тем, что Кенни делал со своей едой.

— Я не задумывалась об этом до последнего времени, — сказала она. — Он так изменился. Почти так же радикально, как после Восхищения. Словно бы стал еще хуже, чем до обращения.

Цион склонил голову набок и украдкой глянул на телеэкран. Ничего нового.

— Я чувствовал, как в этом доме нарастает напряжение, — произнес он. — Но я не понял, о чем вы говорили.

— Вы не заметили гнева?

Цион пожал плечами:

— Да я и сам разделяю этот гнев. Я до сих пор борюсь с ним, когда вспоминаю свою семью... — Он запнулся.

— Я знаю, Цион. Но вы всю жизнь были человеком Писания. А для отца это ново. Понимаете, я не могу представить себе, что вот он стоит и стреляет в Карпати, но я уве-

рена, что он этого хотел. Если это так, то вот и ответ на множество вопросов о том, где он был и что делал. Ох, Цион! Как же ему спастись? Я слушаю, что они говорят, и понимаю, что они не просто грязью нас поливают. Может, его просто назначили козлом отпущения?

— Мы можем только надеяться на лучшее. Она упала в кресло.

— А если он и правда виновен? Если он убийца? Ведь «Не убий» по-прежнему остается законом Господним, пусть даже убитый — сам Антихрист?

Цион покачал головой:

— Я не знаю.

— Тогда ведь он должен сдаться? Принять все последствия?

— Успокойся, Хлоя. Мы слишком мало знаем.

— Но если он все же виновен?

— Мой ответ удивит вас.

— Так удивите меня!

— Навскидку — я уверен, что мы сейчас в состоянии войны. А если вы в разгаре сражения убиваете врага, то это нельзя считать умышленным убийством.

— Но...

— Я же сказал вам, что удивлю вас. Я лично спрятал бы вашего отца от эмэсовцев, если бы он застрелил Карпати, хотя я и побуждал его к поиску Бога в себе.

— Вы правы, — ответила Хлоя. — Вы меня удивили.

* * *

Давид наблюдал за работой Энни из угла ангара, где он встретился с Маком и Абдуллой.

— Чем это тут пахнет? — спросил он.

— Да, — подхватил Мак, глядя на Абдуллу. — Чем пахнет-то?

Абдулла пожал плечами, затем поднял вверх указательный палец.

— О, я вспомнил, капитан, — сказал он. — Это была ваша идея.

— Слушаю, — сказал Мак.

Абдулла вытащил из кармана бутерброд в пите.

— Кто-нибудь есть хочет? — спросил он.

— Надеюсь, настолько я никогда не проголодаюсь, — сказал Давид, показывая на мусорное ведро в двадцати футах от них. Абдулла метко запустил туда питой — она чудом не развалилась по дороге.

Мак покачал головой.

— А потом ты будешь мне рассказывать, что был в олимпийской сборной по баскетболу.

— Не прошел отбор, — сказал Абдулла. — Но числюсь в составе.

Давид перехватил многозначительный взгляд Мака.

— Итак, Аб, — сказал Мак, — ты дуешься, потому что пообедать не успел?

Абдулла отвел взгляд, словно понял, что над ним подшучивают, но до конца смысла не уловил.

— Если я и дююсь, — сказал он, — так это потому, что устал и хочу спать. Тут вообще кто-нибудь спит? Сдается, тут все только об этом и мечтают.

— Иди, — произнес Давид. — Иди спать, только никому не говори. Мне самому в ближайшее время ни за что глаз не сомкнуть.

Абдулла исчез.

— У тебя тоже измученный вид, Мак, — заметил Давид.

Мак кивком позвал Давида в свой кабинет, напротив кабинета Энни.

— Они подняли жуткий шум по поводу отпечатков Рэйфорда на «сабле», — сказал Мак, садясь в кресло за столом. — Но ведь его вообще там могло не быть.

— Я узнаю из прослушки.

— Думаю, я уже выяснил. Судя по тому, что они говорили на борту об отпечатках, они вроде настоящие. Миротворцы в Израиле нашли оружие, упаковали, сняли отпечатки и немедленно стали пробивать по всемирной базе. Затянули с опозданием так долго потому, что начали с преступников, а до бывших служащих МС дошли в последнюю очередь. Но забавно то, что никто не говорил о Рэйфорде как о преступнике.

Давид поморщился.

— И это при том, что они поставили его вне закона?

Мак развел руками.

— Наверное, они знают что-то такое, чего не знаем мы.

— Например?

— Ну, у нашего Леона пунтик по поводу трех нелояльных региональных потентов. Все говорит о заговоре. В смысле, все слышали выстрел и обернулись в ту сторону. Люди попрыгали с помоста. Карпати упал, смертельно раненный. И тут находят подозрительное оружие, все в отпечатках бывшего служащего МС, и Леона прямо-таки заклинило на заговоре. Что ты на это скажешь?

Давид нахмурился:

— Значит, стрелка у них нет?

Мак устало выдохнул:

— Такова моя теория. Если все прямо на ладони, то почему они просто не обвинят Рэйфорда в этом убийстве?

— Публично как раз и обвиняют.

— А вот не публично сидят и вычисляют — кто. Давид, это скверно пахнет.

Давид услышал, как открывается дверь в кабинете Энни, и выглянул в окошечко. Она точно так же смотрела на него. Он махнул ей рукой, приглашая зайти. Она подняла палец и знаком показала, что сначала должна позвонить. Когда она, наконец, вошла к ним, они рассказали ей о последних событиях.

— Ты все еще планируешь прослушивать, когда будут проводить вскрытие? — спросила она.

Давид кивнул.

— Может, тебе следует подключиться и к криминалистической лаборатории.

— Я и не знал, что у нас такая есть.

— Теперь есть. Они отгородили под нее участок под амфитеатром. Там полно пространства и светло.

— Ты уверена? Это же рядом с тем местом, где Гай Блод ваяет свою статую Карпати.

— Я туда доставляла вещдоки. Два пластиковых мешка и деревянный ящик. Хикмен к десяти завтрашнего утра велел прибыть туда группе судмедэкспертов.

Давид посмотрел на часы.

— Уже завтра. Что ж, увидим — и вскрытие, и все остальное. Мне кажется, всем надо сначала поспать.

— Я слышала, что они намерены начать осмотр на рассвете в воскресенье, — заявила Энни. — Это завтра.

— Баиньки, ребятки, — сказал Давид.

* * *

Рэйфорд чувствовал себя грязным. Его шатало. Несмотря на свой страх и осознание того, что в бегах жизнь стала опаснее в тысячи раз, его поддерживала жажда молитвы и стремление вернуться к Библии. Возможно, он был наивен, надеясь долго скрываться от Мирового Сообщества. Его безрассудство, наверное, будет стоить ему надежды дожить до Явления во Славе. Даже прощенный грех не обходится без последствий. Он просто надеялся, что не подвел весь отряд Скорби или, что еще хуже, святых всего мира.

Он сидел в пыли в пятидесяти ярдах от дороги и молился. Ночной ветер осушил пот у него на лбу и шее. Ему стало зябко. Но даже среди усталости и ничтожества он ощущал себя ближе к Богу, чем за все предыдущие месяцы.

Зачирикал его телефон. Рэйфорд понадеялся вопреки всему, что это кто-то из отряда Скорби, лучше всего Бизон или Хлоя. Но это был Ласлос.

— Вы на месте?

— Да.

— Вы?..

— Мервин Берри, — сказал Рэйфорд.

— Проверка, — ответил Ласлос. — Мы находимся примерно в двух километрах от того места, откуда нам видна вся дорога впереди. Похоже, больше никого нет. Вы услышите нас примерно через тридцать секунд и вскоре увидите наши фары. Мы остановимся и откроем заднюю дверцу, и как только вы окажетесь внутри, мы развернемся и быстро поедем на север.

— Понял.

— Повторите.

— О'кей!

У Рэйфорда кружилась голова от желания поскорее увидеть друга и брата по вере. Он закрыл телефон, затем снова открыл, еще раз пытаясь дозвониться хоть кому-нибудь из находившихся далеко соратников. Когда стало понятно, что это по-прежнему невозможно, он отключил телефон и понял, что слышит звук мотора. Он уже побежал было

к дороге, но что-то было не так. Машина, похоже, шла с юга. Перезвонить Ласлосам и спросить, не ошибся ли он? Но как он мог перепутать? Птолемаида находилась на севере. Церковь тоже. И Ласлос точно сказал, что они поедут на юг.

Мотор был значительно мощнее, чем у маленькой машины. Рэйфорд поскользнулся в грязи, осознав, что, если машина идет с юга, ему негде будет спрятаться. А машина точно ехала с юга. Она громко рычала, была большой и шла быстро, но свет фар он увидел лишь на севере. Вот это наверняка был Ласлос.

Большая машина с юга доедет раньше. Кто бы это ни был, он наверняка остановится, чтобы посмотреть, кто это тут бродит. Рэйфорд огляделся, отчаянно ища, где бы спрятаться. Рубашка у него была светлая, в темноте ее легко будет заметить. Когда звук был уже совсем близко, он упал лицом в землю, прикрыв голову и спину своей темной сумкой. Свободной рукой он держал телефон, готовясь предупредить Ласлоса, чтобы тот не останавливался, но когда он нажал кнопку «перезвонить», снова набрался дальний номер, и он понял, что у него даже нет сотового номера Ласлоса.

Он взмолился, чтобы Ласлос заметил приближающуюся машину и не стал тормозить и съезжать с дороги.

Телефон Рэйфорда зазвонил.

— Да!

— Что там идет с юга с погашенными фарами?

— Не знаю, Ласлос! Я лежу на земле. Продолжайте двигаться на всякий случай!

Машина проехала мимо, Рэйфорд ощутил порыв ветра. Он попытался рассмотреть машину, но сумел понять только, что это вроде как джип.

— Это могли быть эмэсовцы, — сказал он в трубку.

— Они, — ответил Ласлос. — Оставайтесь на месте! Похоже, они вас не заметили. В зеркало заднего обзора они могут видеть на несколько миль, так что не шевелитесь. Мы вернемся, когда поймем, что опасности нет.

— В кустах я чувствую себя спокойнее, — сказал Рэйфорд.

— Лучше подождите. Они могут заметить движение. Мы посмотрим, нет ли еще эмэсовских машин.

— А почему они разъезжают с потушенными фарами?

— Мы не знаем, — ответил Ласлос.

* * *

Бизон не мог вспомнить название, но было одно место, где они с Хаимом бывали вместе и где никто не мог ожидать встретить их обоих. Примерно час он искал свободное такси. Ему сказали, что любая поездка, невзирая на расстояние, будет стоить ему сотню ников.

Бизон описал водителю место и назвал район. Тот медленно кивнул, словно до него дошло.

— Похоже, знаю я такое место или что-то вроде. Как говорят у вас на Западе, не все ли равно, чем ширяться.

— Именно, — подтвердил Бизон. — Но мне нужно то самое место.

— Попробуем найти, — сказал водитель. — Многие закрылись, но некоторые еще работают.

Они ехали по колдобинам, вокруг разрушенных домов, по темным магистралям, мимо мест аварий. Таксист останавливался у двух баров, которые, похоже, работали на всю катушку, но Бизон не узнал ни одного.

— Вроде бы такой же по величине, с большой неоновой вывеской в окне, с узкой дверью. Больше ничего не помню.

— Знаю такой, — сказал тот. — Но он закрыт. Здесь останетесь или туда поедем?

— Туда поедем. Везите.

— Да он точно закрыт. Уже несколько недель. — Он поднял обе руки, словно Бизон не понимал. — Никого нет. Темно. Пока-пока.

— Мне туда и надо, — ответил Бизон.

— Зачем, там ведь закрыто!

— Да встретиться надо с человеком.

— Да не будет она сидеть в закрытом баре, — сказал он, но все равно поехал. — Видишь? — Он остановился за полквартала. — Закрыто там.

Бизон расплатился с ним, а потом еще некоторое время шатался на улице, пока таксист, покачив головой, не уехал. Вскоре он понял, что вокруг крошечная тьма, деревья заслоняют небо, а сирены завывают где-то

далеко, и света маячков видно не было. Он некоторое время видел фары такси — землетрясение сровняло с землей несколько домов на улице. Понятно, что в этом районе света не было совсем.

Придет ли сюда Хаим? Может ли он это сделать? Они приходили сюда, разыскивая Иакова в ту ночь, когда тот уверовал. Хаим утверждал, что тот будет сидеть в своем любимом баре, как всегда пьяный. Там они его и нашли, и он был пьян. Он сидел, опершись на стол, и что-то проповедовал своим уже тепленьким собутыльникам.

Бизон быстро терял свою уверенность. Если бы Хаим был жив, если бы он нашел кого-нибудь, кто мог бы привезти его сюда, сколько он смог бы прождать на этой темной, заброшенной, разрушенной улице? И есть ли действительно надежда на то, что им обоим вспомнилась эта сомнительная забегаловка?

Бизон вытащил из кармана фонарик и осмотрелся прежде, чем ему пришло в голову, что Хаим не покажется по крайней мере до тех пор, пока не будет уверен, что именно Бизон стоит здесь с фонариком. А как Хаим это узнает? Бизон встал перед закрытой дверью бара и осветил свое лицо. Почти сразу же он услышал шорох в ветвях дерева, стоявшего напротив, через улицу и кашель.

Он быстро направил луч на дерево, готовый к бегству. С ветви нелепо свисала нога в полосатой штанине, из которой торчала нога в носке и тапочке. Бизон не мог отвести взгляда от безумной сцены, но пока он мед-

ленно пересекал улицу, нога исчезла. Нижняя ветка согнулась под весом сидевшего на ней человека — и внезапно он, ловко, как кот, прыгнул наземь. Перед Бизоном стоял в полосатых штанах, тапочках и халате Хаим Розенцвейг собственной персоной.

— Кэмерон, Кэмерон, — сильным и ясным голосом проговорил он. — После такого поневоле уверуешь. Я знал, что вы придете.

* * *

Пока Рэйфорд лежал в грязи, мимо проехал еще один эмэсовский джип с потушенными фарами. В голове у него метались мысли о блудном сыне, который осознал, что потерял и теперь жаждет вернуться к отцу.

Когда в предрассветный час снова все затихло, Рэйфорд махнул рукой на всякий случай и бросился в кусты. Он был весь в грязи. Он попытался хоть как-то почиститься. Ласлос и его пастор наверняка видели вторую машину и не стали рисковать. Через сорок минут, которые показались Рэйфорду вечностью, маленькая белая машина остановилась на обочине. Рэйфорд замялся. Почему они не позвонили? Он посмотрел на телефон. Он был отключен — возможно, аккумулятор разрядился.

Задняя дверь распахнулась.

— Мистер Берри! — окликнул Ласлос.

Рэйфорд бегом бросился к машине. Как только дверь закрылась, Ласлос развернулся и поехал на юг.

— Я не знаю, куда направляются эмсовцы, но сейчас я поеду в другую сторону. У Деметрия здесь поблизости живет друг.

— Брат?

— Конечно.

— Деметрий? — сказал Рэйфорд, протягивая руку пассажиру. — Рэйфорд Стил. Зовите меня просто Рэй.

Молодой человек крепко схватил Рэйфорда за руку и притянул к себе, чтобы обнять.

— Деметрий Деметер, — представился он. — Зовите меня Деметрий или просто брат.

* * *

Цион находил утешение в библейских стихах о том, что в этот период вселенской истории Господь изольет от Духа своего и «будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения». Вопрос был в том, к какой категории можно причислить его самого — к старцам или молодым. Он предпочел последнее и отнес то, что ощутил, когда лежал на полу, на счет своего полусонного состояния. Похоже, он просто потерял сознание во время молитвы и чуть не заснул. И если сон был послан от Бога, то Цион хотел вернуться к такому состоянию, он молился об этом. Если же это был просто сон, то Цион молил о способности отличить сон от видения.

То, что в этом отрывке говорилось о небесных чудесах, крови, пламени и дыме, которые мир уже пережил, также согрело Циона. Он был свидетелем того, как солнце обратилось во тьму, а луна — в кровь. Он прочел эти строки Хлое и напомнил:

— Это предвестие великого и страшного дня Господня. Я верю, что здесь говорится о второй половине периода Скорби. О времени Великих Скорбей. И начинается это время прямо сейчас.

Хлоя выжидательно смотрела на него.

— Но...

— О, милая, все лучшее — впереди! Я не верю, что это совпадение — меня сам Бог надоумил прочесть эти строки. Подумай об отце, о наших соратниках за морем, когда услышишь: «И будет: всякий, кто призовет имя Господа, спасется; ибо на горе Сион и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь». Ты знаешь, кто такие эти остальные, Хлоя?

— Евреи?

— Да! И на Сионе, который есть Израиль, и в Иерусалиме, где, как мы знаем, есть наши, они будут спасены, если воззовут к Господу. Хлоя, я не знаю, сколько из нас доживет до Явления во Славе и доживет ли кто вообще. Но я верю в обещание Господне, поскольку Бог сподвигнул меня найти эти строки, я верю, что наши любимые на сей раз вернутся к нам целыми и невредимыми.

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что.

— А в вашем пророчестве ничто не говорится насчет того, заработают ли снова телефоны?

* * *

Лия Роуз приземлилась в Балтиморе и стала обдумывать свои следующие действия. Искать Хэтти Дюрхем в Северной Америке было все равно что искать иголку в стог сена. У нее на хвосте висели ребята из Мирового Сообщества, явно рассчитывавшие, что она выведет их на убежище отряда Скорби.

Если бы Лие удалось заставить свой телефон заработать, она позвонила бы Ти в Палуоки и спросила бы, не находится ли в аэропорту тот самый суперреактивный самолет, о котором она столько слышала, и на ходу ли он. С другой стороны, если она сможет прозвониться Ти, она сможет дозвониться и до убежища и сказать, чтобы они бежали оттуда. Или решить — лететь коммерческим рейсом в Иллинойс и снять машину под вымышленным именем?

Другого выбора у нее не было. Поскольку связь работала только местная, единственной ее надеждой было опередить Хэтти и первой оказаться на Маунт-Проспект. Перехватить ее и убедить вывести Мировое Сообщество на ложный след — на это и надеяться было нечего.

— Насколько близко к Гэри в Индиане вы можете меня подбросить? — спросила

она после получасового стояния в очереди к окошечку в аэропорту.

— До Хэммонда. И это будет очень поздно вечером.

Сбив молодого человека с толку по поводу истинного места назначения, она сменила тему:

— А Чикаго? О'Хара и Мэйгз все еще закрыты?

— И Мидуэй тоже, — ответил клерк. — Канкаки подойдет?

— Отлично, — сказала она. — И когда?

— Если повезет, к полуночи будете на месте.

— Если повезет, — сказала Лия, — мы не грохнемся при посадке.

Молодой человек даже не улыбнулся. И Лия вспомнила: «Мы не полагаемся на удачу».

* * *

Давид лежал в постели, глядя в экран ноутбука. Он понимал, что вскоре отключится, но тем не менее просматривал список заброшенных домов и районов в северном Иллинойсе, чтобы найти новое убежище для американской части отряда Скорби. Весь центр Чикаго был оцеплен, большая его часть лежала в руинах после бомбежки, а жители эвакуированы. Это был город-призрак, в котором на протяжении сорока миль не было ни одной живой души. Давид оперся на локти и вновь просмотрел список. Как такое могло

случиться? Ведь в самых ранних донесениях указывалось, что нападение на Иллинойс ни в коем случае не было ядерной атакой?

Он порылся в архивах, наконец точно определив тот день, когда Мировое Сообщество объявило город и окружающие его районы непригодными для жизни. Десятки людей умерли от недуга, похожего на лучевую болезнь, и Центр контроля и борьбы с распространением заразных болезней в Атланте настоял на таком решении. Живых эвакуировали. Мертвые остались гнить на улицах.

В район были заброшены зонды с дистанционным управлением для замера уровня радиации, но их показания не давали возможности сделать однозначный вывод. Показания списали на сбой в работе аппаратуры. Вскоре никто и не помышлял о прогулке по этому району. Некоторые радикальные журналисты, подражатели великого Бизона Уильямса, утверждали в Интернете, что эвакуация Чикаго — величайший обман в истории, что смертельная болезнь — не последствия радиации и что жить-то там вполне можно. «А что, если это так?» — думал Давид.

Он шел по киберследу, пока не добрался до результатов замеров радиации. Запущено было несколько сотен зондов. Ни один не показал наличия радиационного заражения. Кто бы рискнул сделать ошибку в таких вопросах?

«Я бы попытался туда сунуться, — подумал Давид. — Если бы еще провести кое-какие исследования...»

Он только что закончил рассматривать снимки Чикаго. Его весьма заинтересовал небоскреб, построенный покойным Томасом Стронгом, который сделал свое состояние на страховании. Небоскребу было всего пять лет. Это было величественное здание в восемьдесят этажей, вмещавших все международные отделы империи Стронга. После бомбежки верхние двадцать шесть этажей гротескным образом завернулись штопором относительно остального здания. Красные буквы высотой в этаж — СТРОНГ — висели под углом, и их по-прежнему было видно днем, от чего все здание выглядело как упрямый древесный ствол, не желавший валиться от урагана, сровнявшего с землей остальной город.

Давид уже был готов влезть в планы здания и прочие записи, по которым можно было бы понять, осталось ли пригодной уцелевшая часть, когда ноутбук пискнул, указывая, что пришло очередное сообщение по сети Мирового Сообщества.

Поскольку у него уже все плыло перед глазами, он сделал закладку и решил лечь спать сразу после того, как прочтет бюллетень. В нем было следующее:

«Представитель Мирового Сообщества верховный командующий Леон Фортунато, Новый Вавилон, только что сделал сообщение, что спутниковая связь восстановлена. Он просит граждан пользоваться ею не слишком активно, чтобы не вызвать перегрузки системы и ограничиться в течение

двенадцати часов только экстренными вызовами.

Верховный командующий также сообщает о принятом лично им решении о переименовании Соединенных штатов Святых земель. Отныне этот регион будет называться Карпатианскими Соединенными штатами в память о нашем убитом предводителе. Фортунато не назвал своего преемника на посту потентата данного региона, но это будет сделано, поскольку верховный командующий будет служить обществу на посту потентата Мирового Сообщества».

Давид подумал, с чего бы это попросили отключить телефонную связь его, а вот включил ее кто-то другого?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рэйфорд боролся со сном, сидя на уютном заднем сиденье в маленьком теплом салоне машины Ласлоса. Пастор Деметрий Деметер указывал путь к сельской хижине в лесу примерно в двадцати километрах от Козани. Ласлос избегал всяких разговоров о вине или невиновности Рэйфорда, но зато рассказал Рэйфорду о том, как растут ряды членов подпольной церкви в Северной Греции.

Рэйфорд извинился, пробудившись от собственного храпа.

— Ничего страшного, брат, — сказал ему Ласлос. — Тебе нужно отдохнуть, что бы ты ни решил.

Внезапно машина съехала с шоссе на проселочную дорогу.

— Эта хижина — замечательное убежище, — заметил Деметрий. — Настанет день,

когда либо нас, либо его обнаружат и мы его потеряем.

Рэйфорд прежде только мельком успел разглядеть молодого человека — когда открылась дверь машины. Тонкий и гибкий, он был почти таким же высоким, как Рэйфорд. Пастору Деметрию было около тридцати. Густая копна темных волос, оливковая кожа, сверкающие черные глаза. Он говорил по-английски с сильным греческим акцентом.

Хижина стояла настолько в стороне от дорог, что найти ее можно было, только если знаешь, куда идти. Или безнадежно заблудишься и наткнешься случайно. Ласлос припарковался позади хижины. Они вошли с черного хода, открыв дверь ключом, который Деметрий вытащил из-под доски под дверью. Деметрий достал сумку Рэйфорда из машины, несмотря на его протесты.

— Да мне из нее ничего не понадобится, пока я не вернусь домой, спасибо, — сказал Рэйфорд.

— Здесь вам придется провести по меньшей мере одну ночь, — заявил Деметрий.

— Это невоз...

— У вас такой изнеможенный вид! Вы наверняка страшно устали!

— Но я должен вернуться. Людям в Америке нужен самолет, а мне нужны они.

Ласлос и Деметрий были одеты в толстые свитера под теплыми пиджаками, но Рэйфорд не смог согреться до тех пор, пока Ласлос не развел огонь в камине. Затем он занялся готовкой на кухне, откуда вскоре

запахло крепким чаем, и Рэйфорд ощутил такую жажду, словно путник в пустыне при виде источника.

В маленькой деревянной комнате, освещаемой только огнем камина, Рэйфорд сидел в глубоком старинном кресле — можно сказать, тонул в нем. Молодой пастор сидел напротив. Половину его лица выхватывал из темноты пляшущий свет пламени, другая половина тонула во тьме.

— Мы молились за вас, мистер Стил, в тот самый момент, когда вы позвонили жене Лукаса. Мы подумали, что вам может понадобиться убежище. Простите мою дерзость, сэр, но поскольку вы явно старше меня...

— Настолько явно?

Деметрий позволил себе лишь краткую вежливую улыбку.

— Я с радостью бы послушал ваш рассказ о Ционе Бен-Иегуде, но у нас нет времени на разговоры. Вы можете оставаться здесь сколько пожелаете, но я хотел бы предложить вам свои услуги.

— Ваши услуги? — не сразу понял Рэйфорд, но он не мог отделаться от ощущения, что между ним и Деметрием немедленно установился некий контакт.

— Рискну показаться слишком торопливым или самонадеянным, — сказал Деметрий, сплетая пальцы рук. — Господь благословил меня и дал мне дар. Мои старшие братья говорят, что это обычное дело среди тех, кто, видимо, принадлежит к тем самым ста сорока четырем тысячам. Я полюбил чи-

тать Писание задолго до того, как понял, что Иисус соответствует всем пророчествам о Грядущем Едином. Мне кажется, что все мои силы были направлены на изучение Творения Божьего. Я был ошеломлен идеей того, что неевреи, особенно христиане, считают, что они — центр нашей теологии. Затем случилось Восхищение, и мне, как и прочим, пришлось посмотреть на Иисуса по-другому, но меня непреодолимо влекло к нему.

Пастор Деметрий снова уставился на огонь. Усталость, мучившая Рэйфорда, которая, как он понял, все же заставит его вздремнуть перед возвращением в Штаты, казалась теперь ничтожной помехой, которой сейчас можно было пренебречь. Деметрий казался таким порывистым, искренним, что Рэйфорд не мог не слушать его. Ласлос вошел с дымящимися чашками чая, затем вернулся на кухню, хотя оба уговаривали его остаться с ними. Похоже, он понимал, что Рэйфорду надо побыть наедине с человеком Бога.

— Первым моим даром был дар проповедничества, — сказал Деметрий. — Я говорю это без малейшей гордыни, потому что когда я говорю — дар, я имею в виду именно дар. Прежде чем я стал верующим, моим даром был сарказм, или снисходительность, или гордость своим интеллектом. Теперь я понимаю, конечно, что интеллект тоже был даром, который я не знал, как использовать, пока у меня не появилась причина.

Рэйфорд был рад, что мог вот так сидеть и просто слушать, но его изумляло то, что он не

засыпал! Огонь, кресло, вся ситуация, поздний час, та неделя, которую он провел, — все это должно было мгновенно заставить его провалиться в сон. Но здесь, в отличие от машины, он даже носом не клевал.

— Восхищает то, — продолжал Деметрий, — как Господь придал всему смысл. Я уверен, что и вы в своей жизни такое испытали. Для меня открытие в том, что Господь вдруг все сделал значимым настолько, что я постоянно с радостью заново открываю Его мир. А когда потом мне было вдруг доверено служение, дары, которые я прежде десятилетиями бы открывал в себе, обрушились на меня в одно мгновение. Я так долго рылся в Писании и комментариях, что не мог пожаловаться на те умения, которыми одарил меня Господь. И с моими соратниками то же самое! Никто из нас даже не пытается приписывать это себе, поскольку мы не сомневаемся, что это — дары от Бога. И мы можем лишь с радостью пользоваться ими.

— Например? — сказал Рэйфорд. — Что за дары?

— В первую очередь — проповедничество, как я уже сказал. Получается, что почти все, с кем мы разговариваем лично, убеждаются в том, что Иисус и есть Спаситель. Через нас тысячи приходят к вере. Я уверен, вы понимаете, что я говорю это лишь ради того, чтобы восславить Бога Сущего.

Рэйфорд быстро ответил:

— Да, не сомневайтесь!

— Нам также дана необычная способность учить и вести за собой. Словно Господь одарил нас прикосновением Мидаса¹ — и не только нас, греков.

Рэйфорд задумался и чуть не упустил юмора. Он просто хотел слушать дальше.

— Но что больше всего восхищает меня, мистер Стил, так это дар, о котором я и не подумал бы просить, я даже не представлял, что такое возможно и нужно. Это интуиция — не путайте со знанием. Я замечал такое у соратников, но у меня такого дара нет. Честно говоря, я не завидую. То, что Господь открывает им о людях, которые находятся на их попечении, легло бы тяжким грузом на мои плечи... Но интуиция... это оказалось неоценимым для меня и тех, кому я даю советы.

— Не уверен, что понял вас.

Деметрий подался вперед и поставил свою кружку на пол. Он оперся локтями на колени и стал всматриваться в лицо Рэйфорда.

— Я не хочу тревожить вас или заставлять вас думать, что это какой-то фокус. Я не гадаю и не пытаюсь утверждать, что овладел какой-то способностью и отточил ее. Просто Господь дал мне дар чувствовать нужды других людей и видеть глубину их искренности.

Рэйфорду показалось, что этот человек может заглянуть ему прямо в душу, и ему захотелось задать вопрос, на который никто не

¹ Мидас — в греческой мифологии критский царь. Получивший от богов дар превращать в золото любой предмет своим прикосновением. Умер от голода.

дал бы ответа, если бы сам Господь не подсказал его. Но это была не игра.

— Я могу вам откровенно сказать, не боясь возражений, что вы человек, который в настоящий момент ощущает себя сломленным перед Богом. Несмотря на все новостные сообщения, я не знаю, застрелили вы Николае Карпати и пытались ли это сделать вообще. Я не знаю, были ли вы там и держали ли в руках то самое оружие, или Мировое Сообщество просто пытается обвинить в этом вас, поскольку знает о ваших убеждениях. Но я вижу ваш надлом, и это потому, что вы согрешили.

Рэйфорд, глубоко тронутый, кивнул, не в силах произнести ни слова.

— Конечно, все мы грешники, все мы сражаемся с нашей былой природой каждый день. Но ваш грех — гордыня и самовлюбленность. Но этот грех не невольный, а осмысленный. Это не случайность, а стиль поведения, мятеж. Это поведение привело к тем действиям, о которых вы пожалели, которые вы признали грехом, в чем признались Богу и раскаялись.

Рэйфорд стиснул зубы, у него затекла шея. Он даже кивнуть не мог.

— Я здесь не затем, чтобы упрекать вас или испытывать вас, дабы проверить свою интуицию. В эти последние дни Господь изливает на нас Свои дары, и теперь Ему более нет нужды терпеть деяния нас, слабых смертных. По сути дела, Он уже не испытывает нас в пустыне, а просто через нас осуществляет свою волю.

Я чувствую потребность сказать вам, что ваше глубокое чувство возвращения к Богу — верное. Он не хочет, чтобы вы погрузились в скорбь, Он жаждет, чтобы вы возрадовались в свете Его всепрощения. Он хочет, чтобы вы знали и без сомнений верили, что Он забыл о ваших грехах и проступках. Он отдалил вас от вашего греха, как восток от запада. Идите и не грешите больше. Ступайте и выполняйте Его волю, пока у вас еще есть немного времени.

Словно понимая, что сейчас будет, Деметрий взял из рук Рэйфорда кружку, позволив ему покинуть уютное кресло и опуститься на колени на деревянный пол. Рыдания вырывались из его груди, он ощущал присутствие Бога — как тогда, на борту самолета, когда ему показалось, что Господь в конце концов достучался до него. Но что прощение Господне будет явлено ему через избранника, — о таком Рэйфорд и мечтать не мог.

Страх улетучился. Усталость отступила. Беспокойство за будущее, мысли о его миссии, о том, что делать, — все ушло.

— Господи, благодарю Тебя, — только и сумел сказать он и повторял эти слова снова и снова.

Когда он, наконец, встал, он обернулся, чтобы обнять человека, который всего час назад был для него чужим, а теперь стал посланником Бога. Возможно, они больше никогда не увидятся, но он чувствовал родство с ним, которое можно было объяснить лишь вмешательством Господним.

Лукас по-прежнему сидел в маленькой кухоньке, когда Рэйфорд изливал Деметрию свою историю, рассказывая, как гнев пустил корни в его сердце и превратился в жажду мести, приведшую его на грань убийства, и, похоже, он сам способствовал всему этому.

Деметрий кивал. Он вел себя с Рэйфордом как с соратником, а не с прихожанином.

— И что вам теперь велит делать Господь?

— Отдохнуть и идти дальше, — сказал Рэйфорд, впервые за много месяцев чувствуя определенность. Впервые ему не приходилось убеждать себя принять какое-то решение и потом продолжать следовать ему, тщательно избегая вопрошать Бога о Его воле. — Мне надо поспать до рассвета и снова вернуться в игру. Как только я смогу дозвониться, я постараюсь выяснить, как дела у Бизона и Лии, и, если надо, добраться до них.

Ласлос вышел к ним.

— Дайте мне информацию. Я до рассвета буду на страже и могу, пока вы спите, звонить каждые полчаса.

Рэйфорд начал было рассыпаться в благодарностях, но Деметрий перебил его и указал ему на диван, обтянутый толстой тканью, и грубое одеяло.

— Это лучшее, что мы можем предложить, — сказал он. — Разувайтесь и снимайте рубашку.

Когда Рэйфорд сел на диван в одной майке и трусах, Деметрий знаком велел ему лечь. Пастор накрыл его одеялом и произнес молитву:

— Отче, нам нужно чудо. За эти краткие часы пусть этот человек восстановит силы, словно бы проспал вдвое больше, и да исцелит его это скромное ложе.

Рэйфорд ощутил, что погружается в сон. Ему было тепло, диван был мягок и уютен, жесткое одеяло стало нежнее пуха. Последняя его мысль перед тем, как заснуть глубоким спокойным сном, была совсем иной, чем те, что мучили его так долго. Он уже не страшился жизни находившегося в международном розыске беглеца, а успокоился в осознании того, что он — дитя Владыки, он спасенный, прощенный, драгоценный и любимый сын в длани Отца.

* * *

Бизон и Хаим сидели в заброшенном, разрушенном землетрясением доме посреди еще недавно счастливого израильского квартала, где некогда до рассвета работали бары и ночные клубы. Поскольку ни воды, ни электричества, ни даже крыши для случайного посетителя в этом районе не было, здесь находились только один неугомонный журналист и один национальный герой.

— Пожалуйста, приглушите свет, Кэмерон, — сказал Хаим.

— Да кто нас тут увидит?

— Никто, но меня это раздражает. День у меня был долгий.

— Да уж, представляю, — сказал Бизон. — Но я хочу видеть это чудо во плоти. Вы выглядите даже здоровее, чем прежде!

Они сидели на рухнувшей бетонной стене, из которой торчали куски разломанной балки. Бизон не знал, как себя чувствует старик, но ему приходилось все время ерзать, чтобы сидеть поудобнее.

— Да я уже много лет не чувствовал себя таким здоровым! — воскликнул Хаим. Он говорил со своим обычным сильным акцентом. — Я целый день работал.

— А ваши домочадцы боялись, что вы погибли.

— Если бы они только знали, что я делал в своей мастерской до самого рассвета!

— Мне кажется, я это знаю, Хаим.

— Думать и знать — две большие разницы. Если бы вы заглянули поглубже в чулан, вы увидели бы древний велосипед и гантели. Благодаря им я сейчас в такой боевой форме. Я с трудом катал свое кресло по дому, чтобы они слышали его скрип, если вдруг поднимутся так рано. Затем я запирался в мастерской как минимум на полтора часа. Прыжки и отжимания для разминки, гантели для тонуса, велосипед для тяжелой работы. Затем снова в одеяло, в кресло и в душ. Они думали, что я потрясающе самодостаточен для старика, разбитого параличом.

Бизон не удивился, когда Хаим напряг руку, скривил рот и изобразил затрудненную речь, перебиваемую гортанными хрипами.

— Я ведь и вас вокруг пальца обвел, не так ли?

— Даже меня, — отвел взгляд Бизон.

— Вы обиделись?

— Конечно. Зачем вы обманывали своих домочадцев и меня?

— О, Кэмерон, я не мог вовлекать вас в мои планы.

— А я уже вовлекся. Я видел, что убило Карпати.

— Да? Неужели? А вот я не видел. Вся эта суэта, шок. Я не мог пошевелиться. Я услышал выстрел, увидел, как он упал, как разлетелась кафедра, как сорвало задник. Я застыл от страха, не в силах сдвинуть мое кресло. Я сидел спиной ко всему, никто не помог мне. Я еще отругаю Иакова за то, что он не выполнил своих обязанностей. Я рассчитывал, что он бросится мне на помощь. Моя одежда осталась в машине, у меня зарезервирован номер в маленькой гостинице на другое имя. Мы можем им воспользоваться, если вы сможете меня туда отвезти.

— Прямо в пижаме?

— У меня на дереве одеяло. Я завернулся в него с головой, когда побежал к такси. Я не думал, что мне придется такое делать, Кэмерон, но я подготовился ко всему.

— Не ко всему.

— Вы о чем?

— Я попытаюсь отвезти вас в вашу гостиницу, Хаим. Возможно, мы с вами даже на время сумеем там скрыться. Но у меня есть дурные новости, о которых я вам ска-

жу, только когда мы окажемся там. И только после того, как вы мне расскажете обо всем, что случилось на платформе.

Хаим встал и потянулся за фонариком, при помощи которого нашел большую дыру в стене, и прислонился к ее краю. Он погасил фонарик.

— Я никогда никому не скажу об этом, — сказал он. — Это только мое дело.

— Я не видел, как это случилось, Хаим, но я видел рану и понял, чем она нанесена. Вы понимаете, что я не мог оказаться в этом отношении единственным.

Хаим тяжело вздохнул:

— Глазам нельзя доверять, мой юный друг. Вы не знаете, что именно вы видели. Вы не можете сказать мне, насколько далеко вы стояли и как то, что вы увидели, вписывается в общую картину. Выстрел стал для меня сюрпризом. Как и то, что там оказался ваш товарищ, которого теперь подозревают в этом убийстве!

— Мне все это не кажется забавным, Хаим, и вскоре вы тоже это поймете.

Бизон услышал, как старик садится на землю.

— Я не ожидал, что поднимется такой хаос. Нет, я, конечно, надеялся. Это был мой единственный шанс улизнуть оттуда вместе с остальными. Когда Иаков не появился — полагаю, из-за паники, вызванной выстрелом, — я оперся на рукоятку управления и направился к задней стороне платформы, накинув одеяло на голову. В последний момент я скатился

с платформы и полетел вниз. Жаль, что я не свалился на одного из региональных потентатов, которые хромали прочь. Я перекинул мое одеяло через край, перевалился на живот, сцепил ноги вокруг опоры платформы. Я соскользнул вниз, как юнец, Кэмерон, и даже не пытаюсь скрывать гордости! Конечно, расцарапал ноги с внутренней стороны, они еще не зажили, но оно того стоило!

— Стоило?

— Да, Кэмерон! Стоило. Я обманул столько народу, включая моих домочадцев. Докторов, сиделок, помощников. Ну, не всех помощников, конечно. Когда Иаков и одна молодая сиделка сажали меня в машину после последнего моего визита в больницу, она задержалась, чтобы зафиксировать колеса моего кресла и расправить одеяло, пока Иаков пошел к другой стороне машины. Прежде чем закрыть двери, она наклонилась ко мне и прошептала: «Я не знаю, кто вы и что за игру вы ведете, но когда снова приедете сюда, не забудьте, какая сторона тела у вас парализована».

Хаим хихикнул. Бизону это показалось просто чудовищным при данных обстоятельствах.

— Я надеюсь, что она говорила правду, Кэмерон. Надеюсь, она и правда не знала, кто я такой. Известность — мое проклятие, но кое-кто из молодых не особенно обращает на меня внимания. Я с отчаянием смотрел на нее, когда она закрывала дверь, надеясь, что она как раз из таких, забывчивых. Я оставал-

ся в роли, но вспыхнул — от растерянности, а не от злости на то, что не могу говорить или ходить. Она была права! Я прикинулся, что у меня правая рука парализована! Вот старый дурак-то!

— Вы прямо читаете мои мысли, Хаим. Берите одеяло и пошли искать такси.

Хаим, не говоря ни слова, выключил фонарик, торопливо подошел к дереву, бросил фонарик Бизону, подпрыгнул, подтянулся и схватил одеяло. Завернулся в него с головой, изобразил хромоту и оперся на плечо Бизона, снова хихикнув.

Бизон отстранился.

— Не надо играть, пока необходимости нет, — сказал он.

* * *

Лия Роуз резко проснулась и выглянула из окна. Теперь по ночам города редко освещались, потому она не сразу поняла, где находится. Она попыталась посмотреть на часы, но не смогла сфокусировать взгляд. Что-то заставило ее проснуться, и тут она снова услышала звук. Телефон. Неужели?

Одинокая стюардесса и десяток остальных пассажиров спали. Лия порылась в сумке, достала телефон и нажала кнопку определителя. Номер был незнакомым, но друзья заверяли ее, что телефон безопасен. Если она ответит, это никому не повредит, даже если ее номер попал в чужие руки.

Лия открыла телефон и уткнулась лбом в спинку переднего кресла. Говорила она тихо, но четко.

— Это Донна Кленденон.

Короткая пауза встревожила ее. Она услышала, как вздохнул какой-то мужчина.

— Извините, — начал он с греческим акцентом. — Я звоню по просьбе э... мистера Мервина Берри.

— Да! Это мистер Миклос?

— Да!

— Вы звоните из Греции?

— Да. И мистер Стил здесь. Чего не сможет произнести одержимый демонами?

Лия невольно улыбнулась.

— Иисус Христос есть Мессия, и он вернется во плоти.

— Аминь! Рэйфорд спит, но ему нужно узнать, что вы в порядке и как вас на...

— Извините, мистер Миклос, но если телефоны работают, то мне нужно сделать срочный звонок. Просто скажите Рэйфорду, что я недалеко от дома, так что пусть обо мне не беспокоится. Но ему нужно найти Бизона.

* * *

Цион пытался не спать дольше нескольких минут, опасаясь, что иначе проспит воскрешение Антихриста. Хлоя и малыш спали где-то в глубине убежища, так что эксперименты с таким прерывистым сном не очень-то удавались. Он просыпался каждые пятнадцать — двадцать

минут и не мог быть уверен, что ничего не пропустил. То странное, подобное сну состояние, которое настигло его во время молитвы за Рэйфорда, больше не возвращалось, и он начал было уже подумывать, не бред ли все это. Он также начал задумываться о том, сколько же Карпати пролежит мертвым. А вдруг он вообще ошибся? Вдруг Антихрист кто-то другой? И он еще будет убит и воскреснет?

Цион не мог себе представить такого. Многие искренне верующие сомневались, что Антихрист погибнет от раны в голову. Некоторые полагали, что Писание говорит только о том, что это будет рана, от которой он лишь будет казаться мертвым. Он пытался убедить их, что, судя по греческому оригиналу, этот человек будет действительно мертв и потом, когда он вернется к жизни, в нем уже будет жить сам Сатана.

Он надеялся, что не ошибался насчет Карпати. Сомнений в смерти и воскрешении не будет, если тело начнет разлагаться, будет подвергнуто вскрытию, набальзамировано и подготовлено к прощанию. Если Карпати пролежит мертвым хотя бы двадцать четыре часа, то вряд ли кто сможет заподозрить его в инсценировке смерти. Слишком много свидетелей видели его гибель, и хотя о смерти еще не было объявлено, это ожидалось в ближайшее время. Весь мир, включая Циона, должен был поверить, что погиб он именно из-за выстрела.

По телевидению очередной раз повторяли речь Леона Фортунато с выражениями скорби и обещанием отмщения. Цион начал

клевать носом, когда его пробудил телефонный звонок.

— Лия! Как я рад вас слышать! Мы не могли...

Она перебила его и выложила всю информацию о Хэтти и опасности для убежища. Цион встал и, слушая, начал расхаживать взад-вперед.

— Нам больше некуда идти, Лия, — сказал он. — Но в крайнем случае мы уйдем под землю.

Они договорились, что она перезвонит, когда будет недалеко от убежища и будет уверена, что поблизости никого нет. В противном случае Лия будет держаться на расстоянии и попытается найти Хэтти. Каким образом, она пока не знала.

Несмотря на усталость, Цион внезапно почувствовал себя бодрым. Он отвечал за Хлою и Кенни, и хотя геройство, как правило, выпадало на долю Рэйфорда или Бизона, он должен был что-то сделать. Он поднялся наверх и вытащил из своего шкафа кое-какую одежду и книги. Вернулся и сложил вещи возле старой морозильной камеры, стоявшей рядом с холодильником.

Туда же Цион положил ноутбук, затем выключил весь свет, за исключением единственной лампочки под потолком в холле перед туалетом. Он осторожно подошел к спальне Бизона и Хлои и постучал в дверь. Он не услышал, чтобы Хлоя пошевелилась и не смог разглядеть ее в темноте. Он снова постучал и позвал ее шепотом.

Услышав быстрое шевеление в кровати у дальней стены, Цион замолчал и затаил дыхание. Он-то надеялся не разбудить малыша. Кенни явно встал в кровати. Она качалась, и Цион представил малыша, который стоял, держась за перильца, раскаиваясь, от чего кровать скрипела.

— Утло! Доблоулто, мам!

— Еще не утро, Кенни, — прошептал он.

— Дядяцон! — пискнул Кенни, сильно раскачивая кровать.

Хлоя, конечно, вскочила.

— Это я, милая, — быстро сказал Цион.

Через двадцать минут все трое перебрались под землю, отодвинув в сторону морозилку, полную протухших вонючих продуктов, которая маскировала вход в подземное убежище. Кенни, сидевший в своем манежике, улыбался, глядя на то, как его мама и дядя Цион каждые несколько минут спускаются вниз и уносят всякие вещи. Но когда его манежик потащили вниз, он испугался.

По счастью, внутри было достаточно просторно, и Цион сумел установить телевизор так, чтобы свет и звук не мешали спать Хлое и Кенни. Он просмотрел известия из Нового Вавилона, но каждый раз, как ему приходилось выходить в другую часть убежища, он слышал сонный голос Хлои, уговаривавшей Кенни заснуть.

Он сунул голову за занавеску.

— А может, он посмотрит телевизор вместе со мной, пока снова не уснет, а?

— О, Цион, это было бы здорово!

— Дядяцон!

— Телевизор? — сказал он, подхватывая малыша на руки.

Кенни задрыгал ножками и рассмеялся.

— Тиливизи! Дядяцон! Видио!

— Мы посмотрим мое шоу, — прошептал Цион, неся его в свое кресло.

— Твое шоу! — воскликнул Кенни, обнимая его лицо ладошками.

Цион словно вернулся в прошлое, когда его дети еще не умели ходить и сидели у него на коленях, когда он читал или смотрел телевизор. Кенни быстро утомился от повторяющихся новостей, но перестал просить показать кино и занялся тем, что стал водить пальцем по ушам Циона, дергать его за нос и возить ладошкой по щетине. Наконец, он начал моргать, сунул палец в рот и уткнулся в сгиб локтя Циона. Когда его головка легла Циону на плечо, он осторожно отнес малыша в постельку.

Подоткнув одеяло Кенни, он услышал, как Хлоя повернулась и прошептала:

— Спасибо, дядяцон.

— И тебе спасибо, — ответил он.

* * *

— Почему вы не поехали сразу в отель? — спросил Бизон Хаима, пытаясь поймать такси.

— Мне повезло, что таксист меня не узнал. А как обмануть клерка на ресепшн? Я рассчитывал на то, что меня привезет Иаков. Теперь рассчитываю на вас. Да и как бы мы нашли друг друга?

— Как мы нашли друг друга? — сказал Бизон.

— Да мне просто не пришло в голову никакого другого места, куда вы могли бы заглянуть, разве что ко мне домой, а туда вы вряд ли рискнули бы сунуться. Да и вряд ли там кто остался. Мне не удалось никого разбудить, когда я звонил.

Бизона потрясли эти слова.

— Они там, Хаим.

— Так вы туда все же ходили? А почему они не отвечали? Иаков вернулся? Я думал, что он мне позвонит.

Бизон заметил такси, припаркованное в паре кварталов от них на оживленной магистрали. Он обрадовался, что можно пока не отвечать на вопрос.

— Ждите здесь и закутайтесь в одеяло, — бросил он Хаиму и отправился к водителю. — Вы работаете? — спросил он у него.

— Полторы сотни ников, только по городу.

— Сотня, и мой отец болен.

— Больных не повезу.

— О'кей, тогда полторы. Мы только до «Ночного гостя». Знаете это место?

— Знаю. Старик сядет сзади, и пусть не дышит в мою сторону.

Бизон махнул Хаиму, который, кутаясь в одеяло, зашаркал к машине.

— Не разговаривай, папа, — сказал он, помогая ему забраться на заднее сиденье. — И не кашляй в сторону этого милого молодого человека.

Хаим, уловив намек, прикрыл рот одеялом и обеими руками и изобразил вязкий мокрый кашель, от которого водитель быстро глянул в зеркало заднего обзора.

В «Ночном госте» было темно, даже фонари на крыльце не были включены.

— Они что, закрыты? — спросил Бизон.

— Только сейчас, — сказал водитель. — Наверное, откроются утром. Полторы сотни. И я поехал.

— Подождите, пока я не подниму кого-нибудь, — сказал Бизон и вышел.

— Не оставляйте его здесь! Гоните бабло!

— Получите деньги, как только мы получим комнату.

Шофер загнал машину на парковку и выключил мотор, скрестив руки на груди.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Телефон Бизона зазвонил, когда тот пытался хоть что-то увидеть в переднее окно «Ночного гостя».

— Ласлос! — ответил он, заходя за угол дома и прячась в тень.

Шофер загудел, и Бизон знаком показал ему минутку подождать.

— Уберите этого человека из моей машины!

— Пять минут! — крикнул Бизон.

— Пятьдесят ников сверху!

— Он у вас, Лукас? — спросил Бизон. — Откуда мне было знать... он знает, что его тут ищут... а, знает?.. Лия с ним? О, хорошо. Нам надо выбираться отсюда, мы не можем рисковать и возвращаться домой. Не берите в голову. Я улажу. Слушайте, а ему обязательно встречаться с кем-нибудь до отлета?.. Ведь персонал аэропорта может быть уже предупрежден. Его показывают по телевизору каждые пять минут.

Вы не знаете, нельзя ли ему как-то изменить внешность?.. И документы другие нужны. Спасибо, Ласлос. Мне надо перезвонить жене.

Бизон набрал номер Хлои, но никто не брал трубку.

Когда он вернулся к такси, шофер выскочил с воплем ему навстречу.

— Вон! Немедленно! Уберите его из моей машины!

Бизон расплатился с ним и помог Хаиму выбраться, затащил его в переулок и начал стучать в окно и дверь, надеясь разбудить администратора.

* * *

Цион услышал какой-то шум наверху и побежал в щитовую, чтобы отключить ток. Если эмэсовцы обшаривают это место, они сразу поймут, что тут недавно кто-то жил, поскольку еда в холодильнике не успеет испортиться и вокруг осталось много личных вещей. Но если они увидят, что счетчики вращаются, они поймут, что тут все еще есть кто-то.

Цион затаил дыхание. Это звонил телефон! Неужели Хлоя забыла его? Он взбежал вверх по лестнице, сдвинул фанеру в полу морозильной камеры, отодвинул в сторону вонючие полки и выбрался наружу, на ощупь добрался до комнаты Хлои и пошел на звук ее телефона. Как только он взял его, тот перестал звонить. Определитель показывал

номер Бизона. Цион нажал кнопку ответа, но телефон Бизона был занят.

* * *

Продолжая стучать в окно одной рукой, Бизон быстро набирал номер Давида Хассида. Но дозвонился он только до автоответчика. Когда он отсоединился, его кнопка вызова осталась гореть. Определитель показывал звонок от Хлои. Он хотел было уже перезвонить ей, когда в окне «Ночного гостя» загорелся свет и изнутри слышались грохот, топот и ругань.

— У нас зарезервирован номер! — крикнул Бизон.

— Ща пристрелю, ежели не заткнешься! — слышался голос. — Мы закрываемся в полночь и открываемся в шесть!

— Вы уже проснулись, дайте нам нашу комнату!

— Да вы ее потеряли, когда вовремя не явились! Вы кто, Тангвальд или Голдман?

Бизон громко зашептал Хаиму:

— Мы кто?

— Я похож на Тангвальда?

— Голдман! И мой отец болен! Впустите нас!

— Мы забиты под завязку!

— Врете! Вы держали две комнаты, пока спать не пошли, а сейчас у вас их вдруг нет?

— Отстаньте!

— Буду стучать, пока непустишь!

— Я тебя пристрелю, если начнешь стучать!

Свет погас. Бизон сунул телефон в карман и стал колотить в дверь обеими руками.

— Ну, ты покойник!

— Открой дверь и давай комнату!

Опять ругань, свет, затем дверь чуть приоткрылась. Оттуда высунулась рука.

— Пятьсот ников наличными.

— Сначала ключ.

Хозяин высунул ключ на конце палки. Бизон достал деньги, и ключ полетел в его сторону.

— Сзади, четвертый этаж. Если бы не деньги, я бы вас пристрелил обоих.

— Да пожалуйста, — ответил Бизон.

Комната была дыра дырой. Одна-единственная кровать, стул с прямой спинкой, унитаз и раковина. Бизон достал телефон и указал Хаиму на постель. Пока он пытался набрать номер Хлои, Хаим сбросил шлепанцы и растянулся на кровати поверх паршивенького покрывала, накрывшись собственным пледом.

— Цион! — сказал Бизон. — Нет, не будите ее... Под землей? Пожалуй, сейчас это правильно. Просто скажите ей, что я в порядке. Мне надо связаться с Ти. Возможно, ему придется вывозить нас с Хаимом отсюда...

— Никуда не полечу, — пробормотал из-под пледа Хаим. — Я все равно покойник.

— Да, — ответил Бизон Циону, — как мы с вами... Кенни в порядке?.. Будем держать связь.

Бизон так и не сумел дозвониться до аэропорта Палуоки по номеру Ти. Он положил

телефон и глубоко вздохнул, пинком закинув сумку под стул.

— Хаим, нам надо поговорить — начал он.

Но Хаим уже крепко спал.

* * *

Рэйфорд проснулся после рассвета как от толчка. Он чувствовал себя бодрым и выспавшимся. Он схватил сумку и прокрался мимо спящего Деметрия в ванную, приютиваясь к доносящемуся с кухни запаху завтрака. Умываясь в крохотной ванной, он услышал шорох шин по гравию и, чуть отодвинув занавеску, увидел маленький пикап.

Он выглянул из двери и позвал Ласлоса.

— У нас гости, — прошептал он. — Вы кого-нибудь ждете?

— Все в порядке, — ответил Ласлос, ставя на стол сковородку с едой и вытирая руки о передник. — Примите душ и поскорее приходите завтракать с нами.

Рэйфорд попытался налить в раковину горячей воды. Горячей она была лишь условно. Прервал его стук Ласлоса.

— Бриться не надо, мистер Стил.

— Нет, надо, Ласлос, у меня уже многодневная щетина...

— Потом объясню. Но не брейтесь.

Рэйфорд пожал плечами и скорчил себе рожу в зеркало. Ему нужно было подстричься. В волосах становилось все больше седи-

ны. Борода тоже с сильной проседью, что его встревожило. Его, в общем, не особенно волновала сама седина — ведь ему было изрядно за сорок, — но она появилась словно бы за одну ночь. До нынешнего утра он ощущал вес каждого из своих прожитых годов. Но сейчас он чувствовал себя великолепно.

Душ — точнее, струйка, текшая из ржавой трубы, — тоже был весьма условно теплым. Это заставило его торопиться, но когда он вытерся досуха маленьким тонким полотенцем и оделся, он ощутил волчий голод. И еще его наполняло любопытство. Ему не терпелось снова отправиться в путь, но кто был этот пухлый человек за столом? Он был немного старше его, с мягкими кудрявыми черными волосами и в очках в белой оправе.

Рэйфорд вошел следом за Ласлосом и Деметрием и пожал гостю руку. На его лбу была печать верного, потому Рэйфорд назвался собственным именем.

Мужчина посмотрел на Ласлоса, а затем снова стеснительно глянул на Рэйфорда.

— Это Адон, мистер Стил, — сказал Ласлос. — Он не говорит по-английски, но он наш брат.

За завтраком Ласлос рассказал Рэйфорду об Адоне.

— Он художник, очень искусный мастер. И с собой он привез кое-какую контрабанду, за которую его могут упечь за решетку до конца жизни.

Адон слушал их разговор, не понимая ни слова, разве что когда Деметрий или Ласлос

прерывали разговор, чтобы перевести ему. Тогда он снова робко отводил глаза и кивал.

Когда Ласлос убрал со стола, Деметрий помог Адону принести его оборудование, включавшее компьютер, принтер, ламинатор, цифровую камеру, краски, парикмахерские ножницы и даже простыню для съемки. Рэйфорда посадили на стул под лампой у окна, в которое светило утреннее солнце. Адон обернул Рэйфорда простыней и закрепил ее сзади. Он сказал что-то Ласлосу, который перевел его слова Рэйфорду.

— Он спрашивает, не будете ли вы против, если он сбреет ваши волосы?

— Если необходимо — пусть берет. Если очень короткий ежик останется, то ради бога.

Ласлос сказал об этом Адону, чья робость не распространялась на его парикмахерское искусство. Несколькими взмахами он сбрил волосы Рэйфорда, и они клочьями упали на пол, и на голове у него остался лишь темный ежик, какого Рэйфорд с института не носил.

— Хмм, — пробормотал Рэйфорд.

Затем настала очередь краски, после чего ежик приобрел оттенок седины, как и его бороды.

Адон снова что-то сказал Ласлосу, который спросил Рэйфорда, не носил ли он очки.

— Контактные линзы, — ответил Рэйфорд.

— Больше вы их не носите, — сказал Ласлос, и Адон достал очки, которые завершили образ.

Адон попросил у Рэйфорда документы и приступил к работе на компьютере. Пока тот

менял ему фотографию, Рэйфорд улизнул в ванную, чтобы бросить на себя взгляд. Более короткие седые волосы и борода состарили его на десять лет, а в очках он вообще себя едва узнал.

Технология позволила Адону меньше чем за час состряпать новый документ и «составить» его. Рэйфорду не терпелось продолжить путь.

— Чем я могу отплатить вам? — сказал он, но ни Ласлос, ни Деметрий не стали переводить.

— Мы позаботимся об Адоне, — спросил Ласлос. — А теперь пастор вернется вместе с ним в Птолемаиду, а я подброшу вас до Козани. Я уже позвонил, чтобы ваши баки заправили под завязку.

* * *

Новый Вавилон. Давид сидел, глядя в экран компьютера слезящимися глазами, отключив телефон. Созданная им программа должна была записать результаты вскрытия на жесткий диск его компьютера, а также все, что еще будет сделано в лаборатории, чтобы потом всю информацию перекачать на компьютер Мака. А пока он продолжал рассматривать чикагский небоскреб, который казался ему подходящим местом для очередного убежища. Если он прав, то при необходимости там может скрываться несколько сот человек.

Небоскреб Стронга был чудом техники. Здание обеспечивали энергией солнечные батареи, огромные отражатели накапливали каждый день достаточно энергии, чтобы электростанция здания могла работать несколько недель. Даже несколько пасмурных дней не оказали бы влияния на функционирование здания.

Давид понимал, что ни цоколь, ни как минимум тридцать пять этажей не пострадали от повреждений, причиненных верхним этажом. Похоже, здание выдержало прямое попадание, но удар снес всю верхнюю половину небоскреба так что она не рухнула на те этажи что были ниже. Вопрос состоял в том, уцелели ли солнечные батареи и смогут ли люди проживать в неповрежденной части здания незаметно.

Давид больше двух часов продирался через лабиринт засекреченной информации прежде, чем сумел подключить свою программу взламывания кодов и получить доступ к компьютеру, контролирующему здание Стронга. Когда он дошел до этой точки, его просто пробила неопишуемая дрожь, хотя потом он и пытался описать Энни свое состояние.

Давид был изумлен тем, насколько могла ему спутниковая технология, и тем, сколько неиспользованной энергии, оказывается, еще есть в заброшенном городе. Чем дольше будут верить в радиоактивную зараженность этого места, тем лучше для него и отряда Скорби. На всех встреченных шлюзах он ставил предупреждение о высоком

уровне радиации. Одновременно с этим он запустил автоматическую поисковую программу, которая находила исходные показания зондов и заменяла больше половины из них на положительные. Гражданские и эмсовские самолеты автоматически направлялись в обход Чикаго, чтобы не проходить над ним даже на высоте тридцати тысяч футов.

Давид прокладывал себе путь методом проб и ошибок, проверяя, не сможет ли он удаленно контролировать систему охлаждения и обогрева, свет, телефон, канализацию и водопровод, лифты и камеры. Лучшая в мире видеоигра не могла быть более увлекательной.

Мониторинг текущего состояния здания показывал, какая часть его не функционирует. Более половины лифтов были отключены из-за размыкания цепи. Давид запросил больше информации и обнаружил, что «по неопределенной причине разомкнута цепь между этажами 40-м и 80-м». Он проверил два десятка лифтов, обслуживавших первые тридцать девять этажей, и обнаружил, что большая их часть действует.

Поиграв так и этак с системой еще минут сорок пять, он выяснил, какие из камер внешнего наблюдения работают, как отключать свет на разных этажах, как работать камерами, чтобы увидеть, работают ли лифты, открываются ли двери. За девять временных зон он управлял тем, что осталось от небоскреба в городе, который был покинут уже много месяцев.

Записав результаты своей работы в защищенный файл, Давид включил камеру на самом верхнем этаже, какой мог найти, — в западном углу сорокового этажа. Через нее он увидел воду на полу, но, судя по данным главного компьютера, основной поток был успешно перенаправлен, чтобы не затопить нижние этажи. Он перевел обзор камеры на потолок и зажмурился. Потолка не было, только уходящие вверх три стены — пустая шелуха здания, устремляющаяся еще этажей на десять в ночное небо, в котором мерцали звезды и светила луна.

Значит, небоскреб Стронга был рассчитан на самые жестокие удары стихий и по большей части выстоял даже против человека. Давид продолжал поиск, пока не обнаружил камеры, дающие ему хороший обзор нынешнего подобия крыши здания. К тому времени, когда он сохранил большую часть информации, он уже имел представление о внешнем виде небоскреба. По большей части он был модульным, и даже с катастрофическими повреждениями мог многое предложить. Судя по плану, от большинства современных небоскребов его отличало наличие сердцевины из внутренних офисов, скрытых от внешнего обзора и окруженных на каждом этаже лифтами. Там были неограниченные площади, вода, коммуникации, электричество, свет — и всего этого не увидит даже тот, кто рискнет сунуться в зараженное и официально запрещенное для посещения место.

Открытая верхушка здания была достаточно широкой, чтобы туда мог сесть даже вертолет, но Давид не мог отсюда определить, сможет ли потолок сорокового этажа, оказавшийся сейчас крышей, выдержать соответствующий вес. Он нашел подземную парковку, хотя рухнувшие верхние этажи завалили два главных въезда в гаражи. Загадывать было рано, но Давид был уверен, что если ему удастся перевести местные силы отряда Скорби в это укрытие, они смогут найти входы и выходы в этот подземный гараж.

И тут ему в голову пришла еще одна идея. Почти перед самой последней бомбардировкой Чикаго было предупреждение о налете. Служащие и жители высыпали на улицы, но никому не было позволено уйти в подземные помещения, поскольку здания разрушались. Подземные гаражи автоматически закрывались, а город был просто забит людьми. Сколько же машин могло остаться в таких гаражах? Давид стал переключаться с камеры на камеру, пока не нашел ту, которая была установлена в гараже. Как только он включил аварийный свет на самом нижнем этаже, он стал поворачивать камеры в поисках машин. Он нашел их больше десятка на шести подземных этажах. Проблема, конечно же, была в отсутствии ключей зажигания.

Давид продолжал работать с камерами на разных этажах, ища парковку служебных машин. Удача улыбнулась ему на первом подземном уровне. Около пятнадцати новейших, по большей части дорогих машин, как

минимум один «хаммер» и несколько спортивных автомобилей находились вблизи застекленного закутка, на котором была большая вывеска «Для служебных автомашин». Давид работал с ближайшей к ней камерой, пока не сумел увидеть стену возле кассы, на которой висели ключи. Это место было словно нарочно подготовлено для отряда Скорби, и ему не терпелось отправить кого-нибудь сюда обследовать его. Интересно, как скоро им с Энни придется туда переселяться?

Звонок. Давид вздрогнул. Это был директор академии телевизионного искусства и наук, индонезиец по имени Бакар.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он.

Что там еще стряслось?

— Выкладывайте, — сказал Давид, закрывая компьютер со всей сохраненной и надежно зашифрованной информацией.

— Мун душу из меня вытрясает, почему мы не привезли видеодиски с записью празднества. Я думал, привезли. Как бы то ни было, теперь мы их добыли, и я приказал доставить их коммерческим рейсом. Уолтер говорит, что порвет меня, если МС хоть на мгновение выпустит их из поля зрения.

— У кого они, Бакар?

— У одного из наших парней.

— А что, он просто так доставить их не может?

— Да, но ему придется лететь коммерческим рейсом.

— И что? Он же все равно будет держать их при себе.

— Да коммерческие рейсы в этом направлении набиты под завязку, а Мун не желает ждать.

— Значит, вы хотите послать самолет за одним-единственным человеком?

— Именно.

— Вы представляете, сколько это будет стоить?

— Потому к вам и обращаюсь.

— С чего это я вдруг стал таким популярным?

— Что?

— Да ничего. Будьте в ангаре к десяти утра.

— Я?

— А кто еще?

— Я не хочу лететь, директор. Я хочу, чтобы нашего человека забрали.

— Я не собираюсь отправлять нашего и так недоспавшего второго пилота на бомбардировщике стоимостью в несколько миллиардов... э-э-э... ников... в Израиль и искать вашего парня, Бакар. Вы летите вместе с ним, чтобы мистер Смит мог оставаться в кабине. И я не дам вам несколько тысяч на топливо.

— И на том спасибо, директор. Но разве я не могу просто сказать моему парню, чтобы тот был на месте и...

— Бакар, спуститесь на землю! Это свободный рынок, и хлеб за брюхом не ходит. Если Смит полетит один, я вычту с вас за аренду самолета, за топливо и за его время. А его время стоит недешево.

— Я буду на месте.

— А куда вы денетесь.

Давид позвонил Абдулле.

— Я все равно не спал, — сказал Абдулла. — Я надеялся, что сегодня мне выпадет предлог отсюда слинять.

— Ты умеешь копировать диски?

— Нет, босс. Это намного сложнее, чем управлять бомбардировщиком? Конечно.

— Я пошлю с тобой человека. Когда Бакар найдет своего парня, заберешь диски в кабину и огласишь им правила, согласно которым ты должен лично учесть весь груз. Скопируй их, обозначь как зарегистрированные и верни ребятам с телевидения.

— А копии привезти тебе.

— Мы в одной лодке, Смитти.

Следующей заботой Давида было обзвонить всех членов отряда Скорби по телефону. Ему стало бы легче, если бы он узнал, что Бизон покинул Израиль, что Рэйфорд тоже летит домой, но Давид не знал, что ему пришло сообщение с просьбой перезвонить Бизону.

* * *

Рэйфорд обеими руками сжал ладонь Ласлоса, еще раз попросил пообещать лично поблагодарить пастора Деметрия и Адона, затем быстро направился к аэропорту, в ангар. Его бритой голове было холодно, но он сдерживался от того, чтобы провести рукой по своему ежику — вдруг догадаются, что такая прическа для него непривычна.

Возле «гольфстрима» его встретил диспетчер.

— Наверное, вы мистер Берри.

— Да, сэр.

— Вот ваш счет за топливо. Ваши бумаги?

Рэйфорд протянул ему документы и заплатил наличными.

— Вы много наличности при себе носите, мистер Берри, — сказал тот, просматривая документы Рэйфорда.

— Необходимый риск — не хочу снова обанкротиться.

— Разве вы не держите кредиток?

— Терпеть их не могу.

— Ого, снимок такой, словно вас только сегодня сфотографировали!

Рэйфорд застыл, затем заставил себя дышать.

— И что?

— Да сами посмотрите. Карл! Глянь-ка!

Подошел механик в комбинезоне, злой на то, что его оторвали от дела.

Диспетчер поднес удостоверение к лицу Рэйфорда.

— Глянь. Снимок сделан восемь, нет, девять месяцев назад, а волосы такой же длины и, если я не ошибаюсь, рубашка та же самая.

— Ну да, — сказал механик и ушел так же быстро, как пришел.

Рэйфорд был уверен, что тот сейчас позвонит кому-нибудь, но механик просто вернулся вразвалочку к мотору, над которым работал.

— Да сами посмотрите, — сказал диспетчер. — Видите?

— Ничего не вижу, — сказал Рэйфорд. — Ладно, хотите — так получите. Да, я постригся перед тем, как сделать этот снимок, но у меня волосы уже давно быстро не отрастают. И да, возможно, это та самая рубашка. У меня их немного.

— У вас собственный самолет, а рубашек мало? И что же для вас важнее?

— Первым делом самолеты. Я летаю по заказам компании.

— И что же за компания, сэр? — Диспетчер протягивал ему документы.

— «Палуоки Глобал», — ответил Рэйфорд.

— И что вы перевозите?

— Сегодня только самолет перегоняю. По эту сторону океана у компании машин и так хватает.

— Неужели? На этой неделе вы можете неплохо подзаработать на рейсах Иерусалим — Новый Вавилон.

— Слышал. Было бы время.

— Удачного полета.

— Спасибо, сэр.

«И спасибо Тебе, Господи»

* * *

В десять утра в Новом Вавилоне Давид прошел мимо сооруженной наспех криминалистической лаборатории под предлогом проверки работ по сооружению статуи

Карпати. Он знал, что если его заподозрят в том, что он тут что-то вынюхивает, то им займется директор департамента безопасности Джим Хикмен. Но Хикмен любит рисоваться, и, позволяя коллеге заглянуть внутрь, он, видимо, испытывает особые ощущения.

Давид замедлил шаг, проходя мимо, надеясь наткнуться на Джима. Не увидев его, он постучал в дверь. Открыл вооруженный охранник, и Давид заметил Хикмена в дальнем углу комнаты, а перед ним на коленях стоял техник посреди стофутовой ткани задника.

— Не хочу никого беспокоить, — сказал Давид. — Просто хочу убедиться, что у директора Хикмена и его команды есть все, что нужно. Я позвоню ему в кабинет.

— Да я здесь, Давид, — отозвался Хикмен.

— О, привет!

— Впустите его, капрал. Иди сюда, Давид. Только ботинки сними. Хочу кое-что тебе показать.

— Не хочу мешать.

— Иди сюда!

— Ну, если ты так просишь. Впечатляет.

— Да ты еще ничего не видел.

Но Давид уже увидел все, что хотел. Три техника в углу сгрудились вокруг остатков деревянной кафедры. У них были фонари и большие щипцы вроде тех, с которыми работал техник, стоявший на середине ткани. На Хикмене был шлем с фонариком, а в руке он держал лупу.

— Глянь на это, Давид, — сказал он, подзывая его жестом. — Ботинки снял?

— Прямо к тебе подойти?

— Если я сказал, то можешь подойти! Иди сюда, время дорого!

Давид был в десяти футах от Хикмена и техника, когда Джим сказал:

— Остановись и посмотри вниз. Кто бы ни стрелял в эту штуку, он знал, что делает. Попал прямо в середину. В смысле, я никогда не знал, что Стил хороший стрелок, но одним-единственным выстрелом пробить кафедру и попасть прямо в центр задника — это...

— Короче, что я тут вижу, Джим? — спросил Давид, глядя на странную фигуру десяти футов диаметром.

Хикмен встал и подошел к нему, остановившись рядом с Давидом.

— Холодает, — проворчал он. — Теперь посмотри вот сюда. Эта пуля вышла из ствола оружия, которое создает мини-торнадо. Если бы настоящий канзасский смерч имел такую же относительную мощность, он свернул бы в один клубок Флориду, Мэн, Калифорнию и Вашингтон. Пуля проделала восьмидюймовую дырку в занавесе — ты ее видишь.

— Хмм...

— Но то, что лежит у тебя под ногами, — следствие эффекта, произведенного выстрелом на волокна, находящиеся далеко от центра.

Сила вращающегося диска вырвала отдельные волокна и закрутила их так, что получилось спиралевидное изображение.

— А теперь иди и посмотри вот на это.

Хикмен подвел Давида к верхней части занавеса, где по всей длине в сто футов на расстоянии шести дюймов друг от друга были сделаны бронзовые петли.

— Через эти петли проходили крюки, чтобы занавес мог висеть на железной трубе.

— Ух ты! — воскликнул Давид, пораженный масштабом повреждений. Девять петель с каждой стороны от центра были вырваны с мясом. Еще несколько десятков были сломаны, еще в некоторых торчали покореженные крюки, а у самых краев ткани петли оставались неповрежденными, но крюков не было.

— Эту штуку просто сорвало и отшвырнуло прочь.

— Директор! — позвал его один из техников.

Хикмен снова было направился к середине, но Давид мялся на месте, пока тот знаком не позвал его за собой.

— Остаток пули, — сказал техник, держа в щипцах небольшой кусочек свинца.

— Запакуй. Зуб даю — мы сумеем связать ее с найденной нами «саблей».

Техник начал складывать кусочки в пластиковый пакет.

— Мне не хочется говорить это, сэр, но такие обломки практически невозможно связать с...

— Работай, малыш. У нас есть свидетели, которые видели, как тип в тюрбане произвел выстрел. У нас есть оружие, есть отпечатки

пальцев, и мы знаем, кто этот тип. Мы нашли его тряпки в мусорном баке в паре кварталов оттуда. Фрагменты прекрасно подойдут. Даже если лабораторное заключение будет неопределенным. Этот парень явно участвовал в заговоре.

— Заговор? — спросил Давид, когда они прошли в угол, где лежали обломки кафедры.

— Мы считаем, что этот выстрел был отвлекающим маневром, — прошептал Хикмен.

— Но ведь Стила обвинили в...

— Он подозреваемый, это так. Но мы не уверены, что его пуля прошла хотя бы близко к Карпати.

— Что? Но...

— Карпати умер не от огнестрельного ранения, Давид. По крайней мере, не только от этого.

— И что теперь?

— Проводим вскрытие, так что скоро узнаем. Но позволь мне кое-что сказать тебе. Пусть это останется между нами: Фортунато не дурак.

Давид мог бы с этим поспорить.

— То есть?

— Если окажется, что рана была нанесена с платформы, то ведь это будет настоящим потрясением?

— Если это сделал кто-то из своих, в этом смысле?

— Именно. Но народ этого не знает. Единственная видеозапись показывает, как жертва падает на помост. Люди считают, что он застрелен. Леон хочет, чтобы мы возложили

вину на обиженного бывшего служащего, и потому мы разбираемся с этим делом втихую. В общем, ты понимаешь, к чему я веду.

Техники, ковырявшиеся в обломках кафедры, достали еще несколько фрагментов пули, некоторые величиной с ноготь пальца.

— Ничего себе, Джим!

— Ну, — Хикмен медленно провел пятерней по волосам, — если у тебя взгляд наметан, то это очень поможет.

— Ну, ты-то в этом дока.

— Еще бы, Хассид.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лия ждала в крохотном аэропорту в Кан-
каки изводясь от беспокойства. Когда ее теле-
фон зазвонил и с ней заговорил Рэйфорд, она
не сразу сумела хоть слово из себя выдавить.

— Мне нужно о стольком с вами погово-
рить, — сказал он, — что я заранее приношу
извинения.

— Буду с нетерпением ждать, — без оби-
няков ответила она. На самом деле ей больше
хотелось добраться до убежища и повидать-
ся с Ционом, чем разговаривать с Рэйфор-
дом. — Спасибо, что оставили меня на мели.
Но я понимаю, почему так произошло. Это
вы убили Карпати?

— Я только что получил звонок от Давида
Хассида, который полностью уверен, что это не
я. Но я хотел. Планировал убийство. Но не смог.

— А как с вашими отпечатками на ору-
жии? Не вы стреляли?

— Я стрелял, но выстрел был случайным. Меня толкнули.

— Вам повезло, что меня не будет среди ваших присяжных.

— Лия, вы где?

Она рассказала. Изложила ему свой план полететь в Палуоки и, возможно, вместе с Ти добраться до убежища, где они смогут проверить не рыщет ли кто поблизости.

— Проблема в том, что в ту сторону сегодня никто не летит. А утром денег много дерут. Могу попробовать автостопом.

— Посмотрите, может, Ти вас подбросит? Ехать слишком далеко, он может доставить вас самолетом.

— Я почти не знаю его, Рэйфорд. Вы когда здесь будете?

— Я буду в Палуоки около девяти утра.

— Тогда, думаю, я дождусь вас.

— Это было бы хорошо.

Лия вздохнула:

— Вы меня не улещивайте. Я не стану врать, что не злюсь на вас. И какого черта вы влезли в такие разборки с МС?

— Если бы я сам это знал, — сказал он. — Но я хотел бы поговорить с каждым лично.

— Спасибо, но, похоже, эта перспектива все больше и больше отодвигается. Вы знаете, что Цион, Хлоя и малыш ушли под землю?

— Слышал.

— И никто не знает, где Хэтти.

— Но кто-то вам сказал, что она в Штатах?

— Штаты — большая страна, Рэйфорд.

— Да, но я все никак не могу поверить, что она нас предаст.

— Тогда у вас больше веры, чем у меня.

— Я согласен, мы должны вести себя осторожнее.

— Осторожнее? Положим, Ты добросит меня до Маунт-Проспект или я дождусь вас. Но кто гарантирует, что, явившись в убежище, мы не попадем в ловушку? Вообще чудо, что его уже давно не обнаружили, еще до того, как я к вам присоединилась.

Рэйфорд пропустил эти слова мимо ушей. Лия говорила, что думала, но почему она не могла дать ему хоть немного передохнуть?

* * *

Давид встретился с Энни, которая сказала, что идет спать, а затем пригласил Мака к себе в кабинет, чтобы посмотреть, что происходит в морге. Они сели перед компьютером, и Давид включил прослушку. Доктор Эйкенберри наговаривала для записи антропометрическую информацию — размеры и вес тела, излагала, как она будет бальзамировать и приводить в порядок труп.

— Тут в начале была какая-то перебранка, — сказал Мак. — Говорят, она орала, требуя доктора. Можешь отмотать, не прерывая процесса текущей записи?

Давид отметил время, когда микрофон в морге начал запись. Сразу после восьми утра

запись начиналась со звука поворота ключа и открывающейся двери. Было понятно, что с ней двое помощников — мужчина и женщина, судя по голосам. Оба молодые. Она называла молодого человека Петром, а женщину — Кирстен.

Первые слова произнесла доктор Эйкенберри. Она ругалась. Затем вдруг:

— Это что такое? Они тут ящик оставили? Пусть кто-нибудь его унесет отсюда. Я намерена работать на этом столе, и мне нужно место. Надеюсь, тут других трупов не припасли?

— Я вошел вместе с вами, док, — сказал Петр. — Я не знаю.

— Так проверь. Кирстен, позови кого-нибудь, чтобы вынесли этот ящик.

Было слышно, как Кирстен осторожно разговаривает с оператором коммутатора дворца. На фоне разговора Петр захлопнул дверь.

— Мэм. У меня неприятные вести.

— Что?

— Тут нет никаких тел.

— Никаких?

— Ни единого.

— То есть вы хотите сказать, что тут нет и Карпати?

— Ни единого — значит, ни единого.

Она снова выругалась.

— Кирстен! Приведи сюда кого-нибудь с ломом. Они оставили труп в этом ящике на всю ночь? Будет удивительно, если он не начал разлагаться.

Через несколько минут приглушенной ругани послышался мужской голос.

— Вы просили лом, мэм?

— Да. И того, кто умеет с ним управляться.

— Я могу.

— Вы охранник!

— Лом — штука простая. Вы хотите вскрыть ящик?

— Опустите лом, солдат. Вас-то почему прислали это делать?

— Ради секретности. Они не хотят, чтобы сюда заходил кто-нибудь, кроме вас и ваших людей.

— Ладно, спасибо, но...

Давид и Мак услышали скрип открываемого ящика.

— Гроба нет? — сказала доктор. — Суньте его в холодильную камеру.

— Прямо в мешке или без него? — спросил Петр.

— В мешке, — ответила она. — Даже думать не хочу, сколько туда крови налилось. Я не начну до десяти, согласно инструкции, но будьте наготове.

Прошло несколько минут почти без разговоров, по большей части они искали пластическую смесь, и доктор давала инструкции помощникам насчет того, когда, и как ее подготавливать, и когда она должна быть готова.

— Как думаете, человек его габаритов сюда войдет?

— Никогда не видел раньше переносной емкости, — сказал Петр. — Что же, поработаем с ней.

Давид прокрутил запись, пока в разговоре не появился какой-то смысл. Наконец, побило десять часов, морозильную камеру снова открыли. Доктор Эйкенберри включила запись и заговорила в микрофон, который, как помнил Давид, когда он помогал доставлять необходимые принадлежности для дела, свисал с потолка.

— Мэделайн Эйкенберри, доктор медицины и судебный патологоанатом. Нахожусь в морге дворца Мирового Сообщества Нового Вавилона вместе с ассистентами Петром Бергером и Кирстен Шолтен. Они кладут на стол тело Николае Джетти Карпати, возраст тридцать два года. Мы достанем труп из мешка, в который он был помещен после его смерти, имевшей место примерно четырнадцать часов назад в Иерусалиме. Причину смерти еще предстоит определить.

Давид и Мак слышали, как тело сняли с каталки и переложили на стол.

— Мне не нравится звук, — пробормотала Эйкенберри. — Такое впечатление, что из него вытекла почти вся кровь.

— Ух ты, — сказала Кирстен.

— Повтори специально для дешифровщика, милочка, — сказала доктор. Затем: — О нет! О боже! Ай! Поднимите это с пола! Петр, пусть это стечет со стола! Какая топорная работа! Дешифровщик, вы знаете, что вырезать. Кладите сюда. Тело не было должным образом подготовлено для транспортировки или хранения, и в мешке скопилось несколько литров крови. Тело по-прежнему

в костюме, галстуке и ботинках, массивная рана находится на затылке и шее. Она будет осмотрена сразу же, как только труп будет раздет. Похоже, именно из нее натекала кровь.

Давиду показалось, что с Карпати срезают одежду.

— Похоже, на передней части тела ран нет, — сказала доктор Эйкенберри. Звук разбрызгиваемой воды. — Перевернем его. О! Осторожнее! — Она снова выругалась. — Немедленно позовите его врача! Я сказала — немедленно! Что это за чертовщина? Мне о таком не говорили!

Послышались шаги. Поскольку Петра было слышно так же четко, как и Эйкенберри, это, должно быть, Кирстен выбегала из комнаты, чтобы послать кого-нибудь за доктором.

— Я думал, вы будете искать входное отверстие.

— Так я и искала! Кто-то пытается нас прикончить, что ли?

Снова звук льющейся воды, бормотание. Наконец, дверь снова отворилась. Торопливые шаги.

— Доктор, — начала Эйкенберри, — почему мне об этом не сказали?

— Ну, я...

— Переворачивать труп, в котором до сих пор торчит такое оружие в десять раз опаснее, чем если коп сунет руку в карман преступника, не проверив, нет ли там иголок или бритвы!

— Мне жаль, но...

— Вам жаль? Вы хотите помочь вытащить эту штуку? Ладно, не берите в голову. Просто скажите мне, что я еще должна знать.

Доктор, похоже, был по-настоящему испуган.

— Ну, честно говоря...

— Да уж, хотя бы честно. Мне кажется, что самое время, не так ли?

— Ну-у ладно, вы ведь будете искать пулю...

— Повреждения, раны, да, я знаю. Что еще?

— Дело в том, что медики скорой считают...

— Те самые, которые подготавливали — или, вернее, совершенно не подготовили тело?

— Это не их вина, мэм. Я так понимаю, что верховный командующий давил на всех, чтобы тело поскорее вывезли.

— Продолжайте.

— Медики считают, что вы не найдете пулевых ранений.

Нехорошая тишина.

— Честно говоря, доктор, мне плевать, что мы найдем. Я дам свою экспертную оценку, и если я найду пулевые отверстия, я включу это в отчет. Но вы можете ответить мне на один вопрос? Почему все думают, что был стрелок, и почему имя этого бывшего служащего так усердно полощут в СМИ? Потому что его отпечатки пальцев нашли на оружии, из которого не стреляли в Карпати? Не понимаю.

— Как вы сами сказали, мэм, прошу прощения, не ваше дело искать причину смерти. Ваше дело дать оценку.

— Ладно же. И что я скажу насчет этого самого пятнадцати—восемнадцати дюймового — как бы вы это назвали, доктор? — не то ножа, не то меча?

— Конечно, клинком с рукояткой.

— Конечно. Рискну предположить, что это самое непонятно, что вошло в тело на два дюйма ниже затылка и вышло на полдюйма из темени, что совершенно не повлияло на состояние здоровья жертвы?

— Нет, мэм.

— Доктор, вы что, и правда не знаете, почему мне ничего не сказали об этой огромной, предположительно смертельной ране?

— Мы хотели, чтобы вы были беспристрастны в суждениях.

Она рассмеялась:

— Ну, тут вы преуспели! Мы с ассистентами чуть себе кишки не выпустили! Что вы на это скажете?

— Я думал, что вы заметите этот хмм... меч.

— Доктор, этот человек плавал в собственной крови! Он лежал на спине! Мы так его и перетаскивали, мы раздели его, обмыли, не увидели на передней части тела никакой раны и, естественно, перевернули, чтобы посмотреть, нет ли ран на спине. Чего вы от меня ожидали? Я смотрю новости. Я слышала звук выстрела и видела, как забегали люди и жертва упала. Я слышала все слухи насчет заговора, что один из региональных

потентатов мог тайно пронести с собой оружие. Но я была бы вам благодарна, если бы вы мне дали знать, что этот человек сейчас как сарделька на шампуре!

— Я понимаю.

— Вы видите, какое повреждение это оружие нанесло важным тканям?

— Не совсем.

— Ладно, если мы только не найдем пулю в мозгах или где еще, я сделаю вывод, что его убила вот эта штука.

Снова полилась вода.

— Я не вижу никаких входных и выходных пулевых отверстий. Вы видите?

— Нет, мэм.

— Петр?

— Нет.

— Кирстен?

— Не-а.

— Доктор?

— Я уже сказал — нет.

— Но этот клинок, а я смогу вам точно сказать, как только вскрою труп, похоже, прошел через позвонок, вероятно, рассек спинной мозг, мембрану, ствол мозга, сам мозг, снова мембрану и вышел из макушки черепа, который ничуть от этого не пострадал.

— Я тоже так сказал бы, мэм.

— Точно?

— Да.

— Ваше экспертное заключение?

— Я не патолого...

— Но вы достаточно разбираетесь в анатомии, чтобы понимать, что я совершенно

точно описала предполагаемые внутренние повреждения?

— Верно.

— Но что еще важнее, что это оружие сейчас выглядит таким же смертельным, как и в тот момент, когда его вонзили в тело?

— Боюсь, да.

— Вы улавливаете, к чему я веду?

— Думаю, да.

— Думаете. И ничего не подозревающий патологоанатом просто проведет пальцем по клинку — и палец долой.

— Мне жаль...

— И хотя жертва одна из самых почитаемых в истории людей, мы не знаем — а ведь не знаем? — что может быть в его крови? Или что могло быть на руках убийцы. Правда ведь?

— Не знаем.

— Вы не видите ничего необычного в этом клинке, сэр?

— Не знаю. Я никогда таких не видел, если вы об э...

— Да дело куда проще, доктор. Режущая кромка обращена к лицевой стороне головы.

— Вы уверены, что у него только одна режущая кромка?

— Да. И знаете, что я теперь знаю? Поскольку мне повезло не порезаться, когда мы перевернули тело. Посмотрите сюда, на его темя. Когда мы его перевернули, моя рука охватывала его голову сзади, а из головы среди волос торчит с полдюйма стали. Как только он коснулся моего обтянутого перчаткой

пальца, я отдернула его. Но если бы я наткнулась на другую сторону, то, смею предположить, я бы просто осталась без пальца.

— Вижу.

— Видите. Значит, видите и всю проблему извлечения оружия из тела?

Пауза.

— На самом деле, если он такой твердый и острый, как вы говорите, то это будет довольно просто. Вы должны вытаскивать его в обратном направлении...

— Доктор, смею вам напомнить, что режущая кромка обращена к передней стороне тела.

— Я знаю.

— Если мы не проведем все с точностью до миллиметра, клинок может выйти вертикально. Главное правило судебно-медицинского патологоанатома: причиняй телу как можно меньше вреда, чтобы можно было максимально точно определить, какой вред был причинен телу изначально.

— Ах, Мэделайн, я могу вставить слово?

— Да, пожалуйста.

— Наедине.

— Извините, — сказала она, явно обращаясь к ассистентам.

Звуки шагов.

— Мэделайн, я прошу прощения за роль, которую я играю в этой опасной ситуации. Но мы с вами давние друзья. Я порекомендовал вас верховному командующему, поскольку хотел, чтобы вам достались честь и деньги. Я не хочу, чтобы вы делали мне выговор в присутствии ваших подчиненных и...

— Поняла. Когда уйдете, я просто рассыплюсь в похвалах вам. И я благодарна вам за этот заказ. Я не знаю, какая выгода для патологоанатома будет от вскрытия самого знаменитого покойника в истории, но я должна вас поблагодарить за это.

— На здоровье, — сухо ответил он, и Давид услышал, как он ушел.

Вернулись Петр и Кирстен.

— Однако, — произнес Петр.

— Вот именно — однако, — сказала Эйкенберри. — Этот?

— Ага.

— Тот доктор, что только что вышел? — переспросила она.

— Да.

— Должна вам сказать, он законченный идиот.

Доктор попросила, чтобы дешифровщик выпустил все, что было сказано с того момента, как они перевернули тело, до настоящей минуты. Она рассказала, как она вымыла при помощи спринцовки рану и место вокруг нее и нашла единственное входное и выходное отверстие раны, в которой до сих пор находится оружие. Входное отверстие значительно больше выходного и практически вся кровь вытекла из шеи, хотя есть и свидетельства того, что кровь выходила из глаз, носа и рта. То, что рана явно больше, чем сам клинок, указывает на то, что нож всадили и повернули в ране с большой силой. Череп удержал бы оружие в первоначальном положении, но основание клинка

оказалось достаточно гибким, чтобы причинить серьезные повреждения.

Давид посмотрел на Мака и выдохнул.

— Рэйфорд явно ни при чем. Может, его и схватят за выстрел в Карпати, но убить его он не мог никак.

Мак покачал головой.

— Сдается, Карпати прикончил кто-то из своих.

— Да наверняка, — сказал Давид. — Говорили, что у кого-то из потентатов было что-то под пиджаком, но я хотел бы посмотреть видеозаписи.

* * *

Бизон проснулся поздно утром. У него болело все тело. В окно светило яркое солнце, но Хаим спал. Бизон попристальнее рассмотрел грубое одеяло Хаима. Внутри оно все было в запекшейся крови, и он не понимал, как старик такое терпит. Его еще беспокоило то, что на одеяле может быть и кровь самого Хаима.

Бизон осторожно стянул одеяло, чтобы посмотреть, нет ли крови на штанах Хаима. Но Хаим крепко его держал и перевернулся на бок, открыв спину. Никаких ран вроде бы нет.

— Вы уже проснулись? — пробормотал старик, все еще отвернувшись от Бизона.

— Да. Нам надо поговорить.

— Потом.

— Сейчас.

— Почему бы вам не найти мне какую-нибудь одежду? Мне надо домой, а в таком виде нельзя.

— А вы не думаете, что там вас могут ждать ребята из Мирового Сообщества?

Хаим повернулся к Бизону, зажмурился от солнечного света.

— А почему? Где мой телефон? Я хочу позвонить домой и поговорить с Иаковом.

— Не надо.

— Почему?

— Не надо, Хаим. Я знаю правду. Я знаю, что случилось.

— Вы ничего не видели! Никто ничего не видел!

— Вы не хотите мне доверить то, что я уже знаю? Такой-то вы друг?

Хаим поднялся, сходил в ванную и вернулся к кровати, снова ложась с усталым видом. Его седые волосы торчали во все стороны.

— Вам бы радоваться надо, — сказал он.

— Радоваться?

— Конечно! Раз уж дело сделано, так что вам толку знать, как оно было сделано?

— Мне не все равно, потому что вы это сделали!

— Вы этого не знаете. А если и я сделал, так что?

— Да вы из-за этого погибнете, вот что! Думаете, я этого хочу?

Хаим склонил голову набок и пожал плечами.

— Вы лучший друг, чем я, Кэмерон.

— Я тоже начинаю так думать.

Хаим хихикнул.

— Как мне развеселить вас, а?

— Расскажите, как вы это сделали, Хаим.

— Меньше знаешь — крепче спишь.

— Ой, да не будьте наивны! Вы же давно меня знаете. Мне и так придется отвечать за все. Слава богу, что у меня все лицо в шрамах, поскольку не будь их, мне все равно пришлось бы менять внешность. Если вы расскажете о том, как убили Карпати, мне от этого уже хуже не станет. Они на меня и так много чего навесили — и реального, и всякого вранья — хватит, чтобы пристрелить меня на месте, если попадусь. Так что рассказывайте.

— Я никому ничего не расскажу. Это только мое.

— Но вы понимаете, что домой вам возвращаться нельзя?

— Я могу сказать своим, где я и что со мной все в порядке.

— Вы должны отправиться со мной в Штаты.

— Я не могу покинуть свою страну и моих домочадцев.

— Хаим, послушайте. Все ваши домашние мертвы. Их убили эмэсовцы прошлой ночью. После пыток. Похоже, хотели узнать, где вы.

Хаим медленно поднял взгляд. Его всклокоченные волосы отбрасывали на стену диковинную тень.

— Не шутите так, — сказал он. — Это не смешно.

— Я не стал бы шутить по такому поводу. Иаков был убит ударом в челюсть, сломавшим ему шею. Охранник ударил его прикладом «узи», когда он пытался пробиться к вам.

Хаим прижал ко рту руку и шумно вздохнул.

— Не надо, — глухо сказал он. — Не надо так со мной.

— Это не я, Хаим. Это вы.

— Он мертв? Вы точно знаете, что он мертв?

— Я сам проверил пульс.

— Что я наделал!

— Ханнелора, ее мать и Стефан тоже мертвы.

Хаим встал и пошел было к двери, словно желал выйти и понимал вместе с тем, что идти ему некуда.

— Нет! — всхлипнул он. — За что?

— Кто-то узнал, Хаим. Кто-то видел вас. Но вы ведь не ожидали, что это так просто сойдет вам с рук?

У Хаима подогнулись колени, он упал на дверь, сильно ударился о пол. Голос его резко осип.

— Вы в моем доме тоже... пульс у всех проверили?

Бизон кивнул.

— Это было глупо. Вас тоже могли убить.

— И моя смерть тоже была бы на вашей совести, Хаим. Смотрите, что случилось!

Хаим повернулся и оперся на кровать, все еще стоя на коленях. Он закрыл лицо руками.

— Я хотел умереть, — сумел наконец произнести он. — Мне было плевать на себя. Меч был идеален и так хорошо подходил, чтобы спрятать его в подлокотнике кресла. Никто не знал! Даже Иаков. О, Иаков! Иаков! Что я с тобой сделал! Кэмерон! Убейте меня! Вы должны отомстить за все эти смерти! — Он быстро встал и распахнул окно. — Если мне духу не хватит, подтолкните меня! Умоляю, я этого не вынесу!

— Закройте окно, Хаим. Я не буду вас убивать и не дам вам покончить с собой.

— Я не сдамся этим скотам. Я не доставлю им такого удовольствия! Нет, я убью себя. Кэмерон! Вы знаете, что я это сделаю!

— Попробуйте — но без меня. Я слишком вас люблю, Хаим. Я скорее умру, но попасть в ад вам не дам.

— В ад? Если Бог отправит меня в ад за убийство такого чудовища, то я с радостью туда пойду! Но Он должен отправить меня туда за то, что я сделал с моими людьми! О, Кэмерон! — Хаим упал на кровать и подтянул колени к себе, рыдая так, что, казалось, грудь его сейчас разорвется. Внезапно он сел, готовый рассказать все.

— Я собирался вскочить в нужный момент с кресла с клинком в руке. Он же намного выше меня, так что мне пришлось поупражняться в прыжке. Я собирался подпрыгнуть как можно выше и обеими руками нанести ему удар клинком в голову. Весь мир увидел бы это.

На помосте были все эти обманщики — сидели, ходили, стояли, смеялись. Я подъ-

ехал к ним, оценивая расстояние и глядя, где мог бы проехать на своем кресле. Когда он подошел ко мне пожать руку, я уже хотел было выхватить оружие и всадить клинок ему в сердце, но угол был не тот. У меня не было опоры, даже чтобы вырвать клинок, не то чтобы ударить туда, куда надо.

В конце концов, я поехал к нему навстречу, когда он пошел ко мне. Я решил в последний момент свернуть в сторону и преградить ему путь. Тогда бы я вскочил с кресла и убил его. Но как только он подошел ко мне, слышался выстрел. Сначала я подумал, что меня заметили и что его охранник выстрелил в меня. Но он пригнулся и бросился в мою сторону, подальше от выстрела и разлетевшейся кафедры.

Он почти упал мне на колени, так что я быстро выхватил клинок. Я даже направить его как следует не успел. Я поднял его вверх и так держал, когда он рухнул на него затылком. Я держал его твердо и пытался выскрести мозг из его злобной головы. Он дернулся, и я выпустил клинок. Он упал мне под ноги. Вокруг был сущий хаос. Люди бежали во все стороны. Я отвернул в сторону, и на какое-то мгновение мне показалось, что я смогу уйти! Как вовремя! Выстрел! Он был откуда-то со стороны толпы, и, убегая оттуда, я думал, что это преступление могут приписать сговору двух лиц.

Я рассматривал план бегства так, на всякий случай. И вот я здесь. Кто бы мог поверить?

Бизон сидел, качая головой. Хаим со стоном упал на спину.

— Вы правы, — прошептал он. — Я один во всем виноват. Это я сделал такое с ними. О нет, нет, нет...

Бизон услышал голоса снизу. Трое бродяг спорили из-за бутылки.

— Кто-нибудь хочет подзаработать? Даю пятьдесят ников! — крикнул он.

Двое отмахнулись, но самый молодой пьяница быстро встал.

— Что делать-то?

— На двадцатку купишь мне одежду и обувь, затем принесешь сюда, заберешь себе сдачу и получишь еще полтинник.

Остальные двое рассмеялись и затаили песню. Молодой скривился и запрокинул голову.

— А вдруг я смоюсь с вашими бабками?

— Рискну, — сказал Бизон. — А ты деньги потеряешь. Хочешь получить двадцать или полсотни?

— Давай, — сказал тот, протягивая руку.

Бизон бросил вниз купюру. Остальные двое вскочили, готовые сцапать ее, но молодой опередил их и легко завладел деньгами. У Бизона камень с души упал, когда пьяница повернулся к нему и спросил:

— Размер-то какой?

* * *

— Не вышло, — сказал по телефону Абдулла.

— В чем проблема? — сказал Давид.

— У парня есть страх Божий. Он не выпустит диски из рук. Я даже копировальное устройство из сумки не доставал. Он сказал, что будет стоять здесь и смотреть, пока я буду их регистрировать, раз уж мне это так нужно.

— Я надеюсь, что они не собираются их уничтожать. Это единственная надежда на оправдание Рэйфорда.

— Оправдание? Ты о чем?

— О том, чтобы снять его с крючка.

— Нет, сэр, — ответил Абдулла. — Ему даже на спуск не надо было нажимать, чтобы попасть под обвинение. Он навлек на себя гнев Карпати. Чего им еще надо? Он должен держаться как можно дальше отсюда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Семь часов спустя

Давида раздражало, что у него так мало времени на общение с Энни, но он понимал, что очень скоро настанет час, когда им обоим придется удариться в бег. И если им удастся бежать, то тогда они смогут быть вместе, сколько хотят. И возможно, они будут очень-очень далеко от Нового Вавилона.

При другом стечении обстоятельств Новый Вавилон был бы ошеломительно прекрасным городом. Карпати привлек самых лучших архитекторов, ландшафтных дизайнеров и художников-оформителей. И если не принимать во внимание отсутствие Божией искры во всех творениях, город смотрелся величественно, особенно ночью. Огромные цветные прожектора подчеркивали контуры

массивных, похожих на кристаллы зданий. Только после гибели чудовищного количества жителей и последовавшего в результате недостатка персонала этот город начал проявлять признаки упадка. Мусор убирали уже не так быстро и фонари не ремонтировали. И все равно выглядел он потрясающе, это чудо рук человеческих.

Над горизонтом забрезжил рассвет. Давид сидел, слушая, как Фортунато, Хикмен и Мун разговаривали в большом кабинете Карпати. Он не мог сказать, действительно ли Леон сидит в кресле Николае, но говорил он так, будто бы уже занял его место. Они просматривали видеозаписи, привезенные из Израиля. Давид подпирал голову руками. Он не снимал наушников, чтобы не упустить никакой мелочи. Как же ему хотелось увидеть запись своими глазами, но выбрать не приходилось.

Они все прокручивали тот момент, на котором был выстрел.

— Видите? — говорил Мун. — Он вон там, прямо внизу, справа от помоста, в трех-четырех футах, вон там! Остановите!

— Да я вижу, Уолтер, — сказал Леон. — Хорошо, что у нас есть отпечатки. Я никогда бы не понял, кто это.

— Хороший ракурс, — сказал Хикмен. — Седые волосы торчат из-под тюрбана. Хорошая маскировка. Балахон. Я бы принял его за араба.

— Ага, тюрбан на голове.

Все захихикали.

— Рэйфорд Стил, — тихо проговорил Леон. — Кто бы мог поверить. Ведь убийство противоречит его религии?

Смех. Молчание. Затем Хикмен:

— Не знаю. Может, он убедил себя в том, что это священная война. Тогда все возможно.

— Факт в том, — сказал Мун, — что он промахнулся.

— Если посмотреть повнимательнее, — сказал Хикмен, — чуть раньше у него была куда лучшая возможность выстрелить. Он стреляет, значит, это и есть наш убийца. Но мне кажется, что он даже и стрелять-то не хотел.

— Вы о чем?

— Смотрите. Замедленная прокрутка, отмотай на секунду назад. Смотрите! Кто-то его толкает. Кто-то невысокий. Женщина. Увеличь!

— Я не умею обращаться с этими дурацкими машинами! — сказал Леон. — Надо позвать Хассида.

— Вы хотите, чтобы я ему позвонил?

— Возможно. Минутку. Вот. Отлично. Медленно и с увеличением. Что вы видите?

— Вот! — снова сказал Хикмен. — Она спотыкается. Теряет равновесие. Ха! На кого она похожа? Уолли, кого она вам напоминает?

— Не знаю.

— Не знаете? Ну да! О ком я подумал?

— Я знаю, о ком вы думаете, но мы же глаз с нее не спускаем, она в Северной Америке. Она пытается успеть на похороны се-

стры. Она не в курсе, что ее похоронили уже месяц назад.

Они снова захихикали, и Давид взял телефон.

— Рэйфорд, — сказал он, — возможно, Хэтти еще не на пути в убежище. МС идет за ней по следу на запад. Она пытается попасть на похороны сестры.

— Это уже легче. Возможно, на некоторое время мы в безопасности.

— Не слишком обольщайтесь. Я сгрузил всю информацию на компьютер Хлои, так что вы сами увидите результаты наших исследований, если захотите. Вы где?

— Я уже садился в Палуоки, когда позвонила Лия. Мне не удалось связаться с Ти, чтобы спросить, не сможет ли он добраться до нее в Канкаки, на юго-востоке отсюда. Она тоже не смогла с ним связаться. Так что я лечу к ней. Мы вернемся сюда и возьмем машину Бизона, чтобы попробовать добраться до убежища.

— Сначала позвоните Циону. Когда я последний раз с ним говорил, он сказал, что слышит шум машин.

— Это плохо.

— Еще бы, — сказал Давид. — Э, а ведь Лие может понадобиться новое прикрытие.

— Да? Почему?

— Она расспрашивала о Хэтти под именем Кленденон. Они могут попытаться через нее выследить Хэтти.

— Они уже и так у нее на хвосте. Зачем им Лия?

— Я просто так подумал.

— Спасибо.

— Будьте осторожнее. Они хотят на вас навесить всех собак.

Давид рассказал ему о вскрытии и исследовании вещдоков.

— Значит, я промахнулся, как вы и думали?

— На данный момент похоже, что так.

— Тогда как они все это повесят на меня?

— А они что, обязаны говорить правду? Если не вы, то кто-то из бывших на платформе это сделал.

— Ставлю на трех мятежных царей, — сказал Рэйфорд. — Похоже, Литвала.

— Даже если вы и правы, вы не такой скрытный убийца, как тот, кто стоит за Николае. Могу поклясться — вы просто козел отпущения.

* * *

Бизон просидел рядом с угрюмым Хаимом Розенцвейгом целый день. Старик то спал, то плакал, то угрожал покончить с собой. Бизону хотелось пойти найти чего-нибудь поесть, но он не мог оставить Хаима. Наконец, пьянчуга принес им сверток с поношенной одеждой и бросил в окно, но за едой не пошел, даже когда ему пообещали денег. Получив свои полсотни, он ушел.

Бизон позвонил в холл.

— Кто-нибудь может нам принести еды за дополнительную плату?

— Вы что, думаете, у нас есть обслуживающие номеров?

— Просто скажите, может, кто хочет заработать пару ников?

— Ладно, хорошо. Когда консьерж вернется с перерыва, я его пошлю к вам. Узнаете его по смокингу.

Как ни удивительно, через десять минут кто-то осторожно постучал в дверь. Бизон пожалел, что у него нет пистолета.

— Кто там?

— Я вам еды принесу, — сказал мужской голос. — Сколько?

— Десять.

— Идет.

Бизон послал его на местный рынок. Он сумел заставить Хаима проглотить всего несколько кусочков. Позвонил Давид.

— Это правда? — спросил он. — Я про Хаима.

Бизон оцепенел.

— А что с ним?

— Что он погиб и сгорел в своем доме вместе с домочадцами?

— Ты же знаешь, что это вранье, Давид. Тебе что, никто не сказал, что он со мной?

— Я говорю то, что по ящику передавали.

— Значит, вот как они все повернули? Национальный герой погибает в огне. Значит, так его выводят из заговора?

— Они считают, что это сделал один из трех несогласных, — сказал Давид, — но если это огласить, то это плохо повлияет на моральный дух. А Хаим что говорит? Он ведь там был.

— Мы поговорим об этом позже, Давид. Мне надо вывезти его отсюда.

— Как?

— Я сумел в конце концов связаться с Ти. Он пригонит «суперджет». Я направил его на закрытую дорогу. Мы должны быть там, когда он приземлится, чтобы он смог взлететь прежде, чем кто-то его заметит. Мы остановимся в Греции на дозаправку. Здесь я не рискну.

* * *

Цион был встревожен. Похоже, у Хлои было не в порядке с головой.

— Я могу доверить вам Кенни? — спросила она. — Вы не заснете?

— Вы же знаете, я жизнь за этого малыша отдам. Но вам нельзя уходить. Это глупо.

— Цион, я не могу тут сидеть и ничего не делать. Я сообщила всем о том, что происходит, но я мало что могу сделать, пока лежит запрет на торговлю и продажу. Не мешайте мне пользу приносить.

— Я вам не начальник, Хлоя. Я не могу ничего вам запретить. Я просто хочу, чтобы вы хорошенько подумали. Почему вы должны уйти? И почему сейчас? Машина Кэмерона в аэропорту. Если вы заберете «сабурбан», то вы оставите меня без средств передвижения.

— Вам некуда ехать, Цион. Вы в любом случае МС не опередите. Так что вам лучше

оставаться здесь, слушать, не едут ли они. В случае чего отключите свет и затаитесь.

Цион вскинул руки.

— Я не могу переубедить вас, так что делайте, что считаете нужным. Но не уходите надолго.

— Спасибо. И пообещайте мне, что сделаете все, чтобы Кенни не попал в лапы МС.

— Только через мой труп.

— Я хочу, чтобы он умер раньше, чем вы станете трупом.

— Я не стану этого делать.

— Значит, вы позволите им его захватить.

— Только через мой труп.

— Вы что, не понимаете. Цион? Ведь все так и будет! Вы станете мучеником, но Кенни попадет в руки врага!

— Вы правы. Лучше вам остаться.

— Хорошая попытка.

— Глупо выходить наружу при дневном свете.

— Я буду осторожна.

— Поздно. Вы уже ничего не хотите слушать.

— До свидания, Цион.

* * *

— И что ты на это скажешь? — услышал Давид голос Хикмена.

— Бред, — сказал Леон. — Галлюцинации. Бессмысленная болтовня. В такой ситуации так часто бывает.

— Но сначала он сказал что-то вроде «Я сделал все, что ты просил». Это о чем?

— Николае не ко мне обращался! Я никогда не просил и не попросил бы его ни о чем! И в любом случае, если бы он говорил со мной, это указывало бы на то, что это я убил его!

— Тогда почему его так занимал этот... как он его там называл?

— Занавес? Или завеса?

— Слушайте. Слушайте, что он говорит.

Давид прижал оба наушника к ушам и прислушался. После первого стога Карпати, слышного через усилители, система, похоже, отказала, но его следующие слова были слышны через микрофоны видеоустройства.

— Завеса, — прохрипел Карпати. — Она разодралась сверху донизу пополам? — Он пытался подняться. — Отец, — выдавил он. — Прости им, ибо не ведают, что творят.

Давид содрогнулся.

Это напомнило ему о том, что они с Маком услышали на записи из морга. Он позвонил Маку.

— Что там доктор Эйкенберри говорила о последних словах Николае?

— Только то, что это невозможно.

— Я об этом и подумал. Как только она увидела рану, она ведь сказала, что он не смог бы говорить, верно?

— Верно.

Давид запустил запись и прослушал ее еще раз.

«— Да, — говорила доктор Эйкенберри, — значит, вся эта болтовня о «последних словах» — вранье.

— Это точно, — сказал Петр. — Разве что он говорит каким-то сверхъестественным образом.

Они оба и доктор Кирстен рассмеялись.

— Этот человек не мог бы сказать ни слова, — сделала вывод доктор Эйкенберри. — Может, они хотят что-то придумать для будущего, но лучше бы меня никто не спрашивал о том, возможно ли это».

* * *

В начале десятого по общему стандартному времени Рэйфорд посадил «гольфстрим» в Канкаки. Он велел Лие высматривать маленький самолет и быть готовой быстро подняться на борт. Но когда он вывел самолет к терминалу, он увидел ее спящей в кресле у окна.

Колеса скрипнули по площадке. Он понимал, как подозрительно все это покажется диспетчеру наземного движения, но все же пустился бегом к терминалу.

— Донна! — крикнул он, подбежав к ней. — Донна Кленденон!

Она мгновенно вскочила и уставилась на него.

— Мы знакомы? — сказала она откровенно испуганно.

— Марв Берри, — сказал он, хватая ее сумку. — Нам пора.

— Привет, Марв, — прошептала она. — Надо было сообщить девушке, что ты сделаешь макияж.

Рэйфорд услышал по системе громкого оповещения что-то вроде предупреждения, к нему направились двое офицеров в оранжевых жилетах. Он не стал останавливаться и быстро взлетел, уверенный, что в Канкаки нет самолета для преследования и что им не особенно интересен маленький реактивный самолетик, который хамски нарушает протокол.

Он сказал Лие:

— Из Палуоки я узнал только, что Ти здесь нет, и что он вернется только утром, и что диспетчер не может мне сказать, куда он поехал.

— Вот и я услышала то же самое. Что вы на это скажете?

— Не знаю. Хотелось бы, чтобы в его церкви был кто-нибудь, кто мог бы ответить на этот вопрос. Но нам с Ти никогда не приходилось общаться через третьих лиц. Обычно я дозванивалась до него по телефону. Он всегда хотел быть в деле, и мне нужен кто-то, кто мог бы переправить сюда Хаима и Бизона. Меня прямо тянет позвонить Альби и спросить, не сможет ли он кого-нибудь мне найти.

— Я не слышала этого имени, — сказала Лия.

— Альби? Это долгая история. Хороший парень.

— Ну, так расскажите.

— Сначала давайте проясним пару вопросов.

— Тогда начинайте первым, раз уж заговорили, — предложила она.

Рэйфорд рассказал ей обо всем, что случилось с ним в Израиле, по пути в Грецию и в самой Греции.

— Я понимаю, что это звучит уж слишком удобно, — сказал он, — и я не стал бы вас корить, если бы вы решили, что я все это подстроил, чтобы...

— Подстроили? — резко прервала его Лия. — Если так, то гореть вам в аду.

— Значит, вы первой простите меня?

— Конечно. И мне тоже надо повиниться перед вами. Я...

— Вы не сделали ничего похожего на то, что я натворил, — сказал Рэйфорд. — Забудьте.

— Не отмахивайтесь от меня, Рэйфорд. Мне очень неловко из-за того, как я отреагировала на ваши слова.

— Принято. Мы в расчете.

— Не будьте легкомысленны.

— Я не легкомысленный. Вы не представляете, как я...

— Я не говорю, что я хуже вас, — насмешливо ответила она.

* * *

Давид услышал объявление, что все служащие Мирового Сообщества от уровня директора и выше немедленно должны явиться в небольшой театр в образовательном крыле. Что еще?

Когда в комнату набилось несколько десятков людей, Фортунато поднялся на кафедру, как профессор.

— Пожалуйста, садитесь побыстрее. Мне доложили, что в Новом Вавилоне уже собрались более миллиона человек и предположительно прибудут еще два миллиона. Наши социальные службы исчерпали свои резервы до предела и не могут даже дать выход своему горю. Я хочу знать, есть ли причины, по которым мы не сможем выставить тело потентата для прощания уже сегодня вечером и начать пропускать людей. Мы предполагаем, что на погребение останется меньше половины скорбящих. Погребение тоже можно сдвинуть по времени. У нас достаточно освещения?

— Да! — крикнул кто-то

— А помещений? Точек с водой, пищей, медицинским обслуживанием?

— Развернем за час! — сказал кто-то.

— Хорошо. Саркофаг и пьедестал?

— Пьедестал закончен и ждет.

— Саркофаг готов! Все точно по заказу!

— Правда? — сказал Фортунато. — Мне говорили, что были вопросы насчет того, можно ли его вакуумно запечатать...

— Решили с некоторой помощью. Как только тело, как и планировалось, окажется внутри, воздух можно будет быстро откачать и запечатать отверстие. Затычка сделана из твердой резины, она будет ввинчиваться в плексиглас...

— Спасибо, детали можете опустить. Весь контейнер прозрачен?

— Да, сэр. И когда его поставят на пьедестал, он будет находиться на высоте пятнадцати футов.

— Но люди смогут подойти?..

— По лестнице, которая поднимается с одной стороны, а спускается с другой. Конечно, к стеклу они прикоснуться не смогут, поскольку будут находиться на расстоянии примерно пяти футов за бархатным шнуром. Ну и хм... вооруженная охрана там будет.

— Спасибо, — сказал Фортунато. — Теперь я хотел бы, чтобы вы услышали некоторые подробности. Все, за исключением тех, кто сейчас занят на сооружении пунктов отдыха. Вы сейчас можете идти. Назначим старт на восемь вечера. Дайте своим людям знать, что они могут начать сборку. Да, мистер Блод.

Гай махал ему рукой. Теперь он встал.

— Боюсь, моя статуя не будет закончена до рассвета, как первоначально планировалось. Мы продвигаемся, и я уверен, что статуя будет потрясающая, но даже первоначальная цель почти недостижима.

— Не проблема. Ступайте, и мы все будем ждать завершения вашего шедевра.

Гай выскочил из комнаты. Леон вызвал по громкой связи доктора Эйкенберри.

— На нее была возложена трудная задача подготовки тела нашего возлюбленного вождя к погребению. Поскольку она — верная гражданка Мирового Сообщества и большая почитательница potentата, вы можете понять, каким грузом лежала у нее на серд-

це эта задача. Я попросил ее составить отчет по вскрытию и рассказать о сложностях, которые ей пришлось преодолеть ради того, чтобы дать нашим гражданам возможность последний раз встретиться с его святейшеством и увидеть его в максимально достойном и запоминающемся виде.

Доктор Эйкенберри уже не выглядела так сурово, как в тот раз, когда Давид впервые ее увидел. Она была без белого халата. Похоже, она только что подкрасилась и причесалась поженственнее. Когда только время нашлось?

— Спасибо, верховный командующий, — начала она. — Это и правда был очень сложный и эмоционально тяжелый день для меня и моих ассистентов, Петра Бергера и Кирстен Шолтен. Мы обращались с телом Николае Карпати с величайшим почтением и уважением. Как и ожидалось, причиной смерти стала страшная травма мозга, вызванная попаданием пули из пистолета «Сабля». Пуля вошла в тело потентата сразу под основанием черепа и вышла через макушку. Такая пуля обладает особенной мощностью, и потому она раздробила позвонок, разорвала спинной мозг, рассекла ствол мозга и заднюю часть мозга и нанесла остаточное повреждение сонной артерии и мягким тканям гортани. Из-за вращения пули затылок и голова были расколоты, что вызвало огромные трудности при реконструкции. Не вдаваясь в детали, скажу — раны были закрыты и замуфлированы при помощи воска и мастики,

закрашены с минимальным применением искусственного волоса. Если результат поможет внести вклад в организацию прощения с величайшим вождем в мировой истории, я благодарна Мировому Сообществу за дарованную мне привилегию послужить ему таким образом.

Среди рыданий и продолжительных аплодисментов доктор Эйкенберри повернулась, чтобы уйти, затем вдруг вернулась, подняв палец.

— Если можно, я хотела бы добавить еще одну вещь. Существует запись, на которой зафиксированы последние слова его святейшества. Он прощает того, кто совершил это ужасающее преступление. Всепрощение давно стало атрибутом божества, и как медик, я должна вам сказать, почему я разделяю это мнение. Кроме чувства, вложенного в последние его слова, я могу вам сказать, что невозможно объяснить, как после таких повреждений потентат вообще мог говорить. Воистину это был праведник. Воистину он был сыном божьим.

* * *

В Палуоки Рэйфорд попытался лично добыть побольше информации из записей диспетчерской.

— Простите, сэр, — ответили ему. — Я не просто не в праве вам что-то рассказывать, я вообще не могу этого сделать, даже если бы

хотел. Он не говорит мне, куда отправляется, только если намерен вернуться.

— Вы знаете, кто я?

— Нет, сэр.

— Вы не видели меня здесь и не знаете, что я друг Ти?

Диспетчер прищурился, вглядываясь в лицо Рэйфорда. Лия кашлянула.

— Он ...э-э-э..., может и не узнать вас.

Рэйфорд поверить не мог в свою дурость.

— Послушай, сынок, у меня есть разрешение взять машину моего компаньона, но он забыл оставить мне ключи. Я должен знать, что вы не обязаны сигналить властям, если я просто закорочу провода и запущу зажигание.

Вид диспетчера был не столь убедителен, как его слова.

— Я даже не посмотрю в вашу сторону.

— Он не верит вам, — сказала Лия, когда они пошли к «лендроверу».

— А с чего ему мне верить? Я бы тоже не поверил. Видите? Даже у прощенного греха есть последствия.

— Мы что, все будем толковать аллегорически? — сказала Лия, но Рэйфорд чувствовал, что она ошеломлена. Как только они оказались на дороге, она продолжила: — Мы ведь не поедем прямо сейчас, днем, в убежище?

— Конечно. Сначала мы сделаем остановку.

Он подъехал к Дес-Плейнес, к однонасосной газозаправочной станции, принадлежащей Зику и Зику-младшему. Зик быстро вышел, но замаялся, увидев Рэйфорда. Он посмотрел мимо него на Лию.

— Я узнаю машину, — сказал он, — но не узнаю хозяев.

— Это я, Зик. А это Лия.

— Это ведь не работа Зэд, не так ли?

— Ее.

— Хмм. Неплохо. И вы тоже ничего смотрите. Вам нужно машину починить?

— Ага.

Зик открыл дверь старого гаража. Рэйфорд заехал туда, Ли вышла, чтобы Зик мог поставить машину над ямой. Затем все трое спустились по потайной лестнице в цоколь, где Зик-младший встретил их настороженным взглядом.

— Ну? — сказал он.

— Вы меня узнаете? — спросил Рэйфорд.

— Нет, пока не заговорили, но сейчас узнаю. Что вам надо?

— Новое удостоверение для нее.

Зик-младший встал. Под черной жилеткой и футболкой перекачивались валики жира.

— Харри Сивер, — сказал он.

— Извините?

— Как вам имя Харри Сивер?

— А как она выглядит?

Зик взял папку.

— Примерно так.

— Ты гений! — воскликнула она. Блондинка была примерно ее возраста, роста и веса. — Не знаю, как ты это делаешь.

— Сейчас есть из кого выбирать, — застенчиво произнес он. Он показал на раковину и намазал ей волосы краской, чтобы обесцветить их.

Через пару часов они с Рэйфордом ехали прочь с запасом еды и полными баками. Лия прикрыла шарфом свои еще влажные, недавно обесцвеченные волосы. Накладку с зубов сняли, поменяли контактные линзы. В ее сумочке лежал кошелек с соответствующими документами.

— Я намерен поехать по северной трассе, — сказал Рэйфорд. — Нам там будут хорошо видны все остальные машины.

— Если только они не будут прятаться.

— Там особо негде прятаться, — заметил он. — Подождем до темноты?

— Вы меня спрашиваете?

— Мы сами решаем, жить нам или погибнуть, — сказал он.

— Очень оптимистично.

Он позвонил в убежище. Ответил Цион.

— Она где? Не говорите мне этого! О, Цион! А радиация, а...

Цион рассказал ему, что выяснил о радиации Давид. Рэйфорд подъехал к обочине и прикрыл микрофон.

— Ждем до темноты, — произнес он и развернулся на 180 градусов. А пока куда?

— К Чикаго. И следите, нет ли хвоста, если вы не ошиблись насчет диспетчера.

Рэйфорд позвонил Хлое и без обиняков спросил:

— Ты где?

— В районе Палоса, — сказала она. — Похоже, там, где прежде был перекресток Трай-Стейтс и Харлем.

— Двадцать пятая улица?

— М-м-м....

— И что дальше? Пешком пойдешь?

— Возможно, придется.

— На это уйдет много часов!

— А что еще мне делать, пап?

— Хотя бы нас дождись. А то ты сдашь нас скорее, чем Хэтти. Обе наши машины снаружи, причем середь бела дня. А пешком ты у всех на виду, как нарыв. Мы как никогда, под ударом.

— Вы просто скажите, что ей делать, Рэйфорд, — посоветовала Лия. — Вы ведь снова командуете, не так ли?

— Что? — спросила Хлоя.

Рэйфорд прикрыл трубку.

— Она взрослая замужняя женщина, Лия, давно уже не моя маленькая девочка.

— Но она ваша подчиненная в отряде Скорби. Делайте, что должны.

— Хлоя?

— Да.

— Сиди на месте, пока мы не найдем тебя. Искать начнем не раньше, чем стемнеет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бизона настиг когнитивный диссонанс. Одно дело — укрывать убийцу Карпати, если бы это был Рэйфорд или еще какой-нибудь сбившийся с пути верующий, для кого это деяние бы, по крайней мере, как убийство врага в ходе военных действий. Но Хаим?

Он не был верующим, никогда ни малейшего сарказма с духовной точки зрения относительно Карпати не проявлял. Но этот человек совершил преднамеренное убийство, и что бы там Бизон ни думал о жертве, это было преступление.

— И что вы собираетесь делать? — приставал к нему Хаим, пока они сидели в «Ночном госте» в Иерусалиме. — Сдадите меня? Бросите? Вы не можете смириться с тем, что я сделал с вашим худшим врагом. Я не могу пережить то, что сделал с лучшими моими друзьями. Они погибли из-за меня.

— Нет больше той любви, как если человек положит душу свою...

— Вы прежде уже это говорили, Кэмерон, и я знаю, к чему вы ведете. Но у них не было выбора. Возможно, они охотно бы умерли за меня, но погибли они по моей вине. Их смерть — на мне.

— А вы не сделали бы того же для них? Вы не умерли бы за них?

— Мне хотелось бы так думать. Мне следовало бы умереть за них сейчас.

— Прекратите эти разговоры.

— Вы думаете, я не от чистого сердца? Единственное, что мне мешает, — это вы и моя трусость.

— Трусость? Вы планировали убийство несколько месяцев, чуть ли не прямым текстом говорили мне об этом, показывая, как вы изготавливаете клинок — вот где моя голова была? — и в конце концов исполнили свой план. Вряд ли это доказательство трусости.

— Ах! — отмахнулся Хаим. — Я дурак и трус, и кровь моих людей на моих руках.

Бизон встал и начал расхаживать взад-вперед.

— Поскольку МС уже объявило о вашей гибели, вас могут прикончить на месте без объяснений.

— Пускай. Я заслужил смерть. Я убийца.

Бизон развернул стул и сел на него.

— А что будет, когда ваша жертва возвратится к жизни? И в чем тогда будет ваше преступление? Попыткой убийства? А что,

если не останется ни следа от оставленной вами раны?

— Вы безумны, Кэмерон.

— Так и будет, Хаим.

— Я понимаю, о чем вы. Цион тоже так говорил. Этот человек лежал у меня на коленях, когда я всадил клинок ему в голову. Что бы там ни было, он умер прежде, чем упал на доски. Он не мог выжить после такой раны.

— А что, если выживет?

Хаим снова отмахнулся:

— Не надо. Вы умный человек, вы постоянно учитесь, вы ученый и учитель. Вы привычны к дискуссиям. Так что будет, если Карпати вернется к жизни?

Хаим упал на кровать и повернулся спиной к Бизону.

— Тогда вы будете правы, а я не прав. Вы выиграете.

— Вы не предполагаете, что такое может действительно случиться.

— Вы сами сказали, что я умею мыслить. Я нахожу невозможным думать о невозможностях.

— Потому мы никогда и не можем достучаться до вас? Все наши споры и мольбы?..

— Вы достучались, Кэмерон, хотя и сами не знаете. Я прошел путь от атеизма через агностицизм к Богу.

— Вы уверовали?

— В Бога — да. Я же говорил вам. Случилось слишком многое, чего другим образом не объяснить.

— Тогда почему Карпати не может воскреснуть?

— Неужели вы сами в это действительно верите? — сказал Хаим.

— Да, я могу в это поверить. И верю. Вы забыли, что я был там, когда Эли и Моше вернулись к жизни, три дня пролежав на солнцепеке.

— Вы верите в то, во что хотите верить.

Бизон посмотрел на часы:

— Скорее бы стемнело. Я хочу убраться отсюда.

— Вы должны оставить меня, мой юный друг. Уходите один. Сделайте вид, что вы никогда меня не знали.

Бизон покачал головой, хотя Хаим по-прежнему не смотрел на него.

— Я не могу, — сказал он. — Мы слишком давно знакомы.

— Я был всего лишь героем вашей статьи. Мы не обязаны были становиться друзьями.

— Но ведь стали. А теперь я люблю вас и не могу вас оставить. Вы думаете, вам больше незачем жить...

— Верно.

— Но ведь у вас есть цель в жизни. Есть! Вы знаете, что я боюсь за вас!

— Вы боитесь, что я сдохну неверующим и попаду в ад.

— Нет, есть кое-что пострашнее. Что, если вы тянули слишком долго со своим обращением и Бог ожесточил ваше сердце?

— В смысле? — Хаим повернулся к нему.

— В том смысле, что вы наконец решите, что все правда и обратитесь к Христу, но вы уже прошли ту точку, откуда сможете вернуться к Богу.

— Объясните, как это соответствует вашей вере во всепрощение Господа, Который не хочет, чтобы хоть кто-то погиб?

— Я сам не могу понять, Хаим. Я же новичок. Но доктор Цион Бен-Иегуда говорит, что именно об этом предупреждает Библия, говоря о последних временах. Будьте осторожны, не зайдите слишком далеко, пренебрегая предостережениями и знамениями.

— Господь дал бы их?

— Я в это верю.

— Для меня?

— А почему нет?

Хаим опустил голову на подушку и закрыл лицо руками.

— Готовы вступить в дискуссию? — настаивал Бизон.

— Я устал, Кэмерон.

— Вы хорошо спали.

— Спал. Но плохо. Как я мог спать?

— Понятия не имею. Но это слишком важно, чтобы вы от этого так вот отмахивались.

— Вы ведь молились со мной и прежде! Я слышал все аргументы от вас и Циона. Я же мог доказать вам свою точку зрения!

— Тогда подумайте о том, что могло с вами случиться. Скажем, я мог бы струсить и бросить вас. Даже если вы трус и не способ-

ны покончить с собой, вы в результате чего-то погибаете. Что тогда?

— Я знаю, что в конце нас ждет смерть.

— Не так, — сказал Бизон.

— Ничего себе — неофит, прямо набитый знаниями. Вы не можете знать.

— Хаим, если все это так вас затронуло и заставило поверить в существование Бога, то почему вы не верите в реальность ада и рая? Если есть Бог, то почему Он должен желать вашей смерти и полнейшего исчезновения? Бессмысленно.

— Вы повторяетесь.

— Вы цепляетесь за соломинку, Хаим. Вы как малодушный, которому нужно еще одно знамение. Я просто не хочу, чтобы вы дожидались его слишком долго, когда пройдете точку невозвращения.

— Ах!

— Вы просто подумайте об этом, ладно? Что будет значить, если пророчество исполнится, Николае и правда Антихрист и что он восстанет из мертвых.

— Даже думать об этом не хочу. Я хочу умереть.

— Перестанете хотеть, если поверите в то, во что верю я.

— С этим я согласен.

— Что? Согласны?

— Конечно. Кому же в ад захочется?

— Так вы и не пойдете в ад, Хаим! Господь...

— Я знаю! Довольны? Я знаю! И закончим этот разговор.

- Ладно, но я просто подумал...
- Умоляю вас!
- ...каково вам будет, если Николае...
- Ради любви к...
- Я сейчас замолчу, Хаим. Но...
- У Бизона в кармане зазвонил телефон.
- Может, это Бог, — сказал Хаим. — Святой покровитель телефонов спас меня.
- Бизон слушает.
- Бизон, это правда вы?
- Хэтти? — Бизон вскочил так быстро, что стул отлетел в сторону. — Вы где?
- В Колорадо, — ответила она.
- Вы звоните по безопасному телефону?
- Единственная вещь, с которой я сбежала от вашего друга из-за моря.
- Слушаю.
- МС считают меня тупее, чем я есть. Они выпустили меня из тюрьмы, дали мне денег и пошли за мной по следу. Я знаю, что они были весьма разочарованы, что я не полетела в Израиль, но я хотела посмотреть, кто из моей семьи остался в живых.
- И?..
- Ее голос прервался.
- Нет. Пока никого. Но вы знаете, куда они надеются выйти по моему следу.
- Именно туда, куда вы, надеюсь, не пойдете.
- Бизон, мне больше некуда идти. Он провел пальцами по волосам.
- Я хотел бы помочь вам, Хэтти, но я...
- Я понимаю. У меня был шанс.
- Нет. Я...

— Все в порядке, Бизон. Вы ничего мне не должны.

— При чем тут долги, Хэтти? Я сам сейчас должен выпутаться из жуткой ситуации, и пока вы не оторветесь от МС, лучше вам не возвращаться в убежище. От этого зависит жизнь всех остальных.

— Я знаю, — сказала она, и он услышал ужас в ее голосе. — Вы скажете всем, что я не сказала никому, где они прячутся?

— Хэтти, вы стоите Бо и Эрни вместе взятых.

— Они не смогли выбраться. К тому же они оба мертвы, и если бы они хоть кому-нибудь что-нибудь сказали, вас уже обнаружили бы.

— Что вы будете делать, Хэтти?

— Не знаю, — устало сказала она. — Может, я просто заставляю этих головорезов гоняться за мной, пока им не надоест. Бог видит — они дали мне достаточно денег.

— Они не выпустят вас из виду. И не думайте, что они не смогут подслушать даже этот разговор.

— Они следят за моей машиной. Они думают, что я ем.

— Самое время смыться?

— Все слишком на виду. Мне надо попасть в какой-нибудь более населенный район. Может, в Денвер.

— Будьте осторожнее.

— Спасибо за помощь.

— Хэтти, простите, я...

— Я не об этом, Бизон. Я пыталась пошутить. Но не получилось, да?

— Если оторветесь от них и будете в этом уверены, еще раз позвоните мне. Возможно, мы будем уже в другом месте, но если мы сможем приютить вас...

— Вы приютите меня, правда?

— Конечно. Вы же сами знаете.

— Да. Вы лучше, чем я заслуживаю. Мне пора двигаться.

— Хорошо. Я думаю, вы слышали, что они пытаются повесить убийство на Рэйфорда.

— Я слышала. Фальшивка. Он, наверное, даже не был там.

— Он там был, но этого не делал.

— Не надо меня убеждать. Чтобы Рэйфорд кого-нибудь убил? Да ни в жизнь. Я слишком хорошо его знаю. Слушайте, скажите всем, что я в безопасности, они тоже, и поблагодарите за все, чего я не заслуживаю.

— Хэтти, мы все вас любим и молимся за вас.

— Я знаю, Бизон.

* * *

Давид, пораженный различием между публичным заявлением доктора Эйкенберри и результатами вскрытия, бешено искал в базе данных запись ее беседы с Фортунато перед собранием. Он должен был знать, какой подход использовал Леон, если он вдруг попытается так же подъехать и к нему. Он просмотрел все содержание жесткого диска, но безуспешно. Однако он наткнулся на

частный разговор между Леоном и каким-то мужчиной в совещательной комнате рядом с кабинетом Карпати.

— ... и сколько вы работаете на нас, сэр?

— Почти с самого начала, мистер Фор...
верховный командующий.

— Откуда вы?

— Из Гренландии.

— Вам нравится ваша работа?

— Нравилась — до убийства.

— Огнестрел?

— Нет, я имел в виду холодное оружие.
Устранение тех двоих на Храмовой Горе — это вштыривало. В смысле, как его святейшество поставил их на место...

— Но вам перестала нравиться ваша работа, когда вы увидели убийство самого потентата.

— Да, сэр. Я направлял камеру прямо на него, но мне в жизни никогда так тяжело не было.

— Вскрытие закончено, было обнаружено, что потентат застрелен.

В ответ прозвучало нечто вроде фыркания.

— Но был только один выстрел, верховный командующий...

— Так больше и не надо, сынок. Это было точно такое же оружие, которым его святейшество расправился с теми смутьянами у Стены Плача.

— Я понимаю, но с того места, где я сидел, слева над помостом, я видел, как та деревянная штука для выступающих...

— Кафедра.

— Ага. Ну вот, я видел, как она разлетелась, и занавес сзади снесло. В потентата никакая пуля не попадала. Он был ближе ко мне.

— Тем не менее вскрытие показало...

— Простите, верховный командующий, но само убийство произошло рядом со мной, и я видел, как это случилось.

— И вы пересматривали сцену?

— Много раз. С трудом верится.

— И с кем вы это обсуждали?

— С моим боссом.

— То есть с господином Бакаром?

— Да, сэр.

Шаги. Открывается дверь. Голос в некотором отдалении:

— Маргарет, позовите, пожалуйста, господина Бакара. Спасибо.

Дверь закрылась, и Давид услышал, как Леон садится в кресло.

— Посмотри-ка мне в глаза, сынок. Да, вот так. Ты ведь доверяешь мне, не так ли?

— Конечно.

— Когда сюда войдет твой начальник, я скажу вам обоим, что вы видели, и это вы запомните.

— Извините?

— Я собираюсь рассказать вам, что вы видели, и вы это запомните.

— Но, сэр, я знаю, что я видел...

— Вы понимаете, что я скоро стану новым потентатом, не так ли?

— Полагаю, что да, сэр.

— Полагаете?

— Я думаю, что большинство людей так думает.

— Правда?

Ответа нет.

— Правда? — повторил Леон. — Не надо просто кивать. Говорите.

— Да, — глухим голосом произнес молодой человек.

— Вы понимаете, что скоро моим новым титулом будет «верховный потентат» и что обращаться ко мне надо будет «ваше святейшество»?

— Да, верховный командующий.

— Можете начать прямо сейчас.

— Да, ваше святейшество.

— И вы понимаете, что я буду не только достоин поклонения — оно будет обязательным.

— Да, ваше святейшество.

— Зовите меня потентат. Верховный потентат.

— Да, верховный потентат.

— Вам не хотелось бы преклонить колени передо мной?

Тишина. Затем стук и громкий вздох Леоны. Звук открываемой двери.

— Простите, верховный командующий, но господин Бакар сейчас занят...

— Маргарет! — прошипел Леон. — Не мешайте мне!

— Простите, сэр, но я...

— Перестаньте извиняться. Не желаю слышать, что мои подчиненные имеют какие-то более важные дела! Будет лучше,

если следующим человеком, который постучится в эту дверь, будет господин Бакар. И для вас же будет лучше, если это произойдет в течение девяноста секунд.

— Уже бегу, сэр.

Хлопнула дверь. Скрипнуло кресло.

— Итак, сынок, на чем мы остановились?

— Я поклонялся вам, верховный потентат.

Снова кресло.

— Да, вы встали предо мной на колени и поцеловали мой перстень.

— Я не вижу перстня, сэр.

— Целуйте мою руку там, где он вскоре будет.

Быстрый стук. Звук открывающейся двери. Голос Бакара.

— Простите, верховный командующий, я... что тут за хренотень творится?

— Садитесь, директор.

— Что он делает на полу?

— Он только что собирался рассказать мне, что было на видеозаписи, которую вы привезли из Иерусалима.

— Так вы же ее видели, верховный командующий.

— Конечно. Но мне кажется, что есть некоторое различие между тем, что видел он, я или вы.

— Правда?

— Да, — ответил Фортунато. — Вернитесь в кресло и расскажите вашему начальнику о том, что вы видели.

— Я слышал выстрел и увидел, как голова потентата резко откинулась назад.

— Понял, — сказал Бакар. — Шутка. Теперь, значит, его застрелили? Мы все знаем, что это не так.

— Это так, — ответил оператор.

— Да, я родился вчера и сегодня ослеп.

— Вы и правда ослепли, Бакар? — сочувственно сказал Леон.

— Что?..

— Наклонитесь через стол и позвольте мне посмотреть вам в глаза.

— Мой глаза в порядке, Ле... верховный командующий. Я...

— Бакар. Вы слушаете меня?

— Конечно, но...

— Вы слушаете?

— Да!

— Вы слушаете? Правда, слушаете?

Молчание.

— Теперь вы действительно слушаете меня, Бакар?

— Да, сэр.

— Бакар, вы понимаете, что вскоре я стану новым потентатом?

Давид больше не мог слушать и быстро выключил запись. Он встал. Голова у него кружилась, его тошнило. Он позвонил Энни, извинился, что разбудил ее.

— В чем дело, Давид? — спросила она.

— Ты мне нужна, — сказал он. — Приходи скорее, прежде чем меня вызовут к Фортунато.

* * *

Рэйфорд и Лия договорились встретиться с Хлоей в полуразрушенном банкетном зале, который теперь превратился в тускло освещенный грязный бар. На них никто не обращал внимания, они сидели в темном углу, прячась от ветра, врывавшегося сквозь огромные проломы в стене.

Рэйфорд и Хлоя обнялись, но он не стал долго бранить ее.

— Это намного опаснее, чем сидеть на месте, даже если Хэтти выведет МС на убежище. Есть шанс, что подземное укрытие они не найдут.

— Нам нужно новое место, папа, — сказала она. — И я устала сидеть без дела.

— Я понял, но ты с ума-то не сходи.

У Лии зазвенел телефон.

— Харри Сивер слушает.

— О... я.... Извините.

Щелчок.

— О нет! — воскликнула Лия. — Это Минь звонила, я уверена!

— Так перезвоните, — ответил Рэйфорд.

* * *

Все сомнения, которые Бизон питал насчет физического состояния Хаима, развеялись, когда они в конце концов покинули «Ночной гость». Хаим четко знал, куда они идут. Он оторвал от своего пледа чистый кусок, кото-

рого хватало, чтобы прикрыть голову, плечи и спину. Его замызганная рубаша и штаны делали его незаметным среди всех остальных поденных рабочих в Израиле, а вместо тапочек на нем теперь были ботинки.

Бизону трудно было приспособливаться к его шагу. Когда тот шагал быстро, Бизону приходилось бежать трусцой, и хотя Хаим был на голову ниже Бизона и лет на тридцать старше, Бизон вконец вымотался.

— Ну, поедem мы в Америку, и что? Я буду жить вместе с вами и Ционом? Да, мне не надо совершать самоубийство. Вы заговорите меня до смерти.

— Мы не скажем ничего нового для вас, — отвечал Бизон, тяжело дыша и радуясь, что Хаиму пришлось остановиться, чтобы заговорить.

— Это самая правдивая правда, которую я услышал за весь этот день.

— Это не так, — сказал Бизон, помедлив, когда Хаим тронулся с места.

— Что? — спросил Хаим, идя на пару шагов впереди него.

— Самая правдивая вещь, которую вы сегодня услышали, — это то, что вы заблудились.

Хаим снова остановился и обернулся.

— Я заблудился?

— Да.

Стоя посреди разрушенного города, в тусклом свете Бизон увидел лицо своего друга. Оно было искажено болью.

— Вы думаете, я не знаю? — скептически заявил он. — Это единственное, в чем я

уверен. Я заблудился. Как думаете, почему я решил пожертвовать собой и убить самого страшного врага моей страны за всю ее историю? Я думал, что погибну. Я был готов умереть! Почему? Да потому, что я не знаю, что дальше делать! У меня нет смысла в жизни! Мне не для чего жить! Я думал, что мое последнее деяние принесет хоть какую-то пользу Израилю. Теперь дело сделано, и что? Я все равно не знаю, куда идти!

Бизон боялся, как бы Хаим не выдал их своими тирадами. Но не только поэтому он подошел к своему дорогому другу и обнял его.

— Не надо так, Хаим. Не надо.

И старик заплакал в объятиях Бизона.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Не вешайте трубку. Это Лия. — Ей пришлось вернуться в «лендровер», чтобы позвонить.

— Похоже, что и правда вы, — услышался голос, который Лии всегда казался неподходящим хрупкой Минь. — Но что это за Харри-как-ее-там?

— Нам, изгнанникам, приходится часто менять имена, Минь. Если бы не интрига, это не было бы так весело.

— Я и не знала, что у вас еще осталось чувство юмора. Для меня это слишком опасно, слишком страшно.

— Вы хорошо справляетесь со страхом, Минь.

— Я хотела спросить — ваш приятель, Уильямс?..

— Бизон, да.

— Не Бизон. Нормальное имя.

— Кэмерон?

— Да! Где его семья?

— Где-то на западе, а что? Вроде в живых у него только брат с отцом остались.

— Боюсь, уже нет. В... Буфере сегодня много говорили о том, что случилось с доктором Розенцвейгом и его семьей. Где он — неизвестно, но для публики говорят, что все погибли в пожаре.

— И?..

— Говорят, что с родными Кэмерона Уильямса будет то же самое, если они его не сдадут.

— Но его родственники не знают, где он! — ответила Лия. — Он не дурак, чтобы сообщать им.

— Лия, они, возможно, уже мертвы. Возможно, все это происходит прямо сейчас.

— Что именно?

— Пытка. Или они скажут, или будут убиты. А затем дом подожгут, чтобы замести следы.

— Я не знаю, что делать.

— Просто пусть ваши друзья свяжутся с ним. Может, он их успеет предупредить.

— Хорошо, Минь. А вы-то как? Готовы приехать к нам? О-о-ой! Оставайтесь на связи. — Лия скользнула вниз, когда к «лендроверу» подошли двое эмэсовцев в форме. Они остановились рядом, закурили и стали разговаривать.

— Минь, — прошептала Ли. — Вы меня еще слышите?

— Еле-еле. Что случилось?

— Да у меня образовалась компания. Если я больше ничего не сумею сказать, вы понимаете почему.

— Если вам надо отсоединиться...

— Нет, лучше побуду на связи. Я сейчас дам вам номер Рэйфорда Стила, если вдруг меня возьмут. Он назовется Мартином Берри.

— Поняла.

Машина покачнулась.

— Они облокотились на машину, — прошептала она. — Слава богу, у нас окна тонированные, кроме ветрового.

— Вы где?

— В Иллинойсе.

— В смысле, в машине?

— Да, на полу у переднего сиденья. Эх, быть бы мне поизящнее. Рукоятка рычага переключения передач прямо в бок впивается.

— Они вас не видят?

— Вряд ли. Прямо над ухом говорят.

— Что?

Лия не хотела говорить громче. Миротворцы потчевали друг друга дурацкими байками. Ей очень хотелось сказать — ага, а я королева английская. Но она лежала тихо, как мышка.

— Эта консервная банка словно войну прошла, — сказал один.

— Так и есть, дурак. Она достаточно старая, так что и войну, и землетрясение пережила.

— Крепкая штука.

— Не, «лендкрузер» лучше.

— Что? Та же компания?

— «Тойота».

— Правда?

— Дорогая.

— Дороже этой?

— Еще бы.

— Не шутишь? Эта штука с тюнингом.
Думаю, там даже GPS есть.

— В этой помойке-то? Ага-ага.

— Спорим?

— Сколько?

— Десять.

— Идет.

— О нет, — прошептала Лия. — Заходят
спереди.

— Позвонить Рэйфорду?

Но Лия не ответила. Она запихнула телефон между креслами и сделала вид, что спит.

— Видишь, нет тут системы позиционирования. Эй! Она в порядке?

— Кто? Ой ты! Дверь-то не заперта! Спроси ее.

Стук в окно.

— Эй, дамочка!

Лия не ответила, но чуть шевельнулась, чтобы они не подумали, что она мертва. Когда он открыл дверь, она села, делая сонный вид.

— Эй, в чем дело? — спросила она. — Я сейчас миротворцев позову!

— Мы и есть, мэм.

— А что, девушке уже и поспать нельзя? Противозаконно?

— Да нет, но что вы на полу-то делаете? На заднем же сиденье лучше.

— От солнца прячусь.

Она выпрямилась, отчаянно пытаюсь вспомнить свой новый адрес и город. Зик-младший не раз напомнил ей, что надо это по возможности запомнить. Черт, как же жаль, что она новичок в этой игре!

— Это ваша машина?

— Напрокат взяла.

— У кого?

— У парня по имени Расселл.

— Это имя или фамилия?

— Рассел Стуб.

— Он знает, что вы ее взяли?

— Еще бы! Вы это к чему клоните?

— Проверь, — сказал тот напарнику, который тут же взялся за телефон. — Он откуда, мэм?

— Маунт-Проспект

— А тут вы что делаете?

Она пожала плечами.

— Хотела с друзьями повидаться.

— Мы хотим проверить, зарегистрирован ли это автомобиль на имя Стуба в Маунт-Проспект — верно, мэм?

Она кивнула.

— Его документов при мне нет, но машина его, и он из Маунт-Проспект.

— У вас есть удостоверение, мэм?

— Есть, а что?

— Я хотел бы на него посмотреть.

— И столько трудов, чтобы обвинить меня в краже машины?

— Я ни в чем вас не обвиняю, дамочка. А вы чувствуете себя в чем-то виноватой?

— А надо?

— Покажите ваше удостоверение.

Лия сделала вид, будто роется в сумочке, и, найдя новый документ, успела глянуть в него.

— Это ваш нынешний адрес мисс... э-э-э... Сивер?

— Если там указан Парк-Ридж, то да.

— Далековато вы от дома.

— Только потому, что теперь дорог толком нигде не осталось.

— Верно.

— Стуб, Маунт-Проспект, — сказал второй. — Никаких долгов и нарушений.

Лия подняла брови. Сердце ее бешено колотилось в груди.

— Ну, довольны?

Он вернул ей документ.

— Не болтайте просто так, мэм. Отгоните машину хозяину и возвращайтесь домой.

— А что, я пропустить стаканчик не могу? Вдруг мои друзья появятся?

— Вы только долго не тяните.

— Спасибо. — Она толкнула дверь машины и увидела, как из бара выходят встревоженные Рэйфорд и Хлоя.

— Ага, вот и они! Еще раз спасибо, господа!

* * *

Энни быстро пришла в кабинет Давида. Они сделали вид, что просто разговаривают, как начальник с подчиненным. Давид быстро рассказал ей обо всем, что услышал.

Она побледнела:

— Похоже на то, что Карпати пытался проделать с Бизоном Уильямсом тогда, в ООН.

— Но кто же знал, что Фортунато тоже на такое способен?

— Неужели Антихрист — он? — сказала Энни.

Давид покачал головой.

— Я по-прежнему думаю, что это Карпати.

— Но ведь он на самом деле мертв, Давид. Совсем мертв. Сколько он пролежал в этом мешке и потом в ящике? Я думала, что он прямо сразу оживет.

— Доктор Бен-Иегуда тоже так думал, — сказал он. — Но что мы знаем? Если бы мы знали все об этом, мы бы знали вообще все, и нас не оставили бы здесь.

Позвонила секретарша Давида.

— Верховный командующий хотел бы вас видеть.

Энни схватила его за руки.

— Господи, — прошептала она, — защити его от всякого зла!

— Аминь, — ответил Давид.

* * *

Бизон и Хаим сидели, дрожа, в кювете, в самом северном конце заброшенной и закрытой дороги. Только небольшой участок оставался гладким. Бизон не был уверен, что «суперджет» сможет здесь сесть. Самолет, конечно, сможет сесть и взлететь, не привлекая внима-

ния, но если Ти придется заходить на посадку не один раз, то кто знает, чем кончится?

Хуже того, освещения тут не было никакого. Ти будет использовать посадочные огни только в крайнем случае, рассчитывая на то, что Бизон будет вести его по телефону. Это означало, что Бизону придется встать в том или другом конце полосы. Он выбрал ближний край, чтобы говорить с Ти, когда тот будет проходить прямо у него над головой, чтобы затем развернуться и вести его, пока тот не сядет. Бизон будет передавать GPS-координаты со своего телефона на телефон Ти. Единственной опасностью было то, что Ти мог идти слишком низко и слишком быстро, так что Бизону придется отскакивать в сторону. И все же это легче, чем уворачиваться от самолета, если тот пойдет прямо на него с противоположного конца.

— Слишком много хлопот для человека, который не хочет улетать, — сказал Хаим.

— Вы, может, и не хотите, а я-то хочу.

Телефон Бизона зазвонил, он подумал, что это Ти, хотя самолета он еще не слышал. Но это был Рэйфорд.

— У нас тут трудная ситуация, — сказал Рэйфорд, быстро рассказав, как дела у Хлои. — Вопрос в том, есть ли сейчас у нас время поговорить?

— Времени нет, — сказал Бизон. — Но, черт побери, в чем дело?

— Не бери в голову, Бизон. Позвони, когда будете над Грецией. И поблагодари братьев от нашего имени.

— Хорошо, — сказал Бизон, озадаченный тоном Рэйфорда. Впечатление было такое, будто его тесть снова стал прежним.

— Хлоя передает, что любит тебя и хочет поговорить, когда будет время.

— Спасибо. Я тоже ее люблю.

— Я люблю тебя тоже, Бизон.

— Спасибо, Рэй. И я тебя люблю.

* * *

Давид осознал, насколько он перепуган, когда, поднявшись на девятнадцатый этаж, напрямик направился к конференц-залу.

— Он там? — спросил он, пытаясь скрыть тревогу.

— Нет, — ответила явно озадаченная Маргарет. — Он с господами Хикменом и Муном у себя в кабинете. Они вас ждут.

«Я не встану на колени, — поклялся Давид — Я не стану ему поклоняться и целовать его руку. Господи, защити меня».

Леон и остальные двое директоров сгруппировались у телеэкрана. У Леона по-прежнему был глубоко опечаленный вид.

— Как только мы опустим его святейшее в гробницу, — говорил он срывающимся от чувств голосом, — человечество начнет свой путь к умиротворению. Наказание его убийцы послужит этой цели. Посмотрите запись вместе с нами, Давид. И скажите, видите ли вы то же самое, что и мы.

Давид подошел к экрану. Фортунато наверняка слышит, как колотится его сердце. Да и лицо его пылало. Он чуть не сел мимо кресла.

Поскольку съемка велась сверху, на записи все было видно с предельной четкостью. Карпати повернулся на звук выстрела влево и налетел на инвалидное кресло Хаима, который как раз ехал к нему. Хаим схватился за металлический подлокотник и быстро выдернул оттуда двухфутовый клинок. Когда Николае стал падать на него, Хаим резко поднял клинок, держа его обеими руками, лезвием к себе.

Хаим поднял руки, Карпати налетел на клинок, и тот вошел в его затылок и вышел из макушки так же легко, как штык сквозь арбуз. Карпати вскинул руки к подбородку, но Давид не спускал глаз с Хаима, который бешено повернул клинок в затылке Карпати. Он выпустил клинок, и Карпати упал. Хаим быстро покатился в кресле к левой стороне помоста и оказался спиной к умирающему.

— Ну? — сказал Леон, сверля его взглядом. — Есть сомнения?

Давид замялся, в результате остальные двое уставились на него.

— Камера не врет, — сказал Леон. — Теперь мы знаем убийцу, не так ли?

Как бы Давид ни желал вступить в спор, каким-то другим образом интерпретировать очевидное, он выдаст себя, если поступит нелогично. Он кивнул:

— Это так.

Леон подошел к нему, и Давид замер. Верховный командующий взял лицо Дави-

да своими пухлыми ладонями и заглянул ему в глаза. Давид боролся с желанием ответить взгляд, молясь в душе, чтобы не сделать ошибки, и надеясь, что Энни тоже сейчас молится за него. Этот человек, как и Николае, явно умел манипулировать разумом неверующих. Кровь колотилась в ушах. Не ощутит ли Леон его ужас наощупь?

— Директор Хассид, — сказал Леон, сверля его глазами, — Рэйфорд Стил застрелил нашего возлюбленного потентата.

«Рэйфорд? Они что, другую запись смотрели?»

Леон заподозрит его, если Давид сдастся слишком скоро.

— Да нет, — сказал Давид. — На записи же все ясно. Доктор Ро...

— Жертва инсульта и великий и верно-подданный политический деятель не мог бы такое совершить, не так ли?

— Но...

Потные ладони Фортунато по-прежнему сжимали его виски.

— Единственное оружие — «сабля» — было в руках у Стила, который должен заплатить за свое преступление.

— Рэйфорд Стил? — сказал Давид. Голос его ломался, как у подростка.

— Убийца.

— Убийца?

— Посмотрите еще разок, Давид, и скажите, что вы видите.

Давид был в ужасе. Он не заметил, чтобы кто-то менял диски, но эта версия действи-

тельно показывала, что Рэйфорд стреляет в сторону помоста. Неужели он слабее, чем Бизон три с половиной года назад? Неужели Леон действительно заставил его видеть то, чего не было? Он, не мигая, уставился в экран. Казалось, время застыло.

Наверное, кто-то все же подменил диск, пока Леон смотрел ему в глаза. Это не был вымысел, игра разума. Поскольку хотя на этой записи и был выстрел, так же было видно, что Николае падает на колени Хаима.

— Помедленнее, — попросил Давид, пытаясь подражать бесстрастным механическим голосам, которые слышал раньше на записях. Он был уверен, что его жалкая уловка не сработает, но выбора не было, и он продолжал игру.

— Да, Уолтер, — сказал Леон, — отмотайте еще раз к моменту смертоносного выстрела и прокрутите медленно.

Давид пытался взять себя в руки, решив посмотреть на кафедру, завесу, на царей. Как только из дула «сабли» последовала вспышка и поднялся дымок, кафедра разлетелась и щепки полетели в сторону десяти царей. Задник словно сам собой свернулся и отлетел в сторону. Хаим появился из-за упавшего потентата и покати к центру помоста. Ракурс не позволял увидеть того, что он сделал на самом деле.

К своему отвращению Давиду пришлось второй раз позволить Леону взять свое лицо в ладони.

— Ну? — сказал Леон, глядя на него. — Сомнения есть?

На сей раз Давид не мог тянуть. Он внезапно ощутил удушливый запах одеколona Леона. Как он прежде-то его не чувствовал?

— Камера не лжет, — повторил Леон. — Мы знаем убийцу, не так ли?

Давид кивнул, заставив Леона выпустить его.

— Конечно, — сумел проговорить он. — Стил должен заплатить за все.

* * *

— Я вся извелась, — сказала Лия, когда все трое снова сидели внутри. — Нервы не выдерживают. Мы не должны выходить днем. Слишком многое может пойти наперекосяк.

— Вы не должны были садиться в машину, — сказала Хлоя.

Лия склонила голову набок и посмотрела на Хлою.

— Мне не надо было садиться в машину? Я здесь не по своей воле, дорогуша.

— Я не просила вас приезжать, — ответила Хлоя.

— Стоп, — сказал Рэйфорд. — От этого толку не будет. Хлоя, ты уж извини, но ты сделала чудовищную глупость.

— Папа! Нам нужно новое место!

— И нам надо его осмотреть, но мы уже не можем находиться на виду хоть на секунду дольше необходимого, разве что по ночам.

— Ладно! Извините!

Лия взяла ее за руку.

— И вы извините, — сказала она, но Хлоя отдернула руку. — Не надо так, — произнесла Лия. — Я не должна была так говорить, и я прошу прощения. Нам придется работать вместе.

— Нам надо выбираться отсюда, — сказал Рэйфорд. — Эти ребята считают, что мы просто друзья, собравшиеся здесь, чтобы выпить вместе. До темноты мы тут оставаться не можем.

— Нам надо подобраться поближе к Чикаго, — заявила Хлоя.

— Это будет выглядеть еще подозрительнее, — покачал головой Рэйфорд, — разве что мы найдем укромное место, где сможем оставить машины, а сами отправимся в город.

— Там, где теперь кончаются рельсы надземки? — предложила Хлоя.

— Так они теперь везде кончаются, — сказала Ли. — Движение же совсем закрыто, верно?

— Ну, — ответила Хлоя, — дорога разворочена на юге, но в городе надземка в порядке, но движение закрыто, да.

Рэйфорд посмотрел на потолок.

— Как насчет того, чтобы спрятать машины где-нибудь в той стороне? Подъедем с разных направлений, потом въедем в город по рельсовой дороге.

Лия кивнула:

— Хорошая идея.

— Я тоже так думаю, — кивнула Хлоя.

* * *

— Если вы там, где я думаю, — сказал Ти, — то посадка, скорее всего, невозможна.

— Дорогу видишь? — спросил Бизон. — Почему я тебя тогда не слышу?

— Ветер, наверное, но скоро ты меня услышишь. Я уже иду ниже, чем хотелось бы, но я надеюсь, что не над той дорогой.

— В этом районе других вариантов нет, — заметил Бизон. — Если ты видишь участок открытой дороги, то это наша.

— Бизон, ты соображаешь, сколько мне нужно времени, чтобы остановиться? Транспортнику было бы легче.

— А выбор есть?

— Да! Я сажусь в иерусалимском аэропорту, а лучше в тель-авивском, а потом надеюсь на лучшее.

— Хаиму проще будет покончить с собой на месте, чем рискнуть сунуться туда, Ти. Его ищут.

— Я хочу попытаться, Бизон, но это прямой путь в мученики.

— Я тебя слышу.

— Спасибо.

— Я тебя в буквальном смысле слова слышу. Зажигай посадочные огни... я тебя вижу! Ты справа от меня!

— Сейчас выправлю.

— Еще. Еще! Еще! Ага! Нет, теперь чуть левее! Держи этот курс.

— Ничего не вижу.

— Используй посадочные огни при необходимости. Мне это тоже поможет.

— Мне не нравится то, что я ничего вижу. — Снова вспыхнули и теперь уже не погасли посадочные огни. — А теперь мне не нравится то, что я вижу.

— Ты идешь высоко. Я думал, что ты гораздо ниже.

— Я шел ниже, чем мне хотелось бы, из-за этих мигалок слева. Будем надеяться, что им не до нас.

— Ты все еще высоко идешь.

— Ага. Но я и тебя не вижу.

— Если ты будешь оставаться на такой же высоте, то мне ничего не грозит. Пойдешь на второй заход?

— Нет. У меня один шанс, и я намерен его использовать.

— Тебе пора снижаться.

— Иду.

Бизон убрал телефон и замахал руками, хотя вряд ли Ти видел его под этим углом. Самолет взял правее, и Бизон попытался указать Ти вернуться к центру. Поскольку огни были по-прежнему включены, Ти должен был сам это видеть.

Когда «суперджет» прошел мимо него, Бизон схватил телефон и заорал:

— Идешь прямо?

— Как могу! Не выйдет! Слишком круто! Слишком быстро!

— Отбой?

— Поздно!

Бизон закрыл глаза, когда самолет пошел вниз, и его обдало горячим воздухом. Он за-

крыл уши, понимая, что все равно услышит звук удара. Но услышал он не грохот крушения. Ему показалось, что он услышал скрип шин, перекрывающий грохот мотора, но, возможно, он принял желаемое за действительное. Он открыл глаза и сквозь пыль увидел, как самолет проскакал пару футов. Алое пламя било по обе стороны, когда самолет при помощи обратной тяги отчаянно пытался снизить скорость.

Следующий удар прозвучал как выстрел. Из-под самолета поднялся белый дым, и машина бешено закрутилась. Посадочные огни освещали канавы и траву, затем вдруг повернулись прямо на Бизона. Внезапно они погасли, но он слышал, что моторы продолжают работать. Шум затих, только двигатели были, но Бизон больше ничего не видел. Самолет должен был стоять носом к нему. Он не слышал треска ломающегося фюзеляжа и испугался, что Ти просто не может остановиться.

Он кинулся к самолету, с удивлением заметив, что рядом, не отставая ни на шаг, бежит Хаим.

* * *

Ночь в Новом Вавилоне была сухой и теплой. Десятки прожекторов под разными углами освещали двор, и было светло как днем. Ничто не может соперничать с беспощадным, безоблачным солнечным днем, но пока день не настал, все ясно видели то, что следовало видеть.

Давид и Энни были в числе сотен служащих, которым было дозволено — или в их случае назначено — пройти цепочкой мимо саркофага впереди паломников прибывших сюда, со всех концов света. Они оба ждали на ступенях, пока десять носильщиков — четверо с каждой стороны и по одному впереди и сзади — мрачно и торжественно внесли плексигласовый саркофаг. За ними следовал оркестр, игравший похоронный марш. Из-за ограждений, поставленных на расстоянии одной восьмой мили, слышался плач. Служащие тоже начали всхлипывать. Носильщики осторожно опустили саркофаг на пьедестал и установили его. Техник с чем-то вроде пылесоса под мышкой опустился на колени между последней парой носильщиков и замыкающим и ввинтил манометр в резиновую пробку в ногах покойного. Дважды проверил показания, затем подсоединил к пробке шланг, повернул диск и включил вакуум-отсос на пару секунд. Проверил давление еще раз, убрал все, кроме затычки, и торопливо ушел.

Восемь носильщиков отошли в сторону, а оставшиеся убрали полог. Энни сжалась. Давид оцепенел. Он ожидал, что Карпати будет выглядеть более-менее натурально. Конечно, доктор Эйкенберри поработала на славу — рану не было видно. И все же, даже в темном костюме, белой рубашке и полосатом галстуке, Карпати казался более мертвым, чем любой труп, который Давид видел в своей жизни.

Сам саркофаг был сделан в форме старинного соснового гроба, крепкий торс Карпати был открыт. Крышка толщиной в два дюйма крепилась с обеих сторон огромными болтами из нержавеющей стали, уходящей глубоко в пластик. А внутри стенки блокировались шайбами и болтами.

Крышка находилась на расстоянии не более трех дюймов от лица Карпати, и люди, проходя мимо, могли опираться на бархатные канаты, и их дыхание могло касаться самой крышки. Карпати был сейчас ближе к людям, чем когда-либо в жизни.

Давид слушал исправленный отчет о вскрытии, откуда были вымараны все упоминания о клинке и повреждениях, им нанесенным, зато были добавлены упоминания о пуле. В конце доктор Эйкенберри дала клинический подробный отчет о том, как она закрепляла веки клейкой лентой и зашивала губы невидимой нитью.

Давиду было любопытно, потому он хотел посмотреть поближе. К счастью, группа людей впереди него остановилась больше чем на минуту. Давид подался вперед и посмотрел на тело, помня, что надо изображать сраженного горем. Он не был уверен, что там на самом деле лежит Карпати. Тело выглядело застывшим, холодным, бледным. А вдруг это восковая фигура? Возможно ли, чтобы воскрешение случилось в холодильнике морга? Вакуумный плексигласовый саркофаг уж наверняка тепло не проводит.

Руки Карпати казались более живыми и убедительными. Левая рука лежала на груди поверх правой, они были ухоженными и лишь чуть бледнее, чем при жизни. Они находились в четверти дюйма от прозрачной крышки. Давид почти желал, чтобы этот человек был достоин своего внешнего вида.

Он просто оцепенел, когда кто-то впереди него начал вдруг креститься и кланяться. Женщина разрыдалась и чуть не упала, и Давид подумал — как же простые люди-то будут реагировать, если с эмэсовцами творится такое?

По другую сторону саркофага стояли трое вооруженных охранников, которые стирали следы со стекла, если к нему кто-то прикасался, и полировали, полировали его.

Наконец, очередь тронулась, и Давид попытался подвести Энни поближе, чтобы лучше посмотреть на тело. Она вся сжалась, и он не стал ее неволить, когда они проходили мимо. Человек за спиной Давида упал на колени, увидев тело, и что-то простонал на незнакомом языке. Давид обернулся и увидел Бакара.

Энни ушла, вид у нее был вымотанный. Давид же отправился наверх на наблюдательный пункт. Он был развернут на третьем этаже и замаскирован под станцию первой медицинской помощи. Давид наблюдал, как убирают ограждения и толпа медленно начинает двигаться в направлении саркофага.

Кто-то бежал через двор, направляясь туда, где прежде была развернута судебно-медицинская лаборатория — ее уже убрали. Это была женщина с большим бумажным

пакетом. Он бросился вниз и с извинениями стал пробираться сквозь толпу к противоположной стороне.

Выбравшись, он увидел ее. Доктор Эйкенберри уже спешила туда, откуда пришла. А там с пакетом стоял Гай Блод. Он посмотрел на Давида и пожал плечами.

— Мы закончим к рассвету, — сказал он. — Спасибо за помощь.

Давид не хотел фамильярничать с Гаем. Но ему хотелось узнать, что в пакете.

— Что это у вас, министр Блод?

— Она сказала, что верховный командующий хочет это засунуть в статую.

— В статую?

Гай кивнул.

— Это значит, что надо это сделать прямо сейчас, иначе, когда мы все заварим, засунуть внутрь мы сможем что-нибудь не более радиуса зрачка, ноздри, рта. Конечно, в четыре раза больше обычного размера, это довольно большое отверстие, но...

— Можно посмотреть? — сказал Давид, протянув руку к пакету.

— Да пожалуйста, — ответил Гай. — Все равно сгорит.

— Сгорит?

— Или расплавится. В пустых ногах будет сушая геенна огненная — хорошее сравнение?

— Еще бы плохое! — ответил Давид, отгибая угол пакета. Внутри было настоящее оружие убийства.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда Рэйфорд следом за Лией и Хлоей выходил из бара, туда вошел миротворец.

— Вы Кен Ритц, не так ли?

Рэйфорд еле сумел взять себя в руки. Он заметил, как подобралась Лия и как внимательно посмотрела на миротворца Хлоя. Рэйфорд незаметно сделал Хлое знак продолжать двигаться, надеясь, что Лия сделает то же самое.

— А кто спрашивает? — сказал Рэйфорд.

— Да или нет, коллега? — повторил охранник.

— Тогда нет, — ответил Рэйфорд, проходя мимо.

— Задержись на пару секунд, приятель. — Рэйфорд предпочел бы «коллега». — Дай-ка твое удостоверение.

— Я же сказал, что я не тот, кого вы ищете.

Охранник перегородил выход. Рэйфорд показал свое удостоверение.

— Итак, мистер Берри, вы знаете Кена Ритца?

— Не могу сказать, что да.

— А ваши друзья?

— Так вы их и спросите.

— Не умничай.

— Простите, но откуда мне знать, знают ли они его, если я сам его не знаю?

Охранник жестом отпустил его, и когда Рэйфорд вышел, он слышал, как тот орет в баре:

— Кен Ритц тут есть? Ритц!

Лия с Хлоей ждали у «лендровера», другой миротворец стоял, поставив ногу на бампер «сабурбана». Он говорил по телефону.

Рэйфорд как ни в чем не бывало подошел к водительскому месту «лендровера», и все трое сели в машину. Отъехав, Рэйфорд сказал:

— Прощай, «сабурбан».

— Все из-за меня, — сказала Хлоя. — Ну давайте. Ругайте. Это все я виновата.

* * *

Бравада Хаима наконец дала трещину. Бизон решил, что это из-за усталости. Они ведь долго бежали. Как бы то ни было, старик был в панике. Но это странным образом подбадривало Бизона — трудновато спасать того, кто не хочет спасения. По крайней

мере, Хаим сохранил хотя бы остатки чувства самосохранения. Неплохо для начала.

«Суперджет» сел под кошмарным углом. Одна шина шасси лопнула. Открылась дверь, из нее высунулся Ти.

— Это вы доктор Розенцвейг? — крикнул он.

— Я, да, привет, как дела, — сказал Хаим, помахав рукой. — Вы знаете, что к нам бегут и что у вас лопнула шина?

— Я очень этого опасался, — сказал Ти. Он протянул Розенцвейгу руку.

— Представимся потом, полетели, пока эмэсовцы не открыли по нам стрельбу, — сказал Хаим. — Надо выбираться отсюда. Вам приходилось взлетать с одним колесом?

— Не пехом же удирать. Попробуем.

Бизон встал за спиной Розенцвейга и попытался подтолкнуть его к трапу. Тот не двинулся.

— Это безумие, Кэмерон! Здесь асфальта едва хватит, чтобы самолет вообще мог взлететь!

— Вы хотите сдатьсь?

— Нет!

— Тогда летим. Идете или положитесь на судьбу? — Бизон прошел мимо него к трапу и поднялся на борт. Взялся за ручку, чтобы открыть дверь. — Последний звонок.

— У этого самолета нет шансов, — простонал Розенцвейг. — Мы все погибнем.

— Нет, Хаим, — ответил Бизон. — Это — наш единственный шанс. Вы что, сдались?

Розенцвейг вскочил в самолет, когда Ти уже начал бороться с плохо слушающейся

его машиной и выводить ее к началу уцелевшей полосы дороги. Он развернул самолет и дал полный газ. Бизон и Хаим, повалившись влево, пристегнулись. Бизон начал молиться. Хаим бормотал:

— Безумие. Безумие. Без шансов. Никакой надежды.

Моторы взвыли, самолет затрясло, хотя они еще не двигались. Бизон не знал, что делает Ти. Когда он снял машину с тормоза и сел за пульт, «суперджет» рванул по дороге, бешено раскачиваясь на ходу.

На том конце дороги мостовую разворотило так, что асфальт образовал что-то вроде пятифутового барьера, и они сейчас неслись аккуратно на него. Бизон понимал, что Ти пытается найти нужную комбинацию скорости и расстояния, чтобы перелететь через него. Он не мог оторвать взгляда от барьера. Хаим сидел, сцепив руки на затылке и свесив голову между коленями. Он все стонал:

— О Боже, о Боже, о Боже...

И Бизон чувствовал, что это искренняя молитва.

Казалось, что самолет ни за что не сможет набрать нужной высоты, чтобы перемахнуть барьер. Ти делал все, чтобы держать машину ровно, но разбалансировка влияла и на скорость. В последний момент Ти, похоже, плюнул на баланс и вложил все силы в тягу. Самолет оторвался от дороги, затем снова сел, шина опять взвизгнула по асфальту прежде, чем машина снова подпрыгнула.

Бизон зажмурился и задержал дыхание. Они неслись напрямик на барьер. Ти набрал достаточную скорость, чтобы избежать прямого столкновения, поскольку самолет нырнул вправо, и что-то внизу чиркнуло по барьеру. Теперь они были на ничейной полосе.

— Прости меня, Господи! — возопил Хаим, когда самолет швырнуло влево, затем он нырнул вниз и чуть не ударился о землю, когда Ти выжал все по полной.

Хвост, похоже, вело, и Бизон не понимал, как они вообще летят. Они мчались к роще, но, видимо, Ти понимал, что не сможет набрать нужную скорость, чтобы пройти над рощей хотя бы впритирку. Это был их единственный шанс подняться в воздух, и если им повезет, то «суперджет» помчится в ночь в направлении Греции. Насчет топлива и посадки с одной шиной Ти будет думать потом.

Бизон сидел, стиснув кулаки, зажмурившись, ожидая удара о деревья и крушения. Его прижало к спинке сиденья, голова отяжелела от ускорения — и тут самолет вырвался в небо. Он позволил себе открыть глаза и краем глаза увидел, что Хаим по-прежнему сидит, скорчившись, и что-то бормочет на иврите.

Бизон отстегнулся, но обнаружил, что до кабины ему придется добираться с трудом из-за ускорения и наклона машины.

— Ты это сделал, Ти!

— Но потерял все, что осталось от рваной шины, — ответил тот. — Сдается, мы вообще

без шасси остались. Я уж подумал, что сейчас грохнемся.

— И я тоже. Взлет был еще тот.

— У меня есть пара часов, чтобы придумать, как будем садиться, но я вообще предпочел бы убрать оставшееся колесо и сесть на брюхо.

— А машина-то выдержит?

— Небольшая — вполне может. В любом случае шанс пятьдесят на пятьдесят.

— И все?

Ти пожал Бизону руку.

— Все равно ведь на небесах увидимся.

— Не надо так говорить.

— Но я же от чистого сердца. Если бы я в это не верил, вернулся бы в МС.

Хаим вдруг заговорил. Бизон вздрогнул, осознав, что израильтянин стоит прямо у него за спиной.

— Видите, Кэмерон? Я был прав! Мне не надо было лететь! Теперь шанс выжить у нас — пятьдесят на пятьдесят, вам-то обоим хорошо, вы знаете, куда...

— Не могу сказать, чтобы мне было хорошо, Хаим, — ответил Бизон. — У меня жена и сын.

— А вы уже сдались, что ли? — усмехнулся Ти. — Я же сказал, что у нас шанс нормально приземлиться пятьдесят на пятьдесят, но и падение не всегда фатально.

— Спасибо на добром слове, — ответил Бизон и пошел к своему месту.

— Ты помолись за меня! — крикнул ему в спину Ти.

— Непременно, — ответил Бизон.

— И я тоже, — сказал Хаим. Бизон бросил на него взгляд. Вроде тот не шутил.

Когда Розенцвейг пристегнулся, Бизон наклонился к нему и похлопал его по колену:

— Не бойтесь смерти. Я не имею в виду сам процесс умирания, да, я тоже его боюсь, это больно. А мы можем сгореть. Я не хочу расставаться с семьей. Но вы правы — мы с Ти знаем, куда попадем.

У Хаима был ужасный вид, хуже, чем прошлым вечером. Он не рассчитывал на такое. После побега с праздника Хаим вел себя почти легкомысленно. Услышав о Иакове, его семье и Стефане, он готов был покончить с собой. Но теперь вид у него был просто могильный. Значит, в конце концов, он обычный человек. Несмотря на все разговоры о самоубийстве, он боялся умирать.

Бизон знал, что должен быть с Хаимом честен, как никогда.

— Возможно, этой ночью мы встретимся с Богом, Хаим, — начал было он, но Розенцвейг тут же скривился и отмахнулся от него:

— Не думайте, что я все эти годы был глух к вашим словам, Кэмерон. Большого вы мне все равно не расскажете.

— И вы по-прежнему отказываетесь?

— Я этого не сказал. Просто не надо вести меня за ручку.

Бизон не мог этому поверить. Хаим говорил так, словно собирался прийти к «этому» сам.

— Но все же у меня есть один вопрос, Кэмерон. Я знаю, что вы не считаете себя таким

же знатоком, как доктор Бен-Иегуда, но что вы думаете насчет того, как Бог рассматривает мотивы?

— Мотивы?

У Хаима был совершенно раздавленный вид, словно бы он хотел, чтобы Бизон понял его намеки без всяких объяснений. Он отвел взгляд, затем снова посмотрел на Бизона.

— Я знаю, что Бог есть, — сказал он, словно признаваясь в преступлении. — Слишком многое говорит за, чтобы отрицать это. Я не могу найти других объяснений пророчествам потому, что все они сбылись. Свидетельства о том, что Иисус есть Мессия, почти убедили меня, а я ведь никогда не ждал Мессию. Но если бы я сделал то, о чем вы с Ционом так долго умоляли меня, то должен признаться, это было бы сделано из ложного побуждения.

Бизону страстно хотелось, чтобы Цион сейчас был с ними — если бы, конечно, не вероятность разбиться насмерть через пару часов. Он хотел спросил Хаима о его мотивах, но понимал, что если прервет его, то все будет потеряно.

Хаим поджал губы и уронил голову на грудь. Когда он поднял взгляд, в глазах его стояли слезы. Он помотал головой и отвел глаза.

— Мне надо еще подумать, Кэмерон.

— Хаим, я и прежде умолял вас не бежать впереди телеги. Естественно, что сейчас у меня еще больше к этому оснований.

Внезапно Розенцвейг схватил Бизона за локоть.

— Вот в том-то и дело! Я напуган до смерти. Я не хочу умирать. Это я прежде думал, что хочу, поскольку за убийство я мог получить только смерть, даже если считал убийство этого человека лишь актом справедливости. Но я ведь обдумывал убийство много месяцев. Я планировал убийство, готовил оружие, я выполнил свой план. Я не питал к Николае Карпати ни жалости, ни приязни. Я уверовал, как и вы, что он есть само воплощение дьявола.

Это было не совсем так, но Бизон придержал язык. Верующие были убеждены, что Карпати — Антихрист, что он заслуживает смерти, но в то же время они знали, что, пока он снова не вернется к жизни, он не будет воплощением Сатаны. Заслуживает ли он возвращения к жизни или нет, это другой вопрос, но так было предсказано в пророчествах.

— Мне трудно понять, чем был я в планах Господа. Если верно, что Карпати — враг Господа и что он должен умереть от ранения холодным оружием в голову, то я чувствую себя Иудой.

«Иудой? Этот неверующий еврей знает и Новый Завет?»

— Да не смотрите на меня так, Кэмерон. Все знают, кто такой Иуда. Кто-то должен был предать Христа, и выбор пал на Иуду. Кто-то должен был убить Антихриста, и хотя я не могу сказать, что выбор пал на меня, я взялся за это дело. Скажем, это моя судьба. Хотя, возможно, Бог и хотел этого, но с моей

стороны это все равно преступление. И посмотрите, чего мне это уже стоило! Моей свободы. Моего душевного спокойствия — должен признаться, я уже забыл, что это такое. Моих любимых людей. Кэмерон, примет ли меня Бог, если мои мотивы эгоистичны?

Бизон отвернулся к окну. Тусклые, редкие огни Израиля быстро растворялись в ночи.

— Мы все приходим к вере в какой-то степени из эгоистических побуждений, Хаим. А как иначе? Мы хотим, чтобы нас простили. Мы хотим, чтобы нас приняли, взяли к себе. Мы хотим попасть на небо, а не в ад. Мы хотим встретить смерть, зная, что будет дальше. Я был эгоистичен. Я не хотел встречаться с Антихристом, не имея защиты от Бога

— Но, Кэмерон, я просто боялся смерти! Я чувствую себя трусом. Я сделал то, что, по мнению многих, требует отваги и даже силы духа. Поначалу я гордился этим. Теперь я понимаю, что Бог мог бы использовать для этого дела любого. Он мог сделать так, чтобы какой-нибудь предмет пробил череп Карпати во время землетрясения. Он мог направить руку политического противника или какого-нибудь безумца. Может, так оно и было! Отчасти это была какая-то мания, особенно когда я доводил клинок до совершенства. Но у меня были причины, Кэмерон. Я ненавидел этого человека. Я ненавидел его ложь, нарушение обещания, данного моей стране. Я даже ненавидел то, что он сделал с верующими евреями и их новым Храмом, хотя и не считаю себя верующим.

Мне нет прощения! Я виновен. Я грешен. Я погиб. Я не хочу умирать. Я не хочу в ад. Но я боюсь, что Он отвергнет меня, поскольку я упустил слишком много возможностей, так долго сопротивлялся, поскольку я видел те самые суды Господни — и остался холоден. И если я теперь приползу к Богу, хныча, как дитя, посмотрит ли Он на меня? Не сочтет ли Он меня маленьким мальчиком, который испугался волка? Поймет ли Он, что я просто человек, у которого некогда была чудесная жизнь, который наслаждался тем, что теперь, как я вижу, было дарами Господа, — творческий разум, богатый дом, чудесная семья, лучшие в мире друзья — и который теперь стал сумасшедшим старым дураком?

Кэмерон, я знаю — все, что вы, Цион и ваши дорогие друзья мне рассказали, — правда. Я уверен, что Бог любит меня, заботится обо мне, хочет простить меня и принять, но моя собственная совесть не позволяет мне принять это.

Бизон молился в душе так страстно, как никогда прежде.

— Хаим, если вы скажете Богу то же, что и мне, вы поймете всю бездну Его всепрощения.

— Но, Кэмерон, ведь я сделаю все это из страха! Я просто боюсь погибнуть в этом полете! Вот и все! Вы понимаете?

Бизон кивнул. Он понимал, но знал ли он ответ на вопрос Хаима? Люди в течение многих веков по разным причинам приходили к Богу, и страх был самой главной из

них. Брюс Барнс говорил, что люди иногда обращались к Христу словно за страховкой против пожара — чтобы не попасть в ад — и только потом осознавали все блага, которые прилагались к страховому полису.

— Вы сами сказали, что я не считаю себя знатоком, — сказал Бизон, — но вы также сказали, что осознаете свою греховность. Вот настоящая причина, по которой мы нуждаемся в Иисусе. Не будь вы грешником, вы были бы совершенны, и вам не надо было бы заботиться о прощении и спасении.

— Но я знаю, что прежде был грешником и мне было все равно!

— Но ведь вы и не смотрели в лицо смерти. Вы не думали, что можете оказаться в аду. Розенцвейг потерял руки.

— Я хотел было это сделать, когда на нас напала саранча. Я знал, что в Библии это предсказано, но также понимал, что если стану верующим, моего выздоровления это не ускорит. Вы сами мне это сказали. Тогда моим единственным мотивом стала бы жажда облегчения страданий, чего я и сейчас боюсь. Разум диктует — ждать и посмотреть, переживем ли мы посадку, или крушение, или что там еще нас ждет. Если передо мной не будет стоять страх неминуемой смерти, то меня не будут так терзать собственные мотивы.

— Другим словами, — сказал Бизон, — Господи, вытщи меня, и я уверую?

Хаим покачал головой:

— Нет, я не пытаюсь добиться сделки с Богом. Он ничего мне не должен, Он ниче-

го не должен делать, чтобы убедить меня. Я просто хочу быть честным. Если бы я мог прийти к тому же заключению при нормальной посадке с нормальными шасси, то мне не следует сейчас хвататься за соломинку.

Бизон склонил голову набок.

— Друг мой, хвататься за соломинку — лучше я и не мог бы описать ваше состояние. Мой вопрос — почему вы чувствуете себя сейчас в большей опасности, чем на земле или в случае, если бы мы успешно приземлились?

Хаим поднял голову и закрыл глаза.

— Не чувствую. Мировое Сообщество уже объявило о моей гибели, так что прикончат меня на месте. Вот потому-то я и рванул к этому самолету. И не мне вам рассказывать обо всех опасностях жизни изгнанника.

— Но какой бы мотив у вас ни был, он останется при вас, если мы выживем. Ничего не переменится.

— Возможно, у меня исчезнет ощущение срочности, — ответил Розенцвейг. — Исчезнет чувство неотвратимости.

— Но вы этого не знаете. Возможно, придется поливать пеной посадочную полосу, подгонять «скорую», все такое. Вы не сможете спрятаться под одеялом или притвориться заразным, когда мы покинем самолет. И вы не сможете отсидеться в уборной, пока все не кончится. Вы будете все так же беззащитны, удачно мы сядем или нет.

Хаим поднял руку и медленно прикрыл глаза.

— Дайте мне минуту, — сказал он. — У меня много вопросов, но оставьте меня одного на время.

Бизон меньше всего хотел этого сейчас, но и давить на Хаима он не желал. Он снова сел, изумляясь тому, как гладко проходит полет, который может закончиться в вечности.

* * *

Кенни Брюс после обеда спал долго, и потому Цион с нетерпением дожидался этих часов. Он любил мальчика, в последние четырнадцать месяцев он доставлял ему много радости даже в их тесном убежище. Это был добродушный, нормальный ребенок, и Циону нравилось поддразнивать его и играть с ним.

Кенни мог и утомить, особенно того, кто уже лет двенадцать не возился с малышами. Циону самому надо было поспать, хотя он по-прежнему не хотел упустить ничего из того, что происходит в Новом Вавилоне.

— Мама? — уже десятый раз спрашивал Кенни. Он не волновался. Просто ему было любопытно. Она обычно не уходила никуда.

— Бай-бай, — сказал Цион. — Мама скоро будет дома. Спатеньки?

Кенни покачал головой, хотя уже и тер кулачками закрывающиеся глаза. Он зевнул и сел, обнимая игрушку, но скоро утратил к ней интерес. Он лег на спину, раскинув ножки по полу и согнув их в коленях. Глядя

в потолок, он зевнул, повернулся на бочок и скоро затих. Цион отнес его в манеж, чтобы он не испугался, если проснется раньше Циона. Там ему будет чем развлечься.

Цион снова устроился перед телевизором и подогнул ноги. Под землей было прохладно, потому он завернулся в одеяло. Он попытался сосредоточиться на картинке с видеокамеры канала Си-эн-эн, направленной на прозрачный саркофаг и бесконечную череду скорбящих со всего света.

Зная, что среди них находятся Давид Хасид и его подруга Энни Кристофер и еще бог весть сколько верующих, он начал про себя читать молитвы. Когда он прикрыл глаза, чтобы помолиться за своих товарищей и за свою миллиардную виртуальную паству, он понял, что клюет носом и что сознание его отключается.

Он посмотрел на цифровые часы на видеоплее наверху телевизора. Он поставил его на запись на случай, если все же заснет и не проснется ко времени события. Когда он снова лег и попытался молиться, прекрасно понимая, что уснет, он четко запомнил, что на часах было 12:57.

Цион начал с молитвы за Хлою, Лию и Рэйфорда, которым, как он знал, сейчас молитва была нужна, как никогда. Затем за Ти, друга Рэйфорда, который сейчас находился неведомо где. Затем за Кэмерона, который всегда был в центре каких-нибудь событий. Затем его мысли обратились к его старому другу профессору доктору Розенцвейгу, и

тут он ощутил какую-то тревогу, как в тот момент, когда он пытался мысленно связаться с Рэйфордом.

Возможно, это галлюцинация от усталости? Но так реально, так ошарашивающе. Он заставил себя открыть глаза. На часах по-прежнему было 12:57, но ощущение было такое, будто он заснул на мгновение. Но когда он снова опустил веки, он все равно продолжал все видеть ясно как днем. Их холодная и сырая комната, немногочисленная мебель, так и стоит как стояла Кенни мирно спит в манеже, закутанный в одеяло.

Цион теперь смотрел на все словно бы сверху. Он видел себя, спящего на диване. Он слышал об опыте выхода из тела, но с ним никогда такого не случалось, он даже не мечтал о таком. Но это не казалось сном, да и не ощущалось так. Он был невесом, он поднимался все выше, так что в какой-то момент подумал: не стукнется ли он головой о брус потолка и будет ли это больно? Будет ли больно бредящему, молящемуся, лишенному сна человеку? Он не знал, что сейчас с ним происходит, но, несмотря на свою невероятную легкость, он находился в полном сознании. Хотя и понимал, что грезит, он никогда настолько не был уверен в своих чувствах. Он видел все четко и ощущал все — от температуры до сквозняка, шевелящего волоски на его руках, когда он поднимался вверх. Он слышал каждый звук в доме — от дыхания Кенни до урчания холодильника, мимо которого он поднимался вверх.

Да, он пролетел сквозь пол первого этажа, но по-прежнему видел Кенни, потому не беспокоился и не ощущал вины за то, что покидает его, поскольку и себя видел — он по-прежнему лежал на диване и понимал, что вернется сразу же, как он понадобится Кенни.

Осенний воздух был прохладен, но все же Цион был рад, что он без пиджака. Это, конечно, доставляло некий дискомфорт, но зато все ощущения были так отчетливы... ощущения, цвета, звуки — шелест ветра в мертвых листьях деревьев. Он даже слышал запах палой листвы на земле. Больше листья не сжигали. Теперь никто не занимался обычными делами. Теперь жизнь означала выживание, на мелочи никто не разменивался. Если дело не приносило хлеба насущного или не давало крыши над головой, никто за него не брался.

Цион инстинктивно раскинул руки, словно по-прежнему находился в своем теле, которое сейчас спало под землей. Но дом, полуразрушенный Маунт-Проспект, северо-западные пригороды, перекрученные ленты прежних дорог, весь район Чикаго превратились под ним в мелкие письма.

Не замерзнет ли он? Не задохнется ли без кислорода? Как может быть, что он так далеко от дома и смотрит на голубой земной шар, напоминающий ему потрясающе красивые снимки Земли с поверхности Луны? День превратился в ночь, но Земля по-прежнему светилась. Ему казалось, что он находится в

глубине космоса, может, даже на Луне. Он и правда на Луне? Он обернулся — и увидел только звезды и галактики. Он подался было к Земле, поскольку она уменьшалась слишком быстро. Странно, но хотя больше он не видел убежища под Маунт-Проспект, он ощущал, что они с Кени до сих пор мирно спят там.

Вскоре он увидел планеты. Он уплывал все дальше от всего, что было ему знакомо. Как быстро он может двигаться? Такой вопрос казался приземленным, неуместным. Вопрос был в другом — где он и куда летит? И сколько это будет продолжаться?

Все это было так странно и чудесно, что на мгновение Цион задумался — не умер ли он? Может, он летит на небеса? Он никогда не думал, что небеса находятся в том же самом физическом пространстве, что и вселенная. На ракете человек туда не доберется. И все же никогда он настолько четко не ощущал себя живым. Он не умер. Он был где-то внутри собственного разума, в этом он был уверен.

На какое-то мгновение Цион завис посреди пространства и вдруг снова начал ускоряться. Он несся сквозь бескрайнюю вселенную с ее бесчисленными галактиками и солнечными системами. Единственным звуком было его собственное дыхание, и, к его изумлению, оно было ритмичным и глубоким, словно он спал.

Но как такой крохотный разум может вмещать такую беспредельность? И тут,

словно по щелчку выключателя, тьма сменилась ослепительным светом, озарив всю бездонную тьму пространства. Как исчезают звезды в сиянии Солнца, так исчезло все, что Цион миновал по пути сюда. Он парил без движения в беззвучной невесомости, охваченный предвкушением.

Свет, подобный магниевой вспышке, слишком яркий, чтобы давать тень, лился откуда-то сверху и сзади от него. Несмотря на чувство восторга и ожидания, он боялся обернуться к нему. Если это физическое присутствие Духа Святого, то разве он не погибнет, посмотрев на него? Если это сам Бог, то как он сможет увидеть лик Его и не умереть?

Но свет манил его, свет желал, чтобы Цион обернулся.

И он обернулся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рэйфорд подъехал как можно ближе к границе Чикаго, остановившись на восстановленной окружной дороге, вдоль которой по всей длине стояли предупреждающие знаки, запрещающие движение за пределами северной ее части. Патрульные машины Мирового Сообщества не наблюдали за одиночным движением на дороге, и Рэйфорд стал искать поворот, чтобы съехать с дороги и попасть в город.

Продираясь сквозь лес заповедника по тряским пыльным ухабам среди бела дня, он ощущал себя таким незащищенным и открытым чужим взглядам, как давно не бывало. Однако хвоста за собой он не заметил. Он припарковал «лендровер» под бывшей станцией надземной железной дороги. Они с Хлоей и Лией спрятались в тени. На Рэйфорда навалилась усталость, подобная той, что

предшествовала его чудесному сну в Греции.

— Это все я виновата, — сказала Хлоя. — Я была слишком нетерпелива и самонадеянна. Мы никак не сможем войти в Чикаго до ночи. И сколько же нам потом шагать? Все двадцать миль до небоскреба Стронга? Это же сколько часов...

Лия шевельнулась на своем сиденье.

— Если ты думаешь, что кто-то станет тебя переубеждать, то уж точно не я. Я не хочу придираяться, но нам придется просидеть здесь до темноты. Потом придется топтать часов пять, чтобы осмотреть наше будущее убежище.

Хлоя покачала головой.

— Никуда мы не пойдём, — сказал Рэйфорд. — Я знаю этот город как свои пять пальцев. Когда стемнеет, мы поедем, не включая фар. Эмэсовцы не пускают сюда людей не просто так. Они действительно уверены, что зона заражена. Если нам придется порой включать фары, чтобы не провалиться в какую-нибудь дыру и нас заметят с какого-нибудь патрульного самолета или если нас засечет какой-нибудь детектор, в самом худшем случае нам просто прикажут убираться отсюда. Следом за нами они сюда не сунутся.

— Нет, папа, — сказала Хлоя. — В худшем случае нас заставят отсюда убраться и на выходе узнают, кто ты такой.

— Сначала они будут держаться подальше и проверять уровень радиации.

— А когда они ничего не обнаружат, весь наш план пойдет прахом.

— В нынешние дни и так хватает плохого, чтобы еще и думать о самом дурном исходе, — сказал Рэйфорд. — Давайте думать о хорошем. Хватит и того, что скоро мне придется сообщить Бизону о его семье.

— Давай это сделаю я, папа.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Когда он позвонит, дай мне с ним поговорить.

Но когда Бизон позвонил, стало понятно, что сейчас слишком неподходящий момент. Рэйфорд видел, что Хлоя готова была расколотить телефон.

— Спасибо, милый, — произнесла она. — Хорошо, что сказал нам. Мы будем молиться. Я тоже тебя люблю, и Кенни тебя любит. Перезвони мне, как сможешь. Пообещай, что перезвонишь.

Хлоя закончила разговор и быстро сообщила новости Рэйфорду и Лии.

— Значит, вот где был Ти, — заявил Рэйфорд. — Бизон молодец. Мы должны прямо сейчас за них помолиться.

— Особенно за Хаима, — сказала Хлоя. — Он почти готов.

— Садиться с одним колесом рискованно, — заверил Рэйфорд, — но это возможно. Боюсь, правда, что Ти впервые летит на «суперджет».

— Какой, по вашему мнению, у них шанс? — спросила Лия, и тут же пожалела, сообразив, что Хлоя может потерять своего мужа в течение двенадцати минут.

— Нет, я тоже хочу знать, — сказала Хлоя. — Правда, папа, какой у них шанс?

Рэйфорд замаялся, но не видел смысла давать Хлое пустые надежды.

— Примерно один к двум, — ответил он.

* * *

Хаим позвал Бизона, который сейчас находился вместе с Ти в кабине. Бизон вернулся и опустился на колени рядом с сиденьем Хаима.

— Еще один вопрос, — сказал Розенцвейг. — Смею ли я испытывать Господа?

— Как?

— Сказать Ему, что я хочу уверовать, отдать Ему то, что осталось от моей жизни, и хочу увидеть, примет ли Он меня, несмотря на мои эгоистические мотивы.

— Я не могу отвечать за Бога, — ответил Бизон. — Но мне кажется, что если вы будете искренни, Он выполнит то, что обещает. Вы уже знаете, что это более чем вера, поскольку уже уверовали. Библия говорит, что даже демоны веруют и трепещут. Это решение, убежденность и желание принять Бога.

— Я понимаю.

— Нам осталось до приземления пятнадцать минут, Хаим, с учетом захода на посадку и навигации диспетчера. Не тяните.

— Но вы же понимаете, — сказал Хаим, — что это только осложняет мою проблему. Я не хочу броситься в объятия Бога лишь

потому, что мое время на исходе. Может, я даже еще хуже.

— Пусть Бог решает, — ответил Бизон.

Хаим с несчастным видом кивнул. Бизон не завидовал ему. Ему приходилось решать, а времени почти не оставалось. В первую очередь Бизон, конечно, думал о Хлое и Кенни. Даже если бы он точно знал, что он еще увидит их в течение оставшихся трех с половиной лет, он все равно отчаянно жаждал бы не расставаться с ними.

Он направился к своему креслу рядом с Ти.

— Я решил садиться в аэропорту к югу от Птолемаиды, в Козани. Я думаю, что у меня больше шансов сесть на брюхо, чем пытаться приземлиться с одним колесом. Я не знаю, насколько оно надежно и насколько я хороший пилот. Если я не сяду точно, как механизм, то нас подбросит — и конец. А если я сяду на брюхо, то смогу идти на минимальной скорости и надеяться на лучшее.

— Ты надеешься сесть гладко. Да?

— Еще бы.

— Ты хочешь пройти на малой высоте и посмотреть, не смогут ли они сказать, что у тебя с колесами?

Ти показал на показатель уровня топлива.

— Еще бы.

— О, так это хорошо!

— Что? — сказал Ти.

— Если мы упадем, то не сгорим.

— Если мы упадем, Бизон, ты сам захочешь сгореть. Даже лучше испариться на месте.

* * *

Цион ощущал такое душевное спокойствие, что желал, чтобы такое ощущение длилось и длилось хоть во сне, хоть наяву. Он понимал, что должен страшиться повернуться к свету, но сам свет призывал его.

Он не шевелился — как в воде или вакууме. Ему и не надо было двигаться. Ему нужно было только захотеть обернуться — и он обернулся. Поначалу Циону казалось, что он смотрит в бездонную пропасть, единственную темную точку в стене ослепительно-белого цвета. Но когда он попятился от изображения, настолько реального, что он мог бы коснуться его, возникли другие точки рельефа. Когда глаза его привыкли к свету, он оказался достаточно далеко, чтобы увидеть лицо. Казалось, что он висит между носом и щекой какого-то небесного изображения на Маунт-Рашмор¹.

Но это изваяние не было высечено из камня или сделано из плоти и крови. Огромное, яркое, в то же время прозрачное. Циону захотелось пройти сквозь него. Лицо вроде бы должно было путать его, но Циону не было страшно, ему захотелось увидеть все. Если это голова, то каково же тело? Он отдалился еще сильнее и увидел, что лицо обрамлено волосами, подобными траве прерий.

¹ Маунт-Рашмор — мемориал в Южной Дакоте. Скала, на которой высечены рельефные изображения четырех президентов США.

Лицо было ласковым, но не мягким, полным любви, но уверенным и строгим.

Цион не сомневался, что это изображение возникло в его собственном сознании, но в то же самое время это было самым ошеломляющим опытом в его жизни. Лицо горело перед глазами его разума, и он был уверен, что никогда не забудет его и не испытает более ничего подобного в жизни.

Голос почти не слушался его, но он все же сумел хрипло проговорить:

— Ты — Иисус Христос?

Гул, смех, земной смех?

— Нет, — слышался ласковый голос. Он исходил со всех сторон, обнимая его, но не оглушая до потери сознания, хотя и исходил из таких огромных уст. — Нет, сын земли, я лишь один из Его князей.

Цион отдалился еще сильнее, чтобы охватить взглядом прекрасное небесное существо.

— Гавриил? — прошептал он.

— Мы с Гавриилом братья, дитя. Он провозглашает, я веду небесное воинство.

Цион вдруг увидел огромный меч, длинный, как Иордан, и броню, огромную, как Синай.

— Ты Михаил! Князь, который защитит мой народ, избранных Господом!

— Ты сказал.

— Князь Господень, я мертв?

— Твое время еще не пришло.

— Могу ли я еще спросить?

— Можешь, хотя я предпочитаю праведную войну беседе. Гавриил возвещает, а я сражаюсь.

— Я спрашиваю из себялюбия. Доживу ли я до Явления во Славе?

— Людям суждено умирать, но...

— Но умру ли я прежде, чем...

— Тебе не дано этого знать, сотворенный. Это не связано с твоим долгом служить Господу.

Циону хотелось преклониться пред этим существом и истиной его слов. Он поверить не мог, что посмел перебить архангела Михаила, одного из ангелов, чьи имена упомянуты в Писании.

— Но почему я здесь, раз я не мертв?

— Ты должен многому научиться, пастырь.

— Узнаю ли я, кто есть Антихрист, враг Божий?

Михаил словно бы окаменел, если, конечно, такое возможно для ангела. Как будто одно упоминание об Антихристе воспламенило его жаждой боя. Он снова заговорил:

— Антихрист будет открыт в должное время.

— Но, господин, — чувствуя себя сущим ребенком, проговорил Цион, — разве это время еще не настало?

— Мы меряем прошлое, настоящее и будущее не так, как ты, сын земли. Должное время есть должное время, и благоразумный и наблюдательный увидит все ясно.

— Но мы точно узнаем, кто такой... враг?

— Так я сказал.

— Научи меня всему, что я должен знать, великий князь, который бдит за сынами Авраама, Исаака и Иакова.

— Храни молчание, — сказал ангел, — наблюдай и внимай истине битвы в небесах. После того как Господь призвал к Себе праведных — живых и мертвых, — враг борется с воинством небес за души оставшихся людей. Враг, этот древний змий, с изначальных времен имел доступ к престолу Всевышнего — до нынешнего, предназначенного часа.

Что он говорит? Что Цион станет свидетелем отлучения Сатаны от престола, пред которым тысячи лет он имел власть обвинять детей Божиих? Цион хотел было спросить, чем он заслужил такую великую честь, но Михаил поднес палец к губам и поманил Циона, чтобы тот последовал вслед за ним в тронную залу. Цион немедленно простерся ниц посреди бескрайней вселенной. Он увидел только фигуру — выше, ярче и прекраснее самого Михаила.

Цион закрыл глаза.

— Это Агнец Божий, который снял грехи с этого мира?

— Молчание, сын земли. Это не Сын и не Отец, коих ты не узришь, доколе не настанет час твоей смерти. Пред тобою ангел света, прекрасная звезда, великий обманщик, твой враг Люцифер.

Цион вздрогнул, сжался, но не мог ответить взглядом.

— Это сейчас происходит? — спросил он.

— Вечность, прошлое, будущее и настоящее — все здесь, — сказал Михаил. — Слушай и запоминай.

Внезапно Цион услышал, как прекрасный ангел излагает свою просьбу перед троном, который находился вне пределов зрения Циона.

— Твои так называемые дети недостойны тебя, царь небесный, — слышался обволакивающий медовый голос вечного обвинителя. — Отдай их мне, тому, который сможет использовать их на благо. Даже хотя они и призваны Твоим именем, их природа смердит от сиюминутных желаний. Позволь мне окружить себя врагами Твоими, и я создам из них войско, которому не будет равных среди всех когда-либо созданных Тобой.

С престола слышался голос, полный такой мощи и власти, что даже само слово «громкость» теряло смысл.

— Ты не коснешься тех, кто любим Мною!

— Но с ними я возведу престол выше Твоего!

— Нет!

— На службе Тебе они слабы и бесполезны!

— Нет!

— Я смогу сохранить этих безнадежных ничтожных тварей.

— Не сможешь.

— Я молю Тебя, владыка земли и неба...

— Нет.

— Даруй мне это, или я...

— Нет.

— Я...

— Нет.

— Я уничтожу их и одолею Тебя! Мое имя станет превыше всех прочих имен!

Я воссяду превыше небес и стану выше всех богов! Это во мне не будет изменения и ни тени перемены!¹

Внезапно справа от себя Цион увидел вспышку — это сверкнули глаза архангела Михаила, и тот заговорил страстно и пламенно.

— Господь, Отец Всемогущий! — воскликнул он, заставив Злобного обернуться и посмотреть на него с досадой и гневом. — Не допусти более кощунства в чертогах небесных! Позволь мне сокрушить его и вышвырнуть прочь!

Но Михаил, похоже, не услышал и не дождался дозволения Бога. Люцифер презрительно посмотрел на Михаила, хмыкнул и рассмеялся. Он снова повернулся к трону.

— Михаил, твой хозяин не поручит тебе невыполнимой задачи! Я знаю, что прав в отношении этих детей Божиих. В конце концов, Он отдаст их мне. А ты дурак, слабый дурак, ты не выступишь против меня! Ты проиграешь. А я одержу победу! Я взойду...

Но пока Цион смотрел и слушал, голос Люцифера вдруг начал меняться. Он сделался высоким и пронзительным, да и сам его облик становился иным. Пока он сквернословил, молил, грозил и кощунствовал, голос, исходящий от престола продолжал отвечать ему — «нет». Сверкающие одежды падшего ангела утратили блеск, лицо его превратилось в ужасающую чешуйчатую морду, одеяния спали с его тела,

¹ Псалтирь Иакова, 1 17 Сатана таким образом утверждает, что он в глазах людей станет Богом

открыв скользкое, свивающееся кольцами змеиное тело. Глаза его глубоко запали и речь превратилась в шипение, а потом в рев.

Его руки и ноги исчезли, а пальцы превратились в огромные роговые отростки. Он упал на четвереньки. Слова его вырывались из пасти пламенем, и он корчился перед престолом с такой яростью, что Цион обрадовался, что между ним и драконом стоит Михаил.

На голове зверя выросли рога, засверкала корона, и внезапно вся тварь стала огненно-красной. Цион в ужасе смотрел, как еще шесть голов, увенчанных коронами, выросли на его плечах и как десять рогов появились на головах твари. Он становился громаднее с каждым шагом, сотрясаясь от ярости и угрожая престолу и Тому, Кто восседал на нем.

И голос с престола снова ответил:

— Нет.

Со страшным ревом, топая лапами, потрясая головами, дракон угрожающе поднялся, словно хотел наброситься на трон. Михаил преградил ему путь, и голос снова сказал:

— Нет.

Михаил повернулся к Циону.

— Смотри же, — сказал он, показывая куда-то за спину Циону.

Цион обернулся и увидел женщину в одеяниях, сверкавших, словно солнце. Если сияние Михаила почти ослепляло его, а Люцифер полыхал еще ярче, женщина... женщина словно была облачена в солнечный свет. Она, казалось, стояла на Луне, и на челе ее был венец из двенадцати звезд.

Цион не мог оторвать от нее взгляда, ощущая какое-то непреодолимое родство с этой женщиной. Он хотел спросить Михаила, кто это. Мария? Израиль? Церковь? Но он не мог говорить, не мог отвернуться. Он осознавал, что у него за спиной гигантский семиглавый дракон, но между ним и угрозой стоял Михаил.

Женщина была беременна, у нее было круглое, облаченное в солнце чрево. Она повернулась и вскричала в родовых муках. Лицо ее исказилось, ее тело содрогнулось, она обняла свой живот, словно готовясь вот-вот родить, и тут дракон сорвался с места, проскочил мимо Циона и Михаила и бросился к женщине. Его огромный хвост смел с неба треть звезд, и они пали на землю. И теперь он был готов броситься на роженицу. Семь пастей распахнулись, истекая слюной, семь языков жадно дрожали. Дракон был готов сожрать ребенка, как только тот родится на свет.

Она родила мальчика, который был отдан Богу. Дракон смотрел в ярости, как младенца передавали к трону, а когда он повернулся к женщине, она уже скрылась. Дракон поднялся, готовый броситься в погоню, и архангел Михаил сказал Циону:

— Смотри же!

Цион обернулся и увидел, как архангел обеими могучими руками выхватывает из ножен золотой меч и взмахивает им над головой. И тут же за ним встало небесное воинство воителей-ангелов, а за драконом встало войско его собственных ангелов.

У Циона было столько вопросов — но Михаил возглавил войско, двинувшееся на дракона. Возможно, Гавриил-вестник где-то здесь? Но когда Цион спросил:

— Кто эта женщина? — слова его прозвучали глухо, и пространство сомкнулось вокруг него. — Кто эта женщина? — повторил он и проснулся от собственных слов.

Он сел. Одежда сползло с него. На экране телевизора по-прежнему медленно продвигалась мимо саркофага вереница скорбящих, освещенная неестественным светом прожекторов. Цион встал и заглянул в манежик, где спал Кенни. Он снова сел и уставился на видеоплеер, не веря глазам своим. Часы показывали 12:59.

* * *

Какое-то движение в салоне привлекло внимание Бизона. В темноте он увидел, как Хаим отстегнул пояс и неуклюже опустился на колени в проходе между сиденьями, опершись локтями на подлокотники. Бизон коснулся руки Ти и кивком указал на Хаима. Ти глянул на Бизона, который поднял оба кулака и склонил голову. Он повернулся в пол оборота, чтобы хоть вполуха слышать, что происходит в салоне. Человек, который был так дорог ему и так упрям, опустился, наконец, на колени.

— О Господи, — начал Хаим, — я никогда прежде не молился, зная, что Ты действи-

тельно слышишь меня. Теперь я знаю, что Ты здесь и Ты хочешь принять меня к Себе, а я и не знаю, что сказать. — Он заплакал. — Прости, что я пришел к Тебе только из-за страха за свою жизнь. Только Ты один знаешь всю правду обо мне, искренен я или нет. Ты лучше знаешь меня, чем я сам. Я знаю, что я грешник, я хочу, чтобы Ты простил мне все мои грехи, даже убийство — несмотря на то, что убитый был Твоим самым большим врагом. Спасибо Тебе за то, что Ты взял на себя мои грехи. Прости меня и прими в царствие Твое. Я хочу отдать Тебе всего меня до конца дней моих. Скажи, что мне делать. Аминь.

Бизон посмотрел на все еще коленопреклоненного Хаима, который стоял, опустив голову на руки.

— Кэмерон? — позвал он сдавленным голосом.

— Да, Хаим?

— Я молился, но мне все равно страшно!

— Мне тоже.

— Да и мне тоже! — отозвался Ти.

— Вы испытывали Бога? — сказал Бизон.

— Да. Но его решения я не узнаю, пока мы не разобьемся и я не очнусь на небесах или в аду.

— О, но Библия говорит, что мы можем это знать.

— Да?

— Там говорится, что Дух Его свидетельствует вместе с нашим духом, что мы — дети Божьи. А что говорит ваш дух?

— Мой дух говорит, что надо приземляться поосторожнее.

Бизон невольно рассмеялся.

— Хаим, мы можем узнать это заранее.
Хотите узнать?

— Всем сердцем.

— Ти, включи свет в салоне.

* * *

Давид снова стоял на наблюдательной вышке, глядя на скорбящих. До полуночи оставалось пара часов, воздух был свеж, так что за толпу можно было не беспокоиться. А вот на завтра обещали под сорок градусов, так что это создавало проблемы и медицинские, и психологические. Погребение было назначено на полдень, но Давид не представлял, как эта толпа сможет так быстро пройти мимо саркофага.

Сверху ему было видно, как заканчивается обработка гигантской пустой, черной, железно-бронзовой статуи покойного потентата, отлитой по посмертному слепку тела. Гай Блод разрывался на части, наблюдая за пайкой последних швов и установкой статуи. Гай лично поднимется на леса и сделает шлифовку и полировку. Он планировал, что рабочие выставят законченную статую возле саркофага где-то незадолго до рассвета.

Фортунато со своими прихвостнями периодически совершал обход. В руках у него были сложенные листки бумаги, на которых он делал какие-то пометки. Он со свитой посетил и место доводки статуи, где Гай на некоторое время оторвался от работы, чтобы,

отчаянно жестикулируя, обратить внимание верховного командующего на все совершенства статуи и принять от него похвалы.

Команда Фортунато приблизилась к середине очереди, где многие стояли уже много часов. Люди кланялись, падали на колени и целовали ему руки. Он поднимал их и указывал на саркофаг, и они вставали, кивая и оживленно жестикулируя.

Леон проверил навесы и трибуны различных представительств. До рассвета они не будут открыты. Когда он подошел к трибуне, на которой стоял Давид, случилось то, чего тот и опасался.

— Кто-нибудь видел директора Хассида? — сказал Леон.

Его люди качали головами. Кто-то из-под навеса сказал:

— Он наверху, командующий.

— С кем?

— Думаю, один.

— Господа, подождите меня, хорошо?

Фортунато взобрался наверх по ступеням, и Давид ощутил, как закачалось все сооружение. Давид сделал вид, словно никого не ждал и не слышал ничьего приближения.

— Директор Хассид? — позвал его Фортунато.

Давид обернулся.

— Командующий?

— Не хотите ли присоединиться к нашему маленькому обществу? Мы обходим и приветствуем посетителей.

— Нет, спасибо. День предстоит долгий. Я хотел бы поспать немного...

— Понимаю, — сказал Леон, вытаскивая листочки из кармана. — Не поможете ли мне?

— Конечно.

— Меня тут кое-кто из Рима донимает насчет заупокойной службы по верховному понтифику. Помните такого?

Леон спрашивал серьезно, словно Давид не помнил главу Единой всемирной церкви, который умер на прошлой неделе.

— Конечно, — ответил Давид.

— Ну, сдается, большинство людей о нем совсем забыли, и я намерен так все это и оставить.

— В смысле, заупокойной службы не проводить?

— Вы согласны? — спросил Фортунато.

— Я просто спросил.

— Что же, я согласен с вами — вероятно, нам не надо проводить заупокойную службу.

Конечно, Давид такого не говорил, но спорить не было смысла. Похоже, Фортунато внушал одни и те же мысли всем в своем окружении и заставлял их говорить то, что желал, а потом «прислушивался» к советам своей свиты.

— Мне хотелось бы, чтобы духовная жизнь для пользы дела была отныне сосредоточена в Новом Вавилоне. Мне кажется, что это гораздо более подходящее место для выражения личной веры, чем то, которое предоставляла нам прежняя смесь религий.

— Но мне казалось, что всем понравилась идея слияния всех религий, командующий.

— Да, но поскольку все больше находится свидетельств тому, что потентат Карпати

достойн титула святого, да и если еще учесть вероятность того, что он сам божество, мне кажется, что это очень подходящее место для почитания — и даже поклонения — нашего погибшего вождя. Что вы скажете?

— Я скажу, что на все ваша воля.

— Спасибо, Давид. Вы очень способный и преданный сотрудник. Я хочу, чтобы вы знали — вы можете рассчитывать на высокий пост в моей администрации.

— Вашей администрации?

— Но ведь вы не видите другого кандидата на пост верховного потентата?

Давида так и тянуло сказать, кто скоро станет настоящим потентатом.

— Нет, не вижу.

— Я спрашиваю потому, что если вы знаете более достойного человека — назовите его. Мои люди бдительно присматривают за этими царями-бунтовщиками, и мне кажется, что Литвала как-то очень истощен и худ¹. Вы знаете, откуда эта цитата, Хассид?

— Да, Шекспир, «Юлий Цезарь».

— Вы начитанный человек. Так какой пост вас удовлетворил бы?

— Я вполне доволен нынешним, сэра.

— Правда?

— Да.

— Ладно. А что бы вы сказали, если бы получили существенное повышение и титул, скажем, особого помощника верховного потентата?

¹ Продолжение фразы: «Опасны / Такие люди...» (пер. П. Козлова).

Давид понимал, что вскоре все это будет пустым звуком.

— Я был бы не против, — сказал он.

— Не против! — рассмеялся Фортунато. — Мне это нравится! Просмотрите список людей, которые хотели бы сказать пару слов на завтрашней церемонии погребения. — Он выругался. — Самовлюбленные чертovy дети!

«Рыбак рыбака видит издалека», — подумал Давид.

— Вы не хотели бы сказать пару слов?

— Нет.

— Я мог бы выкроить для вас пару минут.

— Нет, спасибо.

— Вам неплохо было бы показаться людям заранее.

— Да нет, не надо.

— Значит, пойдете отдохнуть, а?

— Да, сэр.

— И когда вернетесь?

— Думаю, к рассвету.

— Хмм...

— Какие-то проблемы, сэр?

— Я искал человека нашего круга, который был бы здесь к моменту установки статуи.

— Блод же министр?

— Да, но вы же сами понимаете...

Давид не понимал, но все же кивнул.

— Вы не могли бы присутствовать там, Давид?

— Как скажете, сэр.

— Молодец!

Бизон пошел было в кабину, когда Хаим встал и повернулся в его сторону. Вид у него был опустошенный, на щеках блестели дорожки слез.

Хаим теперь стоял спиной к подлокотнику, на который прежде опирался. Он находился как раз у него под коленом. Бизон положил обе руки ему на плечи, старик подался назад и плюхнулся в кресло.

— Итак, вы это увидели, да? — сказал Бизон.

— Да, — ответил Хаим, вставая. — А у меня есть?

Он вертелся, пока не подставил лоб прямо под свет и не поднял с лица прядь седых волос.

— Конечно, Хаим. Вы ведь все это время не верили нам, правда? В смысле, что мы можем видеть печать на лбу друг у друга?

— Вообще-то я верил, — сказал Хаим. — Не всему. Я так завидовал вам.

— Больше завидовать нечему.

— Значит, Бог знает мое сердце.

— Видимо.

— Это само по себе чудо.

— Готовьтесь к посадке, — рявкнул Ти.

— Не могу сказать, что стал меньше болеться, — заметил Хаим.

— Мне тоже страшно, друг, но все же не настолько, как в случае, если бы я не знал, куда в конце концов попаду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лия устала и физически и душевно, не смотря на то что ее просто восхищала перемена в отношениях между Рэйфордом и его дочерью. Но даже с открытыми окнами и летящим в салон свежим ветром ей было тяжело и тесно в салоне «лендровера».

Зазвонил телефон. Это была Минь. Ли встревожилась, но была рада, что хоть что-то отвлечет ее от дурных мыслей.

— Я намерена еще раз повидаться с моими родителями и братом, — сообщила Минь.

— Отлично. Но как? Где?

— На погребении.

— Вы поедете?

— Они тоже. Я позвонила им и сказала, что меня назначили туда следить за порядком, и они настояли на приезде.

— Но ведь это хорошо, разве не так?

— Лия, я так беспокоюсь за своих родителей. Они ведь не знают, что мы с Чанем — верующие. Они так восхищались Карпати, что сейчас просто раздавлены горем. Я хочу все рассказать им, убедить их, но для этого требуется чудо.

— А это всегда чудо, Минь. Мы будем вместе с вами молиться о том, чтобы это случилось.

— Вы не знаете моего отца.

— Да, но Господь превыше всего этого. Как вы собираетесь попасть в Новый Вавилон? Я слышала, что все авиалинии перегружены.

— Военным транспортником. Я не знаю, как мои родные выбили себе места, разве что мой папа нажал как следует на все рычаги в Мировом Сообществе. Его бизнес выделяет более двадцати процентов дохода Новому Вавилону. Завтра они ожидают прибытия еще миллиона человек. Лия, даже заключенные оплакивают Карпати!

— Когда окажетесь там, разыщите Давида Хассида и Энни Кристофер.

— Верующие?

— Конечно. Продолжайте игру. Делайте вид, что спорите с ними. Они заметят вашу печать и поддержат игру, чтобы прикрыть вас. Познакомьте их с вашим братом. Я намекну им, что ваши родители в неведении. Да, кстати, нет ли каких новостей о Хэтти или семье Кэмерона Уильямса?

Пауза.

— Мне можете сказать, Минь.

— Ну, есть хорошая новость и есть плохая.

— Выкладывайте.

— Дом Уильямсов сгорел. Два обнаруженных трупа идентифицированы как тела его отца и брата.

— И?..

— Это неподтвержденные данные, Лия, но есть некоторые свидетельства в пользу того, что они уверовали.

— Если бы Бизон мог знать это точно!

— Я посмотрю, что можно выяснить, не засветившись, но кто-то проговорился, что убийство и поджог пришлось отложить из-за того, что они были на каком-то собрании типа церковного.

— Означает ли это, что Мировому Сообществу известно, где происходят собрания церкви?

— Похоже на то. Они знают куда больше, чем хотелось бы большинству верующих.

— Надо предупредить их церковь.

* * *

Бизон слушал радиопереговоры Ти с диспетчерской в Козани.

— У нас топливо на исходе. Я, конечно, могу сделать один пробный заход, но лучше без него.

— С другой стороны, у нас нет пены, и подвезут не скоро.

— Понял.

— У вас есть друзья наверху, «супер-Джультетта».

— Повторите?

— Вам подвозят новые запчасти.

— Не понял, диспетчерская.

— Какой-то тип по имени Альби. Вы его знаете?

— А, слышал. Друг моего друга.

— Он так и сказал. Он говорит, что подгонит самолет, поскольку вам, наверное, понадобится ремонт.

— Понял. Что он везет?

— Без понятия.

— А как он намерен возвращаться?

— Думаю, он собирается отремонтировать ваш и вернуться на нем.

— Лучше бы подвез что-нибудь и правда нужное.

— Надеюсь, что ваш будет еще пригоден хоть для чего-то после того, как вы проедете брюхом по полосе.

— Понял.

Бизон посмотрел на Ти.

— Ушам своим не верю. Наверняка это Рэйфорд устроил.

— Интересно, был ли к этому готов Альби.

Бизон покачал головой.

— Ему лететь пришлось дальше, чем нам, и кто знает, где он взял самолет?

— Очень хотел бы на эту машину посмотреть.

— А мне очень хотелось бы посмотреть, выживем мы или нет.

— Уверен, что выживем, — сказал Ти. — Оценим ситуацию и гладенько сядем.

— Мне очень нравится твоя уверенность.

— Я-то думал, я тебе нравлюсь исключительно в качестве предмета обстановки.

— Не надо так.

— Значит, так, Бизон, мне надо, чтобы вы оба сели в самом конце салона и пристегнулись. Я буду озвучивать показания альтиметра. На пятидесяти футах оба должны пригнуть голову и сжаться, но можете и раньше, футах на ста. Понятно?

Бизон кивнул.

— Мы уже близко. Пусть Хаим приготовится.

Бизон встал и уже пошел было в салон, когда Ти воскликнул:

— О нет!

— Что?

Лампы внутреннего освещения погасли. Аварийные огни, питавшиеся от батарейки, подсвечивали панель управления неестественным светом.

— Что такое? — крикнул Хаим. — Скажите хоть что-нибудь!

— Скажем так, мы не сможем сбросить топливо, потому что у нас его не осталось, — сказал Ти. — Пристегивайтесь и не разговаривайте со мной, пока не сядем.

— Я готов уйти в небо! — ответил Хаим. — Но сегодня вечером я предпочел бы небесам асфальт, если вы не против.

— Доктор, заткнитесь, — крикнул Ти, вызывая диспетчерскую. — Козани, диспетчерская, нужна помощь, это «суперджет». У нас вышло топливо, повторяю, вышло топливо. Идем на аккумуляторах, могут гореть не все посадочные огни.

— Понял, «суперджет», — послышался ответ, и Бизон сел напротив Хаима. — Готовим посадку.

— Понял, — сказал Ти. Он начал разговаривать сам с собой, проходя все аварийные процедуры. Казалось, он слишком занят, чтобы говорить по радио. — Посмотрим-ка, аварийное отключение моторов, потом выход на оптимальную скорость скольжения. Одно шасси не выйдет, так что про это можно забыть. Лучше сделаем проверку на случай посадки с частично поднятым шасси.

Руки Ти порхали над панелью. Со своего места сзади Бизон видел через переднее стекло, что ограда аэропорта станет для них проблемой.

— На подходе, можете регулярно давать высоту для «Джувелетты»? — спросил Ти диспетчера на частоте башни.

— Без проблем, «Джувелетта». Тысяча футов, следуете ниже глиссады.

Ти вслух ругался, что ему придется сажать самолетом на одно шасси, а потом еще и рулить им.

— Девятьсот... восемьсот... семьсот... шестьсот... пятьсот пятьдесят.

Он сосредоточился на поддержании лучшей скорости скольжения в отчаянной попытке достигнуть летного поля.

— «Джувелетта», полосы свободны, аварийные команды на месте, — отработала диспетчерская. — Четыреста... ниже глиссады... похоже, вы вскоре приземлитесь... следите за оградой, «Джувелетта».

— Понял, — ответил Ти. — Триста... двести...

* * *

Цион встал, потянулся и пошел проводить Кенни. Ощущение было такое, что его много часов не было дома, однако устал он не больше, чем когда отключился. Хотя он был решительно настроен не упустить ни единого сообщения из Нового Вавилона, он понимал, что ему надо поспать. Он снова улегся, надеясь и молясь, чтобы ему было позволено оказаться у врат небесных еще раз. Он не знал, как назвать то, что с ним произошло и как это оценивать, но ради этого момента он жил всю жизнь. У него оставалось столько вопросов и появилось еще больше новых. Но прежде чем снова заснуть, Цион помолился за своих сестер и братьев, находившихся на передовой их войны.

* * *

Давид направился к себе, по дороге набирая номер Гая.

— Мне бы хотелось наблюдать за установкой статуи, когда вы будете готовы, — проинформировал он скульптора.

— Сейчас?

— Я сказал — когда вы будете готовы. Если по расписанию — оно и хорошо.

— Вы просите разрешения?

— Я просто сказал, что хотел бы это видеть. А что, какая-то проблема?

— Я не хочу, чтобы мне дышали в спину.

— Поверьте мне, Гай, я вовсе не собираюсь вам мешать.

— Согласно протоколу, вы должны называть меня по фамилии.

— Простите, Блуд.

— Моя фамилия Блод, и это все равно неправильно!

— Ой, я и не думал, что все так плохо!

— Вот вам и ой! Мой титул — министр!

— Простите, distinguished minister. Но ваш и мой верховный командующий требует, чтобы административные службы работали скоординированно и были готовы к моменту водружения на пьедестал вашего голого парня.

— Грубо и безвкусно.

— Я тоже так подумал, но меня удивляет, что вы со мной согласны.

— Давид!

— Для вас я директор Хассид, министр Блод. Короче, он меня назначил, так что без меня не уходите.

— Давид! Я министр, следовательно, я сам администрация и сам назначаю тех, с кем хочу работать. Можете спать в постельке, пока не научитесь вежливости.

— Мне очень жаль, но у меня приказ сверху. Хотите оспорить — говорите с самим.

— Подождите, вот он узнает, как вы обозвали potentata!

— Когда будете ему доносить, не забудьте упомянуть, что так я назвал вашу стацию. А еще можете добавить, что сами признали

ее — как вы там сказали? — грубой и безвкусной.

— В пять пополуночи, Хайсид, и ждать не буду.

— Хорошо. Не хотелось бы упустить. Доброго дня!

* * *

Бизон понимал, что ему нужно бы прикрыть голову руками, как это сделал Хаим, но ему хотелось все увидеть самому. Он наклонился в сторону прохода, откуда он мог видеть кабину. Самолет слишком резко опустил нос, и Ти явно пытался сманеврировать в последний момент, чтобы как-то избежать столкновения с южной оградой, за которой находились около ста ярдов травы и затем уже полоса. Бизона поразило, что все следы шин на взлетно-посадочной полосе находились как минимум в четверти мили от края асфальта, и только парадругая отпечатались ближе, но ни одни не заходили на траву. Он не дал бы и гроша за то, что Ти удастся провести самолет над оградой, не то чтобы дотянуть до взлетной полосы.

— У вас шасси полетело, «Джувьетта»! Повторяю — шасси вышло из строя! Справа — полностью, слева частично! Удачи!

— Мы не полагаемся на удачу! — воскликнул Бизон, когда ограда исчезла из виду. — Господи, яви волю Свою через Ти!

— Понял! — крикнул Ти, рванув рычаг, самолет чуть дернулся, пройдя над оградой, затем пошел хвостом вперед по траве.

От удара Бизона так впечатало в кресло, что он ощутил все клеточки своего тела. Хаим испустил испуганный хрип, вжавшись лицом в колени. Бизон пожалел, что сам так же не сел, поскольку ощутил, как что-то внутри его отрывается от копчика до шеи, оба плеча чуть не вывернуло из суставов. Это ощущение было в ступнях, щиколотках, коленях, а самолет по-прежнему шел носом вверх, волоча хвост по земле.

Это означало, что их ждал еще один удар, но Бизон не мог представить, что они ощутят его спиной, по крайней мере, не так, как первый.

Угол и скорость, выбранные Ти, привели к тому, что самолет каким-то образом прошел весь путь до посадочной полосы на хвосте. Когда хвост зацепился за край посадочной полосы, нос плюхнулся наземь, выбив сноп искр, переднюю часть фюзеляжа оторвало, и обе части самолета полетели, крутясь, в разные стороны.

Бизон видел небо, асфальт, огни, ангары и искры, ощущал шум и головокружение, но сила ускорения стала такой, что он начал терять сознание.

— Господи, — прошептал он, и благословенная тьма охватила его, — я могу это пережить. Дай мне побыть здесь еще немного. Хлоя, я люблю тебя. Кенни...

* * *

Хотя Давид еле держался на ногах, заснуть он не мог. Он лежал у себя в комнате, не понимая, почему ему так нравится дразнить Гая Блода. Он никак не мог забыть рассказ Рэйфорда о том, как тот изводил парня Хэтти Дюрхем, Бо, а тот потом совершил самоубийство. Конечно, Гай — больной на всю голову, и Давиду нравилось побивать его в сражении остроумия и сарказма. Но сможет ли это направить Гая на путь истинный? Конечно, Гаю до веры как от земли до неба, но кто мог знать, что сам Давид однажды станет верующим? Молодой здравомыслящий технарь-израильтян всю жизнь был скептиком-агностиком. А не попробовать ли обратить Гая — или тот просто расхохочется ему в лицо?

Давид набил любовное послание Энни, написав, что он согласен в том, что о детях им не следует и думать до Явления во Славе, но все равно он хочет жениться на ней.

Он последний раз глянул на сообщения и подумал, что знает, где находится сейчас каждый член отряда Скорби, все отсутствующие и отчитавшиеся. Сейчас Бизон и Хаим уже должны быть в Греции. Интересно, что сделает Хаим, чтобы его не опознали?

Произнеся короткую молитву за Циона, который надеялся вернуться к своим ежедневным проповедям в Интернете, Давид упал на постель. Он попросил у Бога прощения за то, что изводил Гая Блода, и попросил даровать

ему сочувствие к этому человеку. Конечно, пока опасно будет раскрывать себя в самом логове Мирового Сообщества, но он хотел все же оставить возможность прийти к Богу и другим после того, как они с Энни ударятся в бега.

* * *

Бизон резко открыл глаза. Он боялся, что у него болевой шок. Ночной ветер ударил в лицо, как северный вихрь, хотя он понимал, что сейчас не холодно. Он даже не знал, дышит ли он. Он сидел в оторванной задней части самолета, глядя на переднюю часть, находившуюся на другом конце полосы, в полумиле от них. Надо выбраться, надо найти Ти, удостовериться, что с ним все в порядке. Он им жизни спас. Как же искусно он посадил уже безжизненную машину!

Хаим! Бизон посмотрел налево, где сидел старик — все еще скрючившись, уткнувшись лбом в спинку переднего кресла. А вдруг он шею сломал? Бизон боялся тронуть его.

— Хаим! Хаим! Как вы?

Розенцвейг не шевелился. Бизон осторожно коснулся плеча Хаима и увидел, что его собственная рука дрожит как осиновый лист. Он стиснул кулаки, чтобы прийти в себя, но его все равно колотило с ног до головы. Так, ничего не сломано, нет ран. Разрывов? Вроде бы нет, но все тело будет болеть много дней. Но он не может позволить себе упасть в шоке.

Волнуясь за Розенцвейга, Бизон отстегнулся и потянулся к Хаиму, который крепко обхватил свои ноги за щиколотки. Бизон не мог расцепить его руки, потому ему пришлось просунуть пальцы между щиколотками и ладонями Хаима. Он не только пульс нащупал, но и ощутил, насколько сильна и крепка хватка у старика.

Бизон услышал шаги и крикнул в ответ, когда трое спасателей появились у машины, спрашивая, жив ли кто.

— Мне нужно одеяло, — сказал он. — Холодно. А ему нужен человек, который знает, как вынести его отсюда и проверить, не повреждена ли у него шея.

— Кровь, — сказал один.

— Где? — спросил Бизон.

— У него на ногах. Посмотрите.

Кровь капала с лица Хаима ему на ноги.

— Сэр! — окликнули его. — Сэр! — Обернувшись к Бизону, он спросил: — Как его зовут?

— Просто называйте его доктор. Он вас поймет.

Кто-то бросил Бизону одеяло. Он увидел других спасателей, спешивших по полосе к другой половине самолета. Он попытался встать. Все болело. Голова гудела и кружилась. Он завернулся в одеяло, чувствуя все мускулы и кости своего тела, и побрел от обломков к твердой земле. Он стоял, шатаясь, пытаясь понять, все ли в порядке. Он должен добраться до Ти. Для Хаима он ничего сделать не мог. Если самое худшее, что

с ним случилось, — это сильное сердцеебие и разбитый нос, то все в порядке. Поздно предупреждать его, чтобы он не называл своего имени.

Бизон направился к другому концу полосы, но шел он так медленно, и его так трясло, что он не знал, сумеет ли проделать этот путь. Земля то и дело пыталась встать дыбом и пару раз чуть было не ударила его по лицу. Но хотя он и понимал, что выглядит довольно странно, он продолжал идти вперед. К нему с разных сторон кинулись два медика. Когда они почти добежали до Бизона, ему пришло в голову, что они собираются пронести его весь оставшийся путь. Он был бы не против.

Но они не обращали на него внимания. Тот, что был сзади, крикнул своему товарищу:

— Старикан похож на того израильянина, который вроде бы сгорел прошлой ночью у себя дома.

— Он просто похож, — пробормотал Бизон, осознав, что никто не слышит его.

— Как пилот? — спросил один из спасателей, но Бизон не услышал ответа.

— Что он говорит? — крикнул он тому, который сейчас побежал к кабине.

— Ничего!

Бизон не увидел, чтобы тот хотя бы покачал головой в ответ, но, может, он просто не заметил. В конце концов, он добрал до передней части самолета. С Ти никто не занимался. Это могло быть как хорошим при-

знаком, так и дурным. Он услышал, как кто-то попросил принести мешок для тела.

Этого не могло быть! Если они с Хаимом пережили столкновение, то и Ти должен был! Он был в лучшей физической форме, чем они оба. Один из спасателей попытался было преградить Бизону путь, но Бизон гневно глянул на него и слабо отмахнулся, и тот понял, что не надо перечить ему.

— Пожалуйста, не трогайте тело, — сказал спасатель.

— Это не тело, — пробормотал заплетающимся языком Бизон. Конечно же, они второпях ошиблись. — Это мой друг, пилот.

Верхняя половина туловища лежала прямо на огромном прожекторе. Бизон не видел ни крови, ни торчащих костей, ни вывихнутых суставов. Он подошел к Ти сзади. Тот сидел прямо, все еще пристегнутый. Левая рука лежала на коленях, правая свешивалась в проход. Голова Ти свесилась на грудь.

— Ти, — сказал Бизон, положив руку ему на плечо, — как дела, дружище?

Плечо Ти было теплым, крепким и мускулистым. Бизон положил палец на артерию на шее. Ничего. Бизон ощутил, как одеяло скользит с плеч. Он упал в сиденье рядом с Ти — движение отдалось болью во всем теле. Стиснул безжизненную руку обеими ладонями.

— Ти, — простонал он, — о, Ти!

Рациональная часть его разума говорила ему, что он увидит еще много смертей друзей по вере. Они снова встретятся через три с поло-

виной года. Но хотя он не знал Ти настолько хорошо, как Рэйфорда, все равно ему было больно. Этот спокойный, надежный человек не раз рисковал своей жизнью и свободой ради отряда Скорби. А теперь он и вовсе пожертвовал ею.

— Нам надо унести тело и убрать обломки. Сэр, мне очень жаль. Это открытая полоса.

Бизон встал и склонился над Ти, обхватив его лицо и подняв к себе.

— Встретимся у врат вечности, — прошептал он.

Он выбрался из обломков самолета, но дальше идти не смог. Он попытался сесть на край полосы, но не смог справиться и упал на спину. Сильный ветер холодил ему затылок, и у него не было сил помешать спасателю, сунувшему руку в его карман.

— Вас тут кто-нибудь встречает, мистер Стуб?

— Да.

— Кто?

— Миклос.

— Лукас Миклос, угольный магнат?

— Да.

— Он в терминале. Вы туда сможете пройти?

— Нет.

— Мы вывезем вас на каталке.

Бизон смотрел, как тело Ти укладывают в мешок.

— Вы позаботьтесь о старике, — с трудом проговорил Бизон, показывая в ту сторону.

— Уже, — сказал кто-то. — Разбитый нос и сильное сердцебиение. Выживет.

Бизон снова отключился.

* * *

Небо над Чикаго начало темнеть примерно в семь вечера, но Рэйфорд решил ждать до девяти. Он хотел, чтобы было совсем темно и чтобы никто не смотрел в их сторону. Город был заброшен, проклят и окружен кордонами уже много месяцев. Удивительно, что никто, даже какой-нибудь опустившийся пьянчуга, не бродил по этим улицам. Была тут радиация или нет, но на многих улицах лежали разлагающиеся трупы. Это, наверное, куда более безопасное место, чтобы спрятаться, но жить тут будет очень невесело.

Он медленно выехал из-под платформы, не зажигая фар, надеясь поднять как можно меньше пыли. Прямого выезда к Петле¹ на Дэн-Райан не будет. Все было уже не так, как прежде.

Между налетами пытались что-то восстанавливать — предполагались короткие проезды, двухполосные дороги, идущие напрямик через город. Но только немногие были закончены хотя бы наполовину, так что самый короткий путь действительно пролегал напрямую — вверх, вниз, через природные и рукотворные препятствия — на самом лучшем четырехприводном автомобиле, какой только тебе удастся достать.

Рэйфорд прикинул, что ему придется вести машину миль пятнадцать—двадцать,

¹ Петля — деловой центр Чикаго

причем с потушенными фарами на скорости где-то в десять миль в час.

— Надеюсь, все будет так, как говорил Давид, — сказал он.

— И я тоже, — ответила Хлоя. — Конечно, я видела его виртуальный тур по зданию. Если оно хотя бы наполовину такое, то более идеального места нам не найти.

Лия спала.

* * *

Давид оказался на месте водружения статуи через пару минут после пяти утра по карпатянскому времени. Гай встретил его насмешливым вопросом о том, как теперь им заканчивать отделку. Давид поднял обе руки.

— Простите, если задержал вас. Министр Блод, можно вас на пару слов?

Гай настолько обалдел — Давид обратился к нему в точности по протоколу перед всеми его сотрудниками, — что бросил свое дело и отошел вместе с ним на несколько шагов. Давид протянул руку, и Гай с подозрительным видом осторожно пожал ее.

— Я хочу извиниться за то, что не должным образом разговаривал с вами, сэр. Можете положиться на меня, и ваших работ я с настоящего момента тормозить не буду.

— Что?

— Я сказал, что хочу извиниться...

— Я слышал вас, Хайсид. Я жду кульминации.

— Это все, что я хотел сказать, сэр.

— Я жду завершения, — нараспев повторил Гай.

— Это все, сэр. Вы меня прощаете?

— То есть?

— Я сказал, это все, сэр...

— Да я слышал, я просто пытаюсь переварить информацию. Это вас верховный командующий заставил, верно? Вообще-то я на вас не стучал. Слушайте, так вы что, сами, что ли, решили?

Давида так и тянуло сказать — нет, меня Бог направил, чтобы окончательно взорвать Блоду мозг.

— Меня никто не заставлял, министр Блод. И никаких задних мыслей у меня нет. Я просто хочу быть справедливым.

— Что же, я тоже не прочь, сударь!

— Вы, значит, принимаете мои извинения?

— Что значит, то и значит!

— Спасибо. Незачем затягивать работу дальше.

— Я мог бы и поспорить. Мы будем готовы к установке через пять минут.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Бизон с трудом открыл глаза. Никогда он не чувствовал себя настолько измотанным.

Рассветное солнце пробивалось сквозь жалюзи. Он лежал на койке в какой-то маленькой больничке. Где — он не знал. Он очнулся под тихую молитву троих мужчин, которые сидели взявшись за руки. Одно-го он узнал — это был Лукас Миклос. Еще там были высокий темноволосый человек примерно его возраста и один, постарше и поменьше ростом, явно ближневосточного происхождения.

— Как вы себя чувствуете, друг мой? — подошел к нему Лукас.

— Бывало и лучше, Ласлос, но как же приятно видеть вас! Где мы и где Хаим?

Лукас подошел поближе и шепнул ему на ухо:

— С Хаимом все будет в порядке, но нам пришлось придумать ему вымышленное имя. У него сильно поврежден нос и сломана челюсть. Так что он не мог говорить, а медики не столь подозрительны, просто любопытствовали. Сейчас его оперируют. Наш умелец совершил невозможное, так что...

— А наш пилот погиб? Это так? Я же не бредил.

— Верно. Слава богу, что он был верующим. По его документам его звали Тайрола Марк Диланти. Это был его псевдоним или?..

— Ему не нужен был псевдоним. Он владел маленьким аэропортом неподалеку от нас и мог избегать подозрительных вопросов.

Ласлос кивнул.

— МС не позволяет переправлять трупы за границу. Пусть погребением займется наша церковь.

Бизон пошевелил плечами и повертел головой. Шею пронзила боль.

— А как ваш умелец решил вопрос с фотографией Хаима?

Лукас кинул взгляд через плечо

— Вот что мы соорудили после некоторой хирургической операции. — Он показал Бизону удостоверение с почти оторванным снимком, на котором был четко виден только клоч седых волос. — Правда ведь, похоже, что документ побывал в крушении? Мы пытались убедить власти, чтобы операцию отложили, пока опухоль не спадет, но у них наро-

ду не хватает, как и везде. А пока он Тобиас Рогофф, бывший библиотекарь из Газы, возвращается домой в Северную Америку на чартерном рейсе — на том же, что и вы.

— А он это знает?

— Мы сказали ему несколько часов назад. Легенда такова — чартерная страховая компания заключила контракт с «Альби Эйр» на выполнение рейса, как только вы оба будете транспортабельны.

— Я сейчас вполне транспортабелен, — сказал Бизон, глядя через плечо Ласлоса на невысокого уроженца Востока. — Наверное, вы и есть Альби?

— Так точно, сэр, — сказал он с сильным акцентом, коротко кивнув. — Ваш тесть и ваш приятель МакКаллам давно уже знакомы со мной. А еще меня знает Абдулла Смит.

— Это уж я знаю. Я не ожидал увидеть вашу печать. А мой тесть знает?

Альби покачал головой.

— Это недавно случилось, недели еще не прошло. Я пытался связаться с Рэйфордом, но это было невозможно. Конечно, теперь-то я знаю почему.

— А как же вы обратились, сэр?

— Боюсь, ничего экстраординарного со мной не произошло. Я всегда был человеком религиозным, но Рэйфорд, Мак и Абдулла все подталкивали меня хотя бы ознакомиться с трудами доктора Бен-Иегуды. Ну, я и ознакомился. Знаете, что меня проняло? Его оценка разницы между верой и христианством.

— Это мне хорошо знакомо, — сказал Бизон, — если вы говорите о его утверждении, что религия есть попытка человека докричаться до Бога, в то время как Иисус есть попытка Бога докричаться до человека.

— Аналогично, — сказал Альби. — Я пару дней рылся в архивах веб-сайта доктора Бен-Иегуды. Прочел все его толкования предсказанных бед, затем изучил пророчества о приходе Христа. Как человек в своем уме может это прочесть и не...

— Простите, Альби, — прервал его Ласлос, — но мы должны продолжить. Мы должны сказать вам, Бизон, что доктор Розенцвейг прямо-таки ожил, услышав о возможности получить новое имя. Мы не знаем, как скоро он сможет разговаривать, но уже видно, что ему не терпится начать действовать под новым именем.

Бизон сполз с края кровати.

— Мы далеко от аэропорта?

Ласлос покачал головой.

— Мы находимся к северу от Козани. Альби перегнал новый самолет в Птолемаиду, и как только вы и... э-э-э... Тобиас выздоровеете, вы сможете отсюда улететь. А пока, как только мы заберем вас отсюда, вы будете оставаться с нами в убежище, где мы прятали Рэйфорда.

— Мы не встречались, — сказал Бизон, протягивая руку высокому гибкому человеку.

— Извините, — сказал Ласлос, — это пастор Демертер.

— Мистер Уильямс, — обратился к Бизону пастор, — некоторое время назад я говорил по вашему телефону с вашей женой. Она с вашим

тестем ищет новое убежище. Она была очень счастлива услышать, что вы с Хаимом живы. Естественно, они очень горюют по мистеру Диланти, особенно Рэйфорд. Миссис Уильямс хотела бы поговорить с вами как можно скорее.

— Я хочу поскорее попасть домой, — сказал Бизон. — Альби, полагаю, вы не планировали лететь так далеко?

— Мне незачем возвращаться в Аль-Басру, мистер Уильямс. Вам пригодится еще один самолет и пилот?

— О, я думаю, отряд Скорби сумеет приютить лучшего в мире агента черного рынка!

Деметрий отдал Бизону его телефон. Пока тот набирал номер, Ласлос объяснял, что пока они вроде бы не возбудили подозрения у местных миротворцев Мирового Сообщества.

— Они уверены, что Деметрий работает на меня, а вы — американец, который прилетел изучать бизнес.

Хлое план не понравился.

— Улетай оттуда, Бизон, — сказала она ему. — Мы нашли идеальное место для убежища. Даже мой брюзга папаша согласен. Хаим умный человек, но шпионские игры — не для него. Лучше добирайтесь сюда скорее целыми и невредимыми.

— Может, ты и права, Хло, — согласился он. — Сколько у вас на часах? Хочу отцу позвонить.

Она замолчала.

— Бизон, сейчас больше восьми вечера, на западе еще меньше, но как раз об этом я и хотела поговорить с тобой.

Он все понял по ее голосу.

— Папа?

— Да.

— И...

— И твой брат тоже, Бизон. Мне так жаль.

— Как?

— МС.

— Искали нас?

— Мы так думаем.

— Но они же не знали, где мы! Потому я никогда им и не рассказывал!

— Я знаю, дорогой. Но есть и хорошие новости.

— Ты о чем?

— Наши осведомители сообщают, что первая попытка выбить из них информацию была отложена потому, что они были в церкви.

— Хлоя, не надо.

— Это правда, Бизон. Лия познакомилась в Буфере с одной верующей, у нее был доступ к этим делам, и она говорит, что эта информация из надежного источника.

— Но почему папа не сказал мне?!

— Может, времени не было.

— Я хочу знать точно.

— Лия пытается дозвониться до церкви, чтобы дать им знать, что случилось, и чтобы они были настороже. Она просит узнать правду о твоём отце и брате.

* * *

Рэйфорду пришлось остановить машину, когда он узнал о гибели Ти. Он прошел

в темноте пешком пару кварталов, и когда Хлоя спросила, можно ли ей пойти с ним, он поблагодарил, но добавил:

— Мне надо пару минут побыть наедине с собой.

Чикаго представлял собой развалины. Разрушенные здания, гниющие трупы, разбитые или сожженные машины. Обстановка как раз под настроение Рэйфорда.

Труднее всего в эти дни, решил он, эти американские горки смены эмоций. Он вряд ли когда-нибудь привыкнет к потрясениям от потерь и к тому, что не удастся как следует выплеснуть горе потому, что все время находились какие-то срочные дела.

В прошлом после каждой смерти близкого человека Рэйфорд разворачивал в памяти растущий список потерь. Больше он так не делал. Наверное, у человека есть некий предел, есть дно у чаши горя. Когда-нибудь она переполнится, и у него не останется ни слез, ни сожалений, ни печали.

Как бы тяжело это ни было, Рэйфорд смог уделить тоске, вызванной очередной болезненной потерей, всего каких-то несколько кратких часов. Не ему предаваться тоске, рыться в памяти, утешать вдову, оповещать общину. Не будет поминок, погребения, даже заупокойной службы не будет — такова была сейчас жизнь. Конечно, в церкви Ти отпевание будет, но Рэйфорд не посмеет там появиться. Кто знает, чьи глаза исподтишка наблюдают за ними?

Немногие из его соратников по отряду Скорби действительно знали Ти. Воспоми-

наний будет мало. Он ушел. Они встретятся на небесах. Кто следующий в списке потерь? Это было нечестно, противоестественно. Как человек может так жить и не сойти с ума?

Рэйфорд был счастлив вернуться к тому, что доктор Цион Бен-Иегуда называл «первой любовью к Христу», к тому чудесному моменту, когда предвкушение спасения и истина милосердия свежи и новы. Он был благодарен советам Деметрия Деметера, отдыху и новому ощущению решимости.

А теперь еще и это. Его охватила дрожь. Хватит ему потрясений на эти двадцать четыре часа. Нужно и какое-то успокоение.

Как обычно в такие моменты, Рэйфорд пытался перечислить себе все, за что он по-прежнему был благодарен судьбе. И все, что было дорого ему в жизни, было связано с каким-нибудь именем — Хлоя, Кенни, Бизон, Цион, Лия, ее новая подруга, которую он еще не видел, двое Зиков, Хаим, Давид, Энни, Мак, Абдулла, Ласлос и его жена, Деметрий, Альби. Рэйфорду было любопытно, с чего это Альби так горячо взялся помогать им в Греции. Альби очень хотел поведать ему об этом — но лично.

Рэйфорду пришлось бороться с осознанием того, что, пока его список потерь будет расти, ему придется вычеркнуть оттуда некоторые имена. Он слишком многих потерял, в том числе и двух жен. Он не может позволить себе думать о потере других родственников.

Когда он вернулся к машине, Лия сказала, что дозвонилась до главы церкви, в которую ходили отец и брат Бизона.

— Я сказала, что было бы хорошо, чтобы он поговорил напрямую с Бизоном. Он ответил, что будет рад, но я не думаю, что имею право дать ему номер Бизона.

— Это разумно, — сказал Рэйфорд. — Пусть Бизон сам решает. Его телефон защищен от прослушки, но зато у пастора может стоять жучок, если уж эмэсовцы держат их на крючке. Попробуйте позвонить Бизону и дайте ему номер телефона пастора. Пусть сам свяжется с ним.

Через несколько минут Рэйфорд припарковался у небоскреба Стронга. Они осмотрели здание и увидели, что оно опечатано. Все трое сели на тротуар, прислонившись спиной к холодной стене, и Рэйфорд достал телефон.

* * *

Предрассветные часы в Новом Вавилоне всегда не нравились Давиду. Возможно, в Израиле было зеленее. Хотя и тут и там была пустыня, но в предрассветные часы в Израиле он ощущал себя бодрым и с нетерпением ждал нового дня. Сухой, безветренный воздух Нового Вавилона казался ему удушливым, хотя рассвет был прекрасен.

Зрелище того, как Гай Блод проводит последнюю доводку гигантской статуи Карпати, не слишком радовало Давида. Менее чем в ста футах от него медленно двигались вереницей тысячи скорбящих. Они часами ожидали те нескольких секунд, чтобы прой-

ти мимо саркофага. И так горестно, что эти слепые, заблудшие, сбившиеся с пути несчастные боялись за свое будущее из-за потери своего возлюбленного вождя. Но здесь, за огромными занавесями, Гай и его помощники безудержно восторгались законченной статуей.

— Хотите посмотреть поближе? — спросил Гай, спускаясь мимо Давида на моторизованной платформе.

«Не слишком», — хотелось ответить Давиду, но как объяснить отказ от такой привилегии? Он пожал плечами, что Гай истолковал как согласие, и скульптор нараспев повторил инструкции:

— Место есть только на платформе, и управлять ею придется вам самим. Осторожнее! Первый раз я чуть не снес собственное творение!

Гай показал Давиду управление, которое по большей части состояло из джойстика и селектора скорости. Его так и тянуло направить эту штуку прямо на голову статуи и снести ее. Пока Давид учился маневрировать платформой, прежде чем подняться, Гай выкрикивал инструкции:

— Поосторожнее с дымом! Огонь горит у него под коленями, а на лице только один выход!

— А почему вы не хотите подождать, пока ее не установят на место? Потом зажгли бы огонь.

— Не хотим отвлекать толпу. Это что-то вроде дуэта скульптора и зрителя, и моя цель —

чтобы у них возникла иллюзия того, что статуя жива.

— Двадцатичетырехметровая и металлическая?

— Поверьте, это сработает! Людям понравится! Но если они увидят, как мы записываем внутрь горючий материал, все пойдет прахом.

— А что вы используете в качестве топлива? — спросил Давид.

— Горючий сланец, — сказал Гай. — А для розжига — папиросная бумага.

— И откуда вы ее взяли?

— Это дар всех племен и народов! — воскликнул Гай, и его люди рассмеялись. — Серьезно, нам со всех концов света постоянно присылают святыне книги. Последний дар верховного понтифика. Он доставил из Рима все священные тексты, конфискованные или подаренные представителями различных религий и сект после того, как была установлена единая вера.

Давид отшатнулся, теперь окончательно уверенный в том, что ему не хочется видеть это вблизи.

— Обратите по дороге наверх внимание на ручную отделку! — крикнул Гай. Что там может быть, кроме полированного металла? — Можете потрогать — но осторожнее! Статуя очень неустойчива!

На высоте примерно двух с половиной этажей Давид почти не слышал Гая. Дым исходил из глаз, ноздрей и рта изваяния Карпати. Это было жуткое зрелище. Хотя вбли-

зи иллюзия жизни терялась, глаза все равно казались реальными, а черты лица, снятые с посмертной маски, были совершенной копией.

Давид находился достаточно высоко, чтобы видеть за статуей горизонт, где солнце уже начало окрашивать небо розовым. Внезапно он вздрогнул и пошатнулся, упав на перила, находившиеся на уровне его пояса. Все леса завибрировали, и он испугался, что вся структура рухнет.

— Эй! — крикнул один из помощников Гая.

— Что там такое? — заорал Гай. — Вы в порядке?

Давид помахал рукой. Он не хотел говорить о том, что слышал, от чего он так дернулся. Это был низкий гул словно бы исходящий из чрева статуи. Приглушенный, звучный, с явным призвуком тембра голоса Карпати. Что он говорил, как они это сделали? Чип? Диск? Пленка?

Он снова ощутил дрожь, услышал гудение и наклонил голову, прислушиваясь.

— Я пролью кровь святых и пророков!

Давид дернул рычаг так, что платформа резко упала вниз футов на пять и остановилась, снова закачавшись.

— Как вы это сделали? — крикнул он.

— Что сделали?

— Засунули туда запись!

Молчание.

— Ну? Как вы это сделали? Где машинка-то и что значит эта фраза?

Гай уставился на него, явно ничего не понимая.

— Гай!

— Что?

— Вы что, не слышали? Мне все повторять надо?

— Чего я не слышал? Я только вас слышал, Давид. Какого черта, вы о чем?

Давид начал медленно спускаться.

— Эта штука говорит. Как вы это сделали? Кассету с записью вставили? Диск? Жар запись не попортит?

Гай выкатил глаза и обвел взглядом своих людей.

— Вы серьезно?

— Вы прекрасно знаете, что да, Гай!

— Значит, мы снова на имена перешли?

— Может, сейчас не будем цепляться за титулы, министр-директор-что-там-еще-Блод? Эта штука говорит, и я дважды это слышал! Я не чокнутый!

— Если вы не чокнутый, то, значит, вы ослышались.

— Не надо мне говорить, что я не слышал того, что слышал!

— Значит, у вас галлюцинации, директор Хассид. Я не спускал глаз со статуи с тех пор, как ее сюда доставили. Это вам не парк развлечений. Мне не нужны гигантские говорящие игрушки, понятно? Мы покончили с этим делом? Я могу начать устанавливать моего малыша?

Давид кивнул и отошел, чтобы к статуе смог подъехать огромный вильчатый по-

грузчик. Его телефон зачирикал сразу же, и как только он ответил, услышал сигнал еще одного вызова.

— Это директор Хассид, будьте на связи, пожалуйста. — Но когда он нажал кнопку, чтобы ответить на второй вызов, его позвали: — Давид! — Это был Фортунато.

— Это директор Хассид, оставайтесь на связи, пожалуйста, — снова повторил он, переключившись на разговор с Фортунато. — Простите, командующий. Я слежу за установкой статуи и...

— Я уверен, что они и без вас справятся, Давид. Буду весьма признателен, если на будущее вы не будете меня задерживать. — Давид понимал, что ему надо бы извиниться, чтобы поддерживать игру, но он знал, насколько важно вчера для Фортунато было то, чтобы он встал раньше 5:00, и вдруг это стало несущественным. — У нас тут чрезвычайная ситуация, — сказал Леон. — Как можно скорее идите в конференц-зал на девятнадцатом этаже.

— Что-нибудь взять с собой или обдумать?

— Не надо. Нет, надо. График капитала МакКаллама.

— О, он...

— Скажете, когда придете, Давид. Пожалуйста, побыстрее.

Давид переключился на другой звонок.

— Чуть свет уж на ногах? — сказал Рэйфорд.

— Извините. В чем дело? — Давид по ходу разговора пятился, глядя, как статуя

восстает над толпой. Гул голосов становился все громче, люди толкали друг друга и показывали пальцем. Статуя опиралась на вилку погрузчика, и лишь когда она оказалась под светом прожекторов, всем стало видно, что она, как деликатно говорил Гай, *au naturel*.

Толпа заахала и заохала, люди начали аплодировать и радостно кричать.

— Что там за дьявольщина происходит? — спросил Рэйфорд.

Давид рассказал ему.

— Думаю, они так долго ждали возможности увидеть тело, что стали бы поклоняться и открыткам, если бы мы их раздавали.

Рэйфорд сообщил Давиду о том, что случилось в Греции.

— Мне очень жаль, капитан Стил. Я всего лишь пару раз говорил с мистером Диланти по телефону, но я знал, что вы близкие друзья.

— Это тяжелая потеря, Давид. И легче не будет. Иногда я чувствую себя как альбатрос. Все, кто близко ко мне, слишком быстро уходят.

Давид рассказал ему, что направляется на таинственную встречу, они быстро обменялись информацией по поводу того, что происходило на празднестве.

— Что бы там ни говорили, сэр, ясно, что этот выстрел — случайность. И пуля прошла мимо Карпати.

— Ну, я все равно останусь козлом отпущения, но...

— Капитан, минуточку...

— Я слышу толпу. Что случилось?

— О, да статуя чуть не опрокинулась! Они установили статую, а она повалилась вперед. Люди бросились в стороны, но водитель успел ее подхватить и выправить, а она опять качнулась вперед! Я не знаю, как она не рухнула. Сейчас ее снова подняли и установили прямо. О господи! — Он рассказал Рэйфорду о встроенной печи, но ни словом не обмолвился о том, что слышал.

— Наверное, эта тряска расшевелила огонь, и дым сейчас просто попер. Вы знаете, что они жгут в статуе Библии и прочие священные книги?

— Нет!

— Сэр, я сейчас иду внутрь, но я так и не спросил, по какому поводу вы звоните.

— Я в новом убежище, Давид.

— Ну? И как оно?

— Замечательно, но у нас есть одна проблема. Замки автоматически сработали в результате чрезвычайной ситуации. Мы не можем войти. Вы не могли бы открыть их дистанционно?

Давид был возле лифта.

— Я не могу отсюда разговаривать. Да, могу, но только после окончания собрания. Знать бы только, когда оно закончится.

* * *

Цион получил звонок от Хлои, которая сказала ему, что они, скорее всего, вернутся очень-очень поздно.

— Какие-нибудь намеки на эмэсовцев поблизости наблюдаются?

— Нет, — ответил он, но не сказал, что по крайней мере пару минут находился на расстоянии 93 миллионов миль от Маунт-Проспект.

Она быстро поговорила с Кенни, который все пытался отпихнуть телефон от ротика, чтобы «посмотреть маму». Наконец, он проговорил:

— Дасвиданя, пака!

— Цион, я даже не знаю, как вас благодарить, — сказала Хлоя.

— С ним легко, — заверил он. — И вы же знаете, что я его люблю.

Она сказала Циону, чем кормить Кенни и чтобы он уложил его спать в девять вечера. Хотя малыш его очень забавлял, это были хорошие новости. Кенни часто спал всю ночь не просыпаясь.

* * *

Давид не желал думать, что будет на этом собрании. Он надеялся, что не окажется там наедине с Фортунато. Давид пришел последним. Здесь были десятки директоров и более высокого начальства, включая телевизионщиков. Большинство зевали и терли глаза.

— Ну, начнем, — произнес верховный командующий. — У нас кризис. Никто не уезжает из Нового Вавилона. Несмотря на то что население за последние три с половиной

года резко сократилось, отели переполнены, и люди даже готовы потесниться, селиться по две семьи в номере. Другие спят на улицах, под навесами. Аэропорт забит большими самолетами. Они приходят загруженные под завязку паломниками, но большинство обратных рейсов отменяются из-за того, что заявок нет. Вы понимаете, что творится?

— Мы не можем обеспечить всего, что нужно для посетителей, — сказала какая-то женщина. Давид узнал Хильду Шнелль, главу новостной кабельной сети Мирового Сообщества.

— Я рад, что ответили именно вы, Хильда, — заявил Леон. — Нам нужна ваша помощь.

— А я-то что могу? Я тоже остаюсь на погребение.

— Мы не готовы принять такую толпу, — сказал Леон. — Народу вдвое больше, чем на празднестве в Иерусалиме.

— Я все равно не понимаю, чем тут может помочь служба новостей, — сказала Хильда. — Даже на празднестве мы просто...

— Будьте ко мне снисходительны, — прервал Леон. — Как вы знаете, мы уже и так сдвинули время погребения, чтобы принять всех желающих. Мы предполагаем, что примерно миллион человек пожелает увидеть тело, когда мы уже будем готовы к церемонии. Еще миллион в пути, и никто не намерен уезжать! Мы должны перегруппироваться. Где находятся те большие экраны, которые мы использовали в Иерусалиме, и есть ли у нас еще такие?

Кто-то из отдела событийного программирования сказал, что на складе в Новом Вавилоне такие были и что их будет достаточно, если задействовать еще и малые мониторы, чтобы охватить всю толпу.

— Но, — добавил он, — потребуется много человекочасов и, конечно, генеральный план. То, как сейчас огорожена дворцовая площадь, явно не поможет нам контролировать такое количество народа, особенно если те, кто уже прошел мимо саркофага, останутся на похороны. Я не могу понять, почему они еще в городе, если не планировали остаться.

— Вот и я о том же, — сказал Леон. — Я уже дал инженерам новое задание. И позвольте мне сказать напрямик — рабочие начали передвигать ограждения, тумбы, канаты и так далее. Все это будет проходить в одно время с церемонией прощания с телом. Если очередь надо будет передвинуть, то это должно быть сделано организованно, без остановки процессии.

Я хочу спросить вас, мисс Шнелль, сколько мониторов может обслуживать ваше оборудование. Некоторые люди, естественно, могут оказаться в сотнях ярдов от возвышения.

— Это нас не волнует, командующий, — сказала мисс Шнелль. — Мы занимаемся максимально полным визуальным и аудио-освещением события для телевидения, так что пусть на вас работают ваши организаторы.

Леон бесстрастно уставился на нее:

— То, что я предлагаю, мадам, является вашей заботой. У нас есть певцы, танцоры, выступающие и прочие, чтобы церемония выглядела подобающим образом не только потому, что собралась огромная толпа, но еще и из-за статуса того, чью память мы чтим.

— Да, сэр.

— Да, мэм?

— Вы просто скажите, чего хотите.

— Спасибо.

— Спасибо за честь.

Теперь Фортунато улыбался.

— Поскольку большие экраны из Иерусалима уже прибыли в Новый Вавилон, директор Хассид, значит, это снимает необходимость их доставки силами ваших пилотов. Если мы сможем задействовать всю вашу ангарную команду, грузчиков, пилотов и прочих для регулировки толпы, я был бы вам весьма благодарен. Вив Айвинз будет координировать работу, так что сообщите ей, сколько вы даете ей в распоряжение людей и кого конкретно.

Новое время церемонии и погребения — полдень и два часа сегодняшнего дня. Речи некоторых представителей придется сократить, но это жесткие сроки, и об этом должно быть объявлено немедленно. Мисс Шнелль, я полагаю, что данное событие перевешивает все прочее планирование. Я хочу, чтобы в нем участвовал весь мир, включая тех, кто прибудет в аэропорт к тому моменту, чтобы наблюдать за церемонией по телевидению,

но слишком поздно, чтобы самому там присутствовать.

Она кивнула.

Давид беспокойно вертелся, понимая, что Рэйфорд, Хлоя и Лия ждут его, чтобы войти в небоскреб Стронга. Он не был уверен, что сможет открыть замки на расстоянии, но лучше бы сейчас он разбирался с ними, чем сидел на собрании снабженцев. Фортунато вскоре раздал задания своим инженерам, и Давид поспешил выйти.

По пути к своему кабинету он увидел рабочих, которые уже преобразовывали просторный двор в открытое пространство, способное вместить предполагаемый наплыв посетителей. По обрывкам донесений, которые он ловил с мониторов, висевших вдоль коридоров дворцового комплекса, выходило, что Леон был прав. Интервью брали у людей в аэропорту, в очереди, на улицах. Почти все желали присутствовать на погребении, даже если уже и прошли мимо тела.

— Это был величайший человек в истории, — говорила через переводчика какая-то турчанка. — Мир больше не увидит подобных ему. Это величайшая трагедия в истории, и мы можем лишь надеяться, что его преемник сможет продолжить воплощать в жизнь его идеи.

— Вы верите, что Николае Карпати — в полном смысле слова божество?

— В полном смысле слова! — воскликнул какой-то мужчина. — Я уверен, что он был именно тем Мессией, которого евреи ждали

столько веков. И он был убит среди своего народа, как и гласит Писание.

Усевшись за компьютер в своем кабинете, Давид оставил работать один из телемониторов под потолком в углу. Си-эн-эн продолжала передавать интервью в прямом эфире из Израиля, где тысячи людей внимательно слушали вдохновенных проповедников, бежали вперед, падали на колени и выкрикивали клятвы верности Иисусу Мессии.

С иерусалимской корреспонденткой был специалист по религии, который пытался объяснить феномен.

— В вакууме, образовавшемся после гибели главы Единой всемирной церкви и потентата Мирового Сообщества, которого все считали не только политической, но и религиозной фигурой, изголодавшиеся по вере люди готовы заполнить эту пропасть чем угодно. Жажда иметь вождя и отсутствие человека, который смог бы встать на его место, заставляют их приписать историческому Иисусу Христу качества израильского Мессии, которого они так долго ждали.

Этот феномен возникал прежде лишь в маленьких, замкнутых общинах консервативных христианских фундаменталистских сектантов, но вспыхнул с новой силой вскоре после исчезновения доктора Циона Бен-Иегуды, ученого, знатока Библии, который был назначен правительством Израиля для исследования предпосылок появления предсказанного Мессии и истолкования этих фактов для современных евреев.

Работы доктора Бен-Иегуды спровоцировали возмущение, особенно среди евреев, когда под конец своей жизни он заявил по телевидению, что Иисус Христос и есть тот самый единственный человек, который соответствует всем мессианским пророчествам, и что исчезновения есть свидетельство того, что он уже являлся.

Давида поразило то, что хотя «эксперт» совершенно откровенно отрицательно относился ко всему происходящему, прекрасно разбирался в теме. Долго обучаясь у Циона по Интернету, Давид знал, что взрыв проповедничества в Израиле породит также много ложных христиан и антихристов низшего порядка. Доктор Бен-Иегуда часто цитировал Евангелие от Матфея 24:21—24:

«Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет.

И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни.

Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте.

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных».

Давид погрузился в работу по небоскребу Стронга. Пробираясь сквозь множество защищенных шлюзов при помощи программ

взлома кодов собственного изобретения, он плечом прижимал к уху телефон.

— Капитан Стил, — говорил он, — если мне удастся это сделать, то я впущу вас через внутренние двери одного из гаражей. Ворота будут опущены. Но вы сможете их обойти и добраться до лифтов.

— Туда-то мы добрались, — сказал Рэйфорд. — Нам нужно открыть стеклянные двери, ведущие к лифтам. Мы могли бы и разбить стекло, но побоялись, что сработает сигнализация.

— Да кто услышит?

— Я понимаю, но обычно такого типа сигнализация подсоединена к взаимосвязанным устройствам. Как в аэропорту — вы вламываетесь не в ту дверь, и определенная система автоматически срабатывает.

— Готово, — сказал Давид.

— Извини?

— Вы внутри.

— Да мы даже с другой стороны здания.

— Ну так заходите, — сказал Давид. — Не терпится слышать, что вы нашли внутри. Да, вот, у меня хорошие новости — строители здания сделали две хорошие вещи. Прямо как знали, что мы здесь поселимся. Первая — щитовая и коммутатор, которые, как правило, находятся на верхнем этаже или даже выше на каком-нибудь шпиле, здесь на первом этаже, с которого вы войдете. Вторая — я понял, почему структура выстояла при бомбовом ударе. На чертежах видно наличие «перекрытия для предотвращения эффекта карточного

домика» через каждые пятнадцать этажей или около того. Случилось так, что такое перекрытие имеется этажом ниже того места, где здание повреждено. Это перекрытие сейчас служит новой крышей здания. Я еще не уверен до конца, но, возможно, там можно будет посадить вертолет, если удастся как-то разобраться с площадкой, окруженной с трех сторон.

— Вертолет? — удивился Рэйфорд. — Кстати, мы в гараже.

— Я вас вижу.

— Видишь?

— Видите камеру в верхнем углу справа?

Все трое помахали Давиду, и он чуть было не помахал в ответ, забыв, что видеосвязь односторонняя.

— Ага. Я вас вижу. Дверь прямо перед вами должна быть открыта. И да, я говорил о вертолете.

— Да где я его возьму?

— Я не знаю, — ответил Давид. — Может, вы знаете кого-нибудь, кто мог бы продать?

— Нам надо подумать о новой авиабазе поближе. В любом случае о другой. В Палуоки у нас больше нет друзей.

— Как насчет Канкаки?

— Возможно. А что, если мы попросили Альби осесть здесь под предлогом организации небольшой частной транспортной компании, возможно, для Ласлоса, которого МС по-прежнему считает лояльным? Тогда мы сможем летать туда-обратно когда хотим, и никто не будет задавать вопросов. А когда

понадобится, сможем посадить вертолет и здесь.

— Мне нравится ваш образ мыслей, капитан Стил.

— Мне нравятся ваши предложения, Давид.

— Я постараюсь следить за вами, пока вы будете подниматься с этажа на этаж, через различные камеры, — сказал Давид. — Но может получиться, что мне придется срочно вас покинуть. Вы знаете, где я.

Оказалось, что Лия и Хлоя неплохо работают в паре. Хотя Давид слышал только Рэйфорда, он видел, как женщины проверяют углы обзора из различных окон.

— Лия хочет поговорить с вами, Давид. Вот она.

— Вы смотрите на чертеж?

— Да, онлайн.

— Я правильно понимаю, что нас не видно с улицы, по крайней мере там, где мы сейчас находимся?

— Верно.

— А если я включу свет?

— Я не стал бы этого делать.

— А если мы закрасим окна черной краской?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

К десяти вечера в субботу в Иллинойсе Цион завершил две трудные операции — кормление и переодевание Кенни. Сейчас мальчик крепко спал в своей кроватке в соседней комнате, так что Цион отключил звук телевизора. Он лишь время от времени бросал взгляд на экран, уже утомившись от постоянного повторения одного и того же.

Сколько же раз он уже видел фотографию Рэйфорда, просмотрел ролик с выстрелом и прослушал заявление департамента безопасности и разведки Мирового Сообщества о том, что единственным убийцей, единственным стрелком был именно Рэйфорд? Рэйфорда также постоянно называли убежденным иегудаитом. Цион, хорошо зная отряд Скорби, знал, что Рэйфорд Стил прекратил существование. Он ушел в подполье и не станет оставлять следы в виде собственного

имени. Цион молился, чтобы Господь сохранил Рэйфорда как можно дольше.

Он раскрыл Библию и сел работать со своими записками, пытаясь осознать, что же конкретно он видел в этом необыкновенно живом видении. Он молил Бога об еще одном таком же, но поскольку видение не повторилось, надо было понять то, что он успел увидеть. Ученые расходились во мнении насчет женщины, облаченной в солнце и с венцом из звезд на челе, которая стояла на Луне.

Понятно, что это был символ, поскольку не может быть женщины такого роста и в космосе нельзя родить ребенка. Некоторые верили, что это воплощение всей женской части человечества, ибо в Книге Бытия Бог говорит Сатане, что женщина родит дитя, которого Сатана уязвит в пяту, но тот раздавит ему голову. Это пророчество о пришествии Христа, и тогда эта женщина — Мария. Однако другие характеристики образа женщины говорят о том, что она может символизировать Израиль. Христос вышел из Израиля, и Сатана преследовал и терзал народ Божий вплоть до нынешнего дня.

По мере того как Цион просматривал библейские тексты, касавшиеся Люцифера и его изгнания с небес, он все больше убеждался, что, когда видел, как дракон хвостом сметает треть звезд с неба и они падают на землю, он был свидетелем давнего прошлого. Писание часто называет ангелов, праведных или падших, звездами, так что он был уве-

рен, что ему явилась картина того момента, когда Люцифер был впервые повергнут из-за своего греха — гордыни.

Но Цион также знал, что Сатана, даже на половине времени Скорбей — Цион считал, что сейчас мир как раз посередине этого срока, — имеет доступ к престолу Господа. Он — обвинитель верных, и все же, когда он стал преследовать женщину и ее дитя, чтобы пожрать их, великая битва разразилась в небесах, и он был изгнан.

Цион не осознавал, что снова погружается в сон. Его снова унесло из подземного убежища в холодные ночные небеса, но на сей раз он гораздо быстрее привык к полету. Он не беспокоился о суетном. Он видел, как Кенни спит в своей кроватке, видел самого себя дремлющим на диване так же ясно, как континенты и океаны прекрасной голубой планеты. Каким же мирным все это казалось отсюда — если не знать того, что творится внизу.

Когда он прибыл к назначенному месту, женщина уже покинула свой постамент. Исчезло и ее солнечное одеяние, и венец из звезд. Но сияние снова окутало Циона, и ему захотелось задать вопросы прежде, чем оно исчезнет и он очнется. Хотя Цион и понимал, что все это сон, он также знал, что сон этот — от Бога, а Бог обещал, что и старцам будут даны видения.

Цион обернулся в сторону сияния и вновь восхитился огромностью и величием ангела.

— Михаил, — сказал он, — эта женщина — Мария или...

— Михаил ведет битву, как ты вскоре увидишь. Я Гавриил, провозвестник.

— О, прости меня, князь Гавриил. Скажи мне, кто эта женщина? Это Мария или это Израиль?

— И то верно, и это.

— Я надеялся на более ясный ответ.

— Когда подумаешь над ним, ты найдешь его ясным.

— А двенадцать звезд на ее челе — это двенадцать колен Израиля?

— Или?.. — подбодрил его Гавриил.

— Или... апостолы?

— И то верно, и это.

— Почему-то я знал, что ты так скажешь. Значит, эти символы обозначают то, что мы хотим им приписать или что нам нужно в них видеть?

— Нет. Они означают то, что означают.

— Ох-ох.

— Сын земли, видишь ли ты, что держит в руках дитя?

— Прости, нет.

— Железный жезл, коим будет он править народами.

— Значит, он Иисус...

— Христос, Мессия, Сын Бога Живого.

Цион казался себе недостойным даже слышать эти слова. Ему казалось, что он находится в присутствии самого Бога.

— Князь Гавриил, куда скрылась эта женщина?

— В те края, где Господь приуготовил место для нее, где она будет в безопасности три с половиной года.

— Означает ли это, что Господь приготовил место и для Своего избранного народа, где они тоже будут в безопасности во время Великих Скорбей?

— Ты сказал.

— А дракон?

— Он в ярости.

— А Михаил?

Гавриил показал куда-то:

— Смотри.

Цион повернулся в ту сторону, где кипела великая битва. Михаил с ангелами своими сражались гигантскими обоюдоострыми мечами против огненных стрел дракона и его ангелов тьмы. Мерзкие полчища наступали и наступали, но не могли одолеть ангельского воинства. Когда соратники дракона начали отступать, он рванул было к престолу, но словно огромная незримая дверь захлопнулась перед ним. Он попятился, снова попытался прорваться к тому месту, которое некогда занимал перед престолом. Но с престола послышалось твердое:

— Нет. Здесь больше нет для тебя места. Изыди.

Дракон обернулся, гневдушилого. Все семь его голов оскалились в жуткой гримасе. Он созвал свое воинство, и все они низверглись на Землю. И Гавриил произнес громогласно:

— Итак, низвергнут великий дракон, древний змий, именуемый Дьяволом и Са-

таной, обольстивший весь мир. Он сброшен на Землю, и ангелы его низвергнуты вместе с ним. — И еще громче, с великой радостью: — Ныне спасение, и сила, и царствие Господне, и могущество Христа явлены, ибо обвинитель наших братьев, денно и ночью порочивший их пред ликом Господа, низвержен! Враги побеждены кровью Агнца и словом их свидетельства, и собственная жизнь им ненавистна. Возрадуйтесь же, небеса, и все, кто обитает там! Горе жителям земли и моря! Ибо дьявол грядет на вас в великом гневе, зная, что мало ему осталось времени!

— Что происходит теперь? — спросил Цион.

Гавриил посмотрел на него и скрестил руки на груди.

— Дракон будет преследовать женщину, которая дала жизнь дитя, но Господь защитит ее. Во гневе дракон развяжет войну против остального ее потомства, тех, кто остался верным Богу и заповедям Иисусовым.

Михаил теперь стоял рядом с Гавриилом, спрятав меч в ножны. Цион не мог вымолвить ни слова. Он открыл было рот, чтобы поблагодарить, но голос не слушался его. И он проснулся. Было по-прежнему десять часов.

* * *

К девяти утра по карпатианскому времени Новый Вавилон был просто наводнен людьми. Торговцы разбили палатки на всех

дорогах, ведущих к дворцу. Продавцы стульев, солнцезащитных кремов, зонтиков, воды, еды и сувениров буквально охотились на паломников. Некоторых отгоняли охранники из числа миротворцев Мирового Сообщества, но те снова устраивались не дальше чем в миле от прежнего места.

Было понятно, что предсказанный градус жары к полудню будет превышен. Над саркофагом растянули навес, чтобы укрыть и его, и вооруженную охрану от беспощадного солнца. Но скорбящие, продвигавшиеся чередой справа и слева, то и дело падали в обморок, и их уносили под навесы к медикам, где их поили, обмахивали и иногда обливали водой.

Давид вернулся к своему наблюдательному пункту над одним из медицинских тентов, хотя его и отодвинули на две сотни ярдов от двора, чтобы расчистить место для толпы. Барьеры, канаты, сделанная наскоро ограда заставляли людскую очередь мучительно медленно змеиться взад-вперед, продвигаясь к помосту. Уличные певцы, жулики, клоуны, карманники и продавцы пытались приставать к людям. То тут, то там возникали потасовки, но миротворцы быстро гасили их.

Рабочие уже заканчивали перестановки, которые позволили бы впустить на площадь еще несколько тысяч людей. Огромные экраны уже были установлены и подключены, бесчисленные камеры окружали площадь. Когда примерно в полдень начнется церемония, очередь остановится, и миллионы лю-

дей более чем на милю оттеснят от платформы, находящейся рядом с гробом.

Со своего наблюдательного пункта Давид слышал, как настраивают инструменты музыканты, танцоры повторяют свои па, распеваются хоры. В бинокль он увидел Энни, стоявшую на своем посту где-то в миле отсюда. Его телефон зазвонил. Это был какой-то миротворец из аэропорта.

— Директор Хассид, здесь у меня семья из Китая, они ищут свою дочь, служащую Мирового Сообщества по имени Минь Той.

— И?..

— Они говорят, что она велела им связаться с вами или начальником грузовых перевозок Кристофер, если они не найдут свою дочь. Она служит в женском реабилитационном центре в Брюсселе.

— Они знают, где она может находиться здесь? Все пункты имеют свой номер, вы же знаете.

Охранник прикрыл телефон и спросил их.

— Нет, — сказал он. — Они говорят, что их дочь пыталась получить назначение у мисс Кристофер.

— Мисс Кристофер находится в пятьдесят третьем.

— Спасибо, сэр.

Давид продолжал смотреть в полевой бинокль на Энни. Он увидел, как к ней подошла какая-то азиатка в красной форме и они обнялись. Ему показалось, что они оживленно заговорили о чем-то, и Энни схватила свой телефон. Сотовый Давида снова ожил.

— Привет, детка, — сказал он. — Родители и брат Минь на пути из аэропорта. Они будут искать ее на твоем посту. Она получила назначение...

— Давид! — зашептала Энни. — Североамериканское отделение МС вычислило убежище!

— Что?

— Минь случайно об этом узнала. Она не могла оповестить меня прежде, поскольку у всех ради секретности отобрали телефоны.

— Звони Циону! Я оповещу Стила.

* * *

Рэйфорд подумал, что новое убежище — величайший подарок Господа отряду Скорби после приезда Циона Бен-Иегуды. Несколько этажей были практически нетронуты, все системы функционировали. Туалетов было куда больше, чем могло понадобиться обитателям, удобства были все, какие только можно придумать. Конечно, это не был дом в полном смысле слова, так что кровати придется либо принести сюда, либо соорудить из чего придется. Но здесь могли жить сотни людей, а то и больше. Он не знал, насколько разумно вообще думать о том, чтобы незаметно скрыть здесь сотни, но он мечтал созвать сюда всех бесприютных верующих, каких он только знал. Подругу Лии из Брюсселя, может, ее брата из Китая, Альби, может, обо-

их Миклосов, всех тайных верных из Нового Вавилона. Мечтать ведь не вредно?

Они с Лией и Хлоей уже возвращались к Маунт-Проспект после полуночи по центральному стандартному времени, когда позвонил Давид и сообщил новости.

— Энни звонит Циону, — сказал он. — Ему надо выбираться оттуда.

— Для этого нужны определенные средства, — сказал Рэйфорд. — А Цион без колес.

— Капитан, он намерен уходить прямо сейчас.

— Мы должны подобрать его, Давид. Кстати, не знаешь ли ты, мы на эмэсовцев не напоремся?

— Может, и узнаю, но вряд ли в срок, чтобы помочь вам. Придется рисковать.

— Мы тоже пытаемся дозвониться до Циона. Кто знает, где эти эмэсовцы и когда они нанесут удар? Наше подземное укрытие — очень хорошее логово.

* * *

Цион поблагодарил Энни и бросился отключать электричество, борясь с одышкой. Он нащупал дорогу в темноте. Набил две наволочки необходимыми вещами. Телевизор придется оставить. Он захватил лекарства, немного справочников, все ноутбуки, детские вещички, немного одежды — все, что смог запихать. Оставил достаточно места, чтобы связать наволочки друг с другом, и

положил их внизу лестницы. Это был единственный выход из укрытия, и через него он вошел. Даже если ему придется набросить одеяло на Кенни и тащить его и все пожитки в гараж, эмэсовцы не сразу заглянут сюда.

Он надеялся, что услышит, если эмэсовцы окажутся наверху. Он молился, чтобы их остановил вид разлагающейся пищи в холодильнике-прикрытии. Пусть они никого не найдут и уйдут.

Позвонила Хлоя, она была почти в истерике.

— Цион, — кричала она, — если эмэсовцы доберутся до подземелья, вы должны мне пообещать...

— Я буду защищать малыша до самого конца.

— Пообещайте мне, Цион, прошу вас! У меня под матрасом спрятан шприц с цианистым калием. Он действует быстро, но вы должны ввести его прямо ему в попку. Это можно сделать прямо через подгузник. Не надо жалеть, просто решительно и быстро!

— Хлоя! Возьмите себя в руки! Я не причиню Кенни вреда!

— Цион, — рыдала она, — умоляю! Не дайте им схватить моего малыша!

— Не дам. Но я не...

— Прошу вас!

— Нет! И не мешайте мне! Мне надо смотреть и слушать! Сейчас Кенни внизу и спит. Бог с нами.

— Цион!

— Пока, Хлоя.

Цион встал на самом пороге спуска в убежище, у тонкой перегородки, отделявшей его от внешнего мира, и стал прислушиваться. Звук мотора, шаги, двери, окна — пока не было ничего. Он не хотел оказаться в ловушке. Ему очень хотелось перетащить Кенни и все вещи в гараж, затем он оставил эти мысли. Это будет глупо, если эмэсовцы вломятся в дом. Куда он уйдет на своих двоих? В своем слишком реальном сне он чуть ли не на равных беседовал с архангелами — и вот он стоит в углу, прячется от всего. Рэйфорд, как он полагал, находится в лучшем случае в часе езды от дома. И если он подъедет тогда же, когда и эмэсовцы, то Рэйфорду придется скрываться.

Цион молился, чтобы эмэсовцы не торопились, чтобы они нагрянули на другой день или через неделю.

* * *

Пока Бизон не оказался в тесном реактивном самолетике, направлявшемся через Атлантику, он не осознавал, как же сильно ему досталось. Он ощущал себя на двадцать лет старше, он морщился и стонал при каждом движении.

Спустя пару часов после того, как Альби взлетел в отремонтированном иорданском истребителе — Абдулла был хорошо знаком с такого типа самолетами, — Бизон получил от Лии известие о том, что с ним хочет по-

говорить пастор. Он сказал, чтобы она дала ему его основной номер, но чтобы пастор звонил ему с городского телефона. Последовавший разговор был настоящим лучом света во мраке этих страшных выходных.

— Ваш брат пришел к нам первым, — сказал ему пастор. — Он все ссорился с вашим отцом из-за его упрямства — тот все время утверждал, что всегда был верующим. Ваш брат посещал нашу церковь сначала один — первые два-три раза, и, судя по словам вашего отца, он пришел, чтобы просто не оставаться дома в одиночестве. Мистер Уильямс, ваш отец не сразу понял всю картину.

— Я понимаю.

— С вашим братом было легче. Он словно уже был готов. Но он не хотел давить на отца. Главным препятствием было то, что он понимал — однажды ему придется признать, что вы были правы, а он — нет.

Бизон еле сдерживал слезы.

— Папа в своем репертуаре. Но почему...

— ...ваш брат не звонил? По двум причинам. Во-первых, он хотел, чтобы именно ваш отец поведал вам эту новость. Во-вторых, он очень боялся как-то выдать вас. Он прекрасно понимал, в каком вы положении были — или, точнее, находитесь.

— Только звонок с прослушиваемого телефона мог бы создать проблему.

— Но он-то этого не знал. Я одного хочу, сэр, чтобы вы знали — ваши отец и брат были истинно верующими, и я уверен, что сейчас они у Бога. Они так вами гордились.

И скажите доктору Циону Бен-Иегуде, что у него есть как минимум одна церковь, которая может потерять своего пастора и ничего не потерять. Мы все его любим.

Бизон заверил его, что передаст Циону.

Они были в часе езды от Палуоки, когда Бизон получил звонок от Хлои насчет убежища. Если Хаим по-прежнему лежал на заднем сиденье, стелая себе под нос что-то по поводу своих болячек, Альби прямо загорелся, когда узнал, что происходит.

— Но как они вышли на убежище? — сказал он. — Неужели мисс Дюрхем в конце концов выдала вас?

— Не знаю, Альби. Мы знаем точно только то, что доктор Бен-Иегуда и наш ребенок остались без машины, и понятия не имеем, насколько далеко эмэсовцы и успеет ли Рэйфорд раньше.

— И у вас есть новое убежище, куда вы сможете их переправить, если успеете.

— Да.

— Возьми мою сумку, она у меня за сиденьем.

Бизон вытащил ее. Весила она чуть ли не больше, чем сам Альби.

— Ты что, кирпичи в ней таскаешь?

Альби был полностью погружен в дело.

— Открой, будь любезен.

Сверху лежало белье Альби.

— Поройся там, пожалуйста. Найди пистолет и кобуру.

Бизон откопал что-то похожее на униформу эмэсовца.

— Это то, что я думаю?

Альби с довольным видом кивнул.

— Глянь на фуражку. И прикинь, какой ранг.

Бизон аж присвистнул.

— Исполняющий обязанности командующего? Где взял?

— Меньше знаешь — крепче спишь.

— Нет, ты что, работал на МС?

— Лучше тебе не знать.

— Но все же?

— Нет. Но больше не спрашивай.

— Но где же ты взял...

— У меня есть свои связи. Связи — в этом вся моя жизнь. Позвони Рэйфорду. Скажи, чтобы встречал нас в Палуоки.

— Ему не ехать в убежище?

— Нам нужна машина. Не меньше, чем Рэйфорду.

— Почему?

— Смотри и учись. Где я в Палуоки смогу переодеться в форму?

— Ты собираешься?..

— Не спрашивай. Только отвечай.

— Есть там одно местечко, — сказал Бизон. — Я тебе покажу.

— Мы сможем оставить где-нибудь То-биаса Рогоффа?

— Я бы не стал. Я там никого толком не знаю.

— О'кей. Найди мои документы. Они там, глубже. Между фальшивым и настоящим дном сумки.

Бизон нашел настоящее удостоверение Альби, затем прямо там, где он сказал, откопал потертый кожаный бумажник.

— Открой, будь любезен. Сколько нас будет в машине? Шестеро?

Бизон подумал и кивнул.

— А мистеру Рогоффу понадобится целое сиденье.

— Может, и нет.

— Будем надеяться. Слишком тесно будет. Найди документы под эту форму.

Бизон рылся в бумажнике, пока не нашел те, что подтверждали высокое положение Альби в Миротворческих силах Мирового Сообщества. Однако на фото хотя и был Альби в щеголеватой форме, имя стояло другое.

— Маркус Эльбаз? — спросил Бизон.

— Для вас исполняющий обязанности командующего Эльбаз, гражданин, — сказал Альби столь убедительно, что на миг Бизон даже занервничал. Он отдал Альби честь, и тот ответил тем же. — А теперь звони Стиллу.

* * *

Рэйфорд был потрясен тем, сколь решительно Хлоя была настроена убить Кенни, чтобы не дать ему попасть в лапы врага. Но он сам был отцом, так что разделял ее страхи. Его ужасало то, что она настолько все продумала, что даже припасла шприц с ядом.

Рэйфорд нашел обратный путь по короткому участку незамусоренной дороги, причем выехал так, чтобы его не заподозрили, что он едет из запретной зоны. Теперь ему приходилось срезать путь и объезжать за-

валы и воронки, не нарушая никаких правил движения. Когда других машин не было, он нагонял упущенное время и продвигался к убежищу на максимальной скорости, какой только мог достичь, не обращая внимания на то, что его пассажиры порой бились головой о потолок салона.

Звонок Бизона озадачил Рэйфорда, и тот потребовал разговора с Альби.

— В чем дело, дружище? Ты что затеял?

— Вы мне доверяете, капитан Стил?

— Я тебе жизнь доверял, и не один раз.

— Так вот и теперь доверьтесь. Гоните в Палуоки и ждите нас. Затем готовьтесь бежать к убежищу как можно быстрее. По дороге объясню расклад. Если повезет, то мы обставим МС и увезем рабби и малыша. А если столкнемся с ними, то все будет зависеть от меня.

* * *

Цион ждал и молился, но Господь не успокоил его страхов. Он и так все время ходил по лезвию ножа, но ждать врага — хуже не придумаешь. Он переминался с ноги на ногу, присматривался, прислушивался. Затем он нашел телевизор и нагнулся было включить его. Он только немножечко посмотрит. Но тот не включался. «Забыл!» Цион стукнул себя по лбу. Он же отключил электричество.

* * *

Давид больше всего из тайной работы во вражеском лагере ненавидел вот это состояние — знать все, что творится за полмира от тебя, но не иметь возможности хоть чем-то помочь, разве что предупредить других и открыть дверь случайно подвернувшегося небоскреба.

Здесь, в Новом Вавилоне, ни он, ни Энни, ни Минь не могли сделать ничего больше. Они могли только ждать развязки.

Родители и брат Минь встретились с ней на посту номер 53. Давида поразила формальность встречи. Минь и Чань радостно обнялись. Минь чмокнула мать в щеку и обменялась рукопожатием с отцом. Затем последовал оживленный разговор, и вскоре Энни снова говорила по телефону.

— Мистер Вонг обижен, что ты не приветствовал его здесь.

— Но тут я вряд ли чем могу по...

— Давид, приходи, и все. Ты можешь?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Я доверяю Альби, — сказал Рэйфорд, — но мне все это не нравится.

— Как думаешь, что он затеял? — спросила Хлоя.

— Без понятия. Он очень находчивый парень. Проблема в том, что у нас только одна машина.

— Спасибо, что напомнил, — отозвалась Хлоя.

— Я просто хочу, чтобы он какую-нибудь другую машину поймал в Палуоки. Я не хочу оставлять Кенни и Циона в такой ситуации.

Лия, пристегнутая на заднем сиденье, уперлась руками в потолок, чтобы не стукнуться головой.

— Сколько еще ехать, папа? — спросила она.

Хлоя скривилась, но Рэйфорд ответил:

— Ну хоть кто-то из нас не утратил чувства юмора.

* * *

— Давид, — говорил по телефону Бизон, — Альби хочет поговорить с тобой. Что там у вас происходит? Я слышу шум толпы.

— Скажем так, я использовал служебное положение в личных целях и присвоил себе административную мототележку. Я должен разобраться с одной информационной проблемой. По крайней мере, увижусь с Энни. Где вы?

— Точно не скажу. Я дам тебе поговорить с пилотом.

Бизон передал телефон Альби и стал слушать, глядя в окно.

— Давид, друг мой, рад снова слышать тебя. Мне приятно работать на тебя... Мы в сорока минутах от Палуоки. Если я выдам себя за эмэсовца, они будут спрашивать у меня код?.. Будут? А есть какой-нибудь, чтобы я его мог использовать? — Он прикрыл телефон. — Бизон, запиши... Ага, давай... ноль-девять-два-три-четыре-девять. Готово... Значит, все, что начинается с ноль-девять сойдет на будущее и будет проходить через тебя. Хорошо... вертолет? Да, конечно! Ты можешь это сделать?.. МС? Отлично!.. Мне сказать в диспетчерской, что доставлено будет, когда?.. Отлично! Уверен, что мы скоро встретимся.

* * *

Давид был потрясен пестротой толпы, стоявшей на пути ко двору. Люди всех рас медленно продвигались ко дворцу — молодые и старые, богатые и бедные, в разноцветной одежде. Многие казались не в себе, словно и правда не знали, как будут жить без Николае Карпати в такие грозные времена.

Давид позвонил Маку:

— Вы где, капитан?

— Девяносто четвертый сектор. Забавная работа.

— Людям должна нравиться такая униформа.

— Да, они все спрашивают, не знаком ли я лично с верховным командующим.

— И я уверен, что ты говоришь им, как ты этим гордишься.

— Чего ты хочешь, Давид?

— Я хочу, чтобы ты сделал для меня пару звонков. Запоминай. Диспетчерская Палуоки и — у тебя есть чем записать? — сошлись на код ноль-девять-два-три-четыре-девять. Скажи им, что с ним свяжется наш человек, которому там нужен ангар для египетского истребителя. Его подберут вместе с двумя пассажирами, так что пусть их не задерживают для проверки документов. Мы все уладим отсюда, из Нового Вавилона. Затем позвони на нашу базу в Рантоул.

— В Иллинойсе?

— Верно. Скажи им, что нам нужен вертолет в Брукфилде, в Висконсине, но все, что

они должны сделать, — пригнать его в Палуоки. А мы заберем его оттуда. Скажи это еще и диспетчерской в Палуоки. Сможешь сделать?

— Не знаю, Давид. Я в рубке с приборами лучше управляюсь, чем с телефоном. Что там у тебя за суматоха?

— Потом скажу. Сделай для меня эти звонки, и мы поговорим.

Давид прибыл в сектор номер 53, где Энни регулировала обстановку и руководила продвижением людей. Она отвечала на вопросы о времени начала церемонии прощания и погребения, а также объясняла, сколько оставалось до места, где можно получить воду, укрыться в тени, получить медицинскую помощь и все такое. Прилюдно она, конечно, держалась с Хассидом официально.

— Добро пожаловать, директор Хассид. Я рада представить вам наших особых почетных гостей из Китая. Это мистер и миссис Вонг, их дочь Минь Той, которая состоит на нашей службе в Бельгии, и их сын Чань.

Давид поклонился и пожал руки всей семье. Мистер Вонг явно был опечален.

— На каком языке вы говорите? — спросил он.

— На английском предпочтительно, — сказал Давид. — И еще на иврите.

— Не хорошо, — сказал мистер Вонг. — Не азиатские языки?

— Увы, нет.

— Вы знаете немецкий? Я знаю немецкий. Английский не хорошо.

— Немецкий — нет, извините.

— Мы говорим?

— Для меня это будет большая честь, сэр.

— Вы простите плохой английский?

— Конечно. Возможно, ваша дочь переводит?

— Нет! Вы будете понимать.

— Я попытаюсь.

— Вы обидели меня без встречи в аэропорте. Я сказал вам через дочь, когда мы приехали.

— Я получил известие через вторые руки, но я был слишком занят. Прошу прощения.

— Я ВИП! ВИП из-за бизнеса. Даю много денег Мировому Сообществу. Очень большой патриот. Мировой патриот!

— Вас тут хорошо знают, сэр, и вашу дочь высоко ценят. Пожалуйста, примите мои извинения от всего руководства МС за то, что мы не сумели встретить вас по достоинству.

— Сын будет работать на вас когда-то. Он еще не так стар. Только семнадцать.

Давид глянул на Чаня и увидел у него на лбу печать верующего.

— Я с нетерпением жду, когда ему исполнится восемнадцать и мы станем коллегами, сэр. Вы даже не представляете насколько.

— Вся семья скорбит о Николае. Великий человек. Великий человек.

— Я передам ваши соболезнования верховному командующему.

— Я встречаюсь с верховным командующим.

— Да?

— Нет! Я хочу встречаться с ним!

— Мне жаль, но на этой неделе нас попросили не планировать слишком много встреч с ним. Вы же понимаете. Слишком много запросов.

— Особое место! Вы устраиваете особое место?

— О, я не знаю. Это будет непро...

Мистер Вонг покачал головой, и жена взяла его за руку, словно желая успокоить.

— Нет встречи в аэропорту. Нет встречи с верховным командующим. Стоять в очереди. Вы поставите нас впереди?

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Нет! Вы сделаете специальное сиденье для погребения! Мы хотим его во дворе.

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Вы посмотрите сейчас. Скажите сейчас. Отведите нас сейчас.

Давид вздохнул и достал телефон.

— Да, Маргарет, у нас есть еще ВИП-места?.. Я понимаю... Понимаю... Три...

— Нет! Дочь сидит с нами тоже. И вы! Пять.

— Пять, Маргарет.... Я понимаю. Я тут в тупик попал небольшой. Буду признателен... прямо на площади? Звучит прекрасно, но меня ждут вместе со всеми управленцами в...

— Мы сидим с вами! Вы можете! Вы и четверо на хороших местах!

— Мне трудно ублажить его, Маргарет... Это не ваша проблема, ни в коем разе... Да, моя. Что вы можете сделать в конечном счете?.. Он согласился? Хорошо, хорошо. Убьем

сразу двух зайцев, как говорится. Я вам обязан... Я понимаю. Спасибо, Маргарет.

Давид повернулся к гостям.

— Похоже, скульптор неправомочно разместил своих ассистентов в секторе управления, и кабинет верховного командующего намерен эту ситуацию исправить.

— Не понимаю. Мы сидим там?

— Да. Скульптор получит «высокую честь» стоять рядом со статуей вместе с ассистентами.

— Мы сидим с вами или нет?

— Да, вы сидите со мной.

— Хорошо. Дочь тоже?

— Да.

— Хорошо! Ее новая подруга тоже? — продолжал он, показывая пальцем на Энни. — Ах нет? Я хочу.

— Я правда не могу, мистер Вонг, — сказала Энни. — Я должна оставаться здесь во время церемонии.

— Ладно, тогда мы.

* * *

В ранние часы утра субботы Рэйфорд в облаке пыли примчался в аэропорт Палуоки. Там было пусто, если не считать света на диспетчерской вышке. Единственная освещенная полоса принимала реактивные самолеты. Рэйфорд уронил голову на руль.

— Я молюсь, чтобы нам не ошибиться, — сказал он. — Быть так близко к убежищу и не проверить, как там Цион и Кенни...

Лия подалась вперед.

— А вдруг эмэсовцы хоть и рыщут во-
круг, но еще не обнаружили убежище? Мы
ведь их выдадим тогда.

— Я понимаю, — сказал он, — но все же...

— Нет! — отрезала Хлоя. — Папа прав.
Мы должны попробовать вытащить их от-
туда. Сами знаете, что МС делает с верую-
щими и всеми, кто им симпатизирует. Они
убили всех в доме Хаима и сожгли дом. Они
убили брата и отца Бизона и сожгли их дом.
Что случится, если они не найдут Циона и
Кенни, но все равно сожгут дом, поскольку
ясно же, что мы там жили? Как они тогда вы-
берутся? Цион ведь убежит прямо в самый
ад, в горящий дом!

— Хлоя, — сказал Рэйфорд, — я чув-
ствую, что мы в любом случае должны сле-
довать замыслу Альби.

— Он не может знать, что тут у нас тво-
рится.

— Бизон рассказал ему. И он прав, счи-
тая, что бессмысленно идти в убежище, пока
остальные будут тут ждать. Очевидно же,
что если мы там не застанем эмэсовцев, нам
придется забрать, что сможем, и уносить от-
туда ноги. Тогда нас будет восемь, включая
малыша, так что особо много не впишем.

— Цион наверняка уже собрал все ком-
пьютеры и необходимые вещи.

Рэйфорд кивнул.

— Надо бы позвонить ему еще разок, —
сказала Хлоя. — Он мог забыть прихватить
ноутбуки с общим архивом.

— А у тебя на компьютере его нет? — спросила Лия.

Хлоя сурово посмотрела на нее.

— Я всегда держу копии информации с жесткого диска.

— Но ведь они у тебя тоже на дисках?

Хлоя вздохнула и не ответила. И позволила Циону.

* * *

Давид впустил семейство Вонг в мототележку, сначала указав Минь Той на переднее сиденье рядом с ним, а отца, мать и Чаня усадил на заднее сиденье. Но мистер Вонг не сдвинулся с места, пробурчав что-то насчет почетного сиденья, потому Минь села сзади вместе с братом и матерью. Вонг сидел прямо, выпятив грудь с мрачно-горделивым видом, в то время, как Давид осторожно вел тележку через толпу к дворцу.

— Почетных гостей не будут рассаживать до 11:30, — сообщил Давид. — Начнут с десяти региональных потентатов и их свиты, затем пойдет руководство штаб-квартиры и их гости.

— Вы все равно сядете, — уверенно сказал мистер Вонг. — И мы с вами.

— Они будут следовать протоколу.

— Я говорю с верховным командующим Леоном Фортунато. Он говорит, что мы точно сядем.

— Сейчас он приветствует почетных гостей и готовится к процессии, мистер Вонг.

Давайте сначала доберемся до помостов, и я уверен, что нас там усадят в должное время.

— Я хочу сидеть сейчас, хороший вид, готовый к программе. — Он обернулся и схватил сына за колено. — Это делает впечатление, а? Ты будешь тут работать в один день. Будешь гордый, служить Мировому Сообществу. Честь памяти Карпати.

Чань не ответил.

— Я знаю, что ты хочешь, сын. Ты не знаешь, как это сказать. Будь патриот, как я. Долг. Честь. Служба.

Давид подъехал к выгородке, куда уже заводили не столь важных гостей и выстраивали в очередь, чтобы впоследствии ввести в ВИП-сектор. У входа стоял Амаль, человек из департамента Давида.

— Мы позаботимся о тележке, — сказал Амаль. — Вы с гостями подождите под навесом у сектора Г.

— Спасибо, Амаль.

— Вы не представили! Вы плохой хозяин!

— Прошу прощения, — сказал Давид. Он представил семейство, подчеркнув роль мистера Вонга в поддержке Мирового Сообщества.

— Большая честь для меня, сэр, — ответил Амаль, удивленно подняв брови и глядя на Давида.

— Мы садимся сейчас.

— Нет, сэр, — ответил Амаль. — Вас просят подождать в очереди в секторе...

— Большой помощник Карпати, Фортунато, Мирового Сообщества не будет ждать в очереди. Никто не сидит. Мы сядем.

— О, сэр, простите, но все будет по сценарию. Очень красиво. Под музыку. Вы войдете один за другим.

— Нет. Сейчас!

— Папа, — сказала Минь, — будет лучше, красивее войти всем вместе и одновременно.

Миссис Вонг взяла мужа за руку, но он вырвал ее.

— Я иду сесть! Не хочешь сесть сейчас, стой! Где я сижу?

Амаль посмотрел на Давида, который покачал головой.

— Мистер Амаль! Посмотрите, где я сижу!

— Ну, вы сидите на Д-3, но никто пока...

— Я сажусь, — сказал он и стал проталкиваться вперед, отпихивая всех, кто осмеливался попытаться остановить его.

— Только себе ситуацию усложнит, — заявил Давид. — Пусть идет.

Мистер Вонг вызвал замешательство в толпе, когда начал подниматься по ступенькам к поставленным амфитеатром креслам и выискивать свое место. Даже люди на смотровой платформе были ошарашены, увидев, что кто-то уже усаживается. Решив, что это какая-то важная шишка, кто-то начал аплодировать, прочие подхватили. Вскоре все узнали, что в ВИП-секторе сидит какой-то азиат. Люди прикрывали глаза от солнца и рассматривали его, пытаясь узнать, кто это такой.

— Наверняка какой-то азиатский потентат, — сказал кто-то рядом с Давидом.

Мистер Вонг ответил толпе кивком и поклоном.

— Старый дурак, — сказала миссис Вонг, и ее сын и дочь рассмеялись. — Мы подождем с директором Хассидом.

— Боюсь, я присоединюсь к вам попозже, — произнес Давид. — Я могу вас оставить?

У миссис Вонг был потерянный вид, но Минь взяла ее за руку и заверила Давида в том, что все будет в порядке.

Давид зашел за помост, чтобы проверить процесс с технической точки зрения. Все вроде бы было на месте, хотя воды не хватало. Температура уже была выше сорока и продолжала подниматься. Персонал Мирового Сообщества надевал кепи поверх мокрых платков. Певцы, танцоры и музыканты занимали места. Телевизионщики следили за происходящим через мониторы.

Давид поднялся по ступеням, которые вели к постаменту с саркофагом, минуя на каждой ступени охранников. Он поднырнул под навес, который прикрывал от солнца саркофаг и охрану, а солнце сейчас стояло прямо у них над головой. Прищурившись, он осмотрел двор. От мостовой поднимались волны жара, очередь продвигалась все медленнее и медленнее. Давид видел, как многие посматривают на часы, и заключил, что они пытаются протиснуться вперед до начала церемонии погребения.

Пройдя волей-неволей мимо постамента, они не уходили. Они останавливались, медлили, тянули, надеясь задержаться до нача-

ла представления, образуя в результате чудовищный человеческий водоворот.

Давид посмотрел туда, где за спинами охранников виднелся стеклянный саркофаг. Интересно, как же он выдержит такую жару? Вакуумная заглушка казалась достаточно надежной, и каждые полчаса ее проверяли техники. А сама коробка от жары не «поплывет»? Вдруг закипит, как скороварка? Давид посмотрел, не повлияла ли жара на макияж, воск и прочее, что использовала доктор Эйкенберри. Интересно будет, если настоящее тело лежит где-нибудь в холодильнике в морге, а поддельное начнет растекаться в лужу на глазах у всего мира.

— Остановите очередь, пожалуйста! — послышалось указание из громкоговорителя снизу справа от Давида.

Два охранника поспешили туда и остановились перед голландской парой, которая по случаю явилась в национальных костюмах. Вид у них был такой, словно они уже об этом пожалели — распаренные, потные, задыхающиеся. Однако они, видимо, были довольны, что оказались первыми в очереди в какой-то сотне футов перед лестницей. Пока они ждали и толпа позади них успокаивалась, видимо, осознав, в чем дело, остальные несколько десятков скорбящих, что были впереди них, продолжали двигаться мимо саркофага.

Когда они прошли и начали спускаться с другой стороны, воцарилась тишина. Все с ожиданием смотрели на двор, передвигались только последние гости, спускавшиеся

с лестницы и пытавшиеся пробиться через запруженный народом двор. Они не хотели уходить, но программа не могла продолжаться, пока они не сойдут вниз.

Наконец, им удалось пробиться вниз лестницы. Многие сразу же уселись на мостовую. Но она была настолько раскаленной, что пришлось снимать одежду, чтобы подложить под себя.

Когда всех развели по местам и восстановили порядок, молчание, охватившее четыре миллиона человек, стало просто неестественным. Давид спустился по лестнице за платформой и увидел, что все пространство вокруг помоста заполнено, что все от Фортунато и его министров до десяти региональных потентатов со свитой ждут на месте. После них ряд сидений по всему периметру двора заполнили высокопоставленные чиновники из руководства Мирового Сообщества.

Слева от Давида какой-то человек с папкой и в наушниках махал дирижеру. Сто музыкантов оркестра — мужчины во фраках и женщины в длинных черных платьях — поднялись по задней лестнице на левую платформу. По их лицам тек пот, темные пятна расплывались под мышками и на спинах. Усевшись, они установили свои инструменты и стали ждать сигнала.

— Дамы и господа, — слышалось из громкоговорителей. Слова эхом отдались от стен двора и раскатились где-то на мило. Их тут же повторили на трех основных языках. — Верховный командующий Миров-

вого Сообщества Леон Фортунато и администрация единого мирового правительства приносят искреннюю благодарность всем присутствующим на прощании с покойным верховным потентатом Николае Джетти Карпати. Прошу в знак почтения снять головные уборы во время исполнения Международным оркестром Мирового Сообщества гимна «Славься, Карпати, Возлюбленный, Божественный, Могучий».

Пока оркестр исполнял погребальный гимн, в толпе послышался плач, и вскоре весь двор наполнили звуки рыданий. Присоединился хор Мирового Сообщества, вознося хвалу Николае. Наконец, в действие вступили танцоры. Медленно, демонстрируя блестящее равновесие, они выражали скорбь в движении, согласно с музыкой и рыданиями толпы. В это время места заняли ВИП-гости под негромкие, но продолжительные аплодисменты.

Давид, наконец, прошел к своему месту рядом с мистером Вонгом, который блаженно взирал на сцену, прижимая руки к сердцу и заливаясь слезами. Давид прикрыл глаза от солнца и подумал, высидит ли он сам на такой жаре два часа. Они сидели на помосте слева, ясно видя постамент и саркофаг, находившиеся где-то в тридцати футах от них.

Когда музыка наконец закончилась, оркестранты, певцы и танцоры спустились с помоста, Фортунато и десять потентатов с мрачно-торжественными лицами выстроились за носилками. Еще один охранник подошел к

трем вооруженным охранникам, которые стояли за носилками, и все они встали попарно спереди и позади носилок.

Огромные экраны и мониторы показывали ролик, смонтированный из эпизодов жизни Карпати. Сопровождавшая его музыка была пронзительно-горькой и торжественной, и люди начали аплодировать и кричать.

Они дошли до высшей точки энтузиазма, когда на экране возник Николае, провозглашавший новое название единого мирового правительства и перерезавший ленточку при открытии величественного дворца, приглашая народ на празднество. Это было всего лишь неделю назад в Иерусалиме. С востока с ревом пронеслись два истребителя как раз в тот момент, когда ролик показывал Карпати, насмешливо вызывавшего на спор Свидетелей у Стены Плача. Толпа разразилась радостными воплями, когда он застрелил их. Конечно, в ролике не было показано их воскрешение — это же отрицалось, как миф.

Толпа замолкла, когда гул моторов стих и снова зазвучала печальная музыка. На экранах Карпати выступал на празднестве, начав в своей речи с перечисления опустошений, причиненных землетрясением. Камерахватила крупным планом лицо Николае, затем начала медленно перемещаться, когда он сначала приветствовал радостную толпу, затем представлял всем Хаима Розенцвейга и перебрасывался шутками с региональными потентатами. Когда камера замедлилась

до невозможности, толпа заахала и застонала, ибо сейчас на экранах он отворачивался от выстрела, падал на доктора Розенцвейга и оставался лежать, пока толпа разбегалась в стороны.

Ролик показывал, как Николае вносят в вертолет с логотипом Мирового Сообщества на боку, и тут уже пошел игровой ролик. На экранах вертолет взлетал с платформы, сворачивал влево между помостами мимо огромных осветителей и почти исчезал во тьме. Он поднимался все выше и выше, к радости огромнейшей на свете толпы, пока не ушел в облака в беспредельное небо.

Теперь на экране был космос, на фоне которого возникало гигантское изображение. Вернулись истребители, но никто на них не смотрел. Люди слушали и смотрели, как на экране проступал образ, огромный, как само небо. Он стоял среди планет в темном костюме, белой рубашке, сверкая белозубой улыбкой и сложив руки на груди. Уверенно и ласково смотрел Николае Карпати на своих верноподанных.

Изображение застыло, и толпа взорвалась оглушительными воплями. Люди дико орали, бешено аплодировали и свистели. Давиду тоже пришлось встать, чтобы не вызвать подозрений. Он аплодировал, не сводя глаз с Минь и Чаня. Они сидели с каменными лицами, а по щекам Чаня текли слезы. Давид понял, что никто ни на кого тут вообще не смотрит — так все были охвачены порывом любви к Карпати.

Символизм был понятен всем. Пусть Николае убит и умер, но он живет в наших сердцах. Он божество, и он смотрит на нас.

Когда в конце концов изображение исчезло и музыка затихла, Леон Фортунато поднялся на кафедру, и на всех экранах возникло его полное эмоций лицо. Когда Леон разложил перед собой листки с речью, Давид увидел, что он одет в великолепный темный костюм, белую рубашку и элегантный галстук. Это не так шло бедняге Леону, но он, вероятно, считал себя преемником верховного потентата, так что приходилось внешне соответствовать, не смотря ни на что.

* * *

— Если нас выдала Хэтти, то я хочу это знать, — сказала Хлоя, когда в небе появился египетский самолет.

— Мы этого не узнаем, — заметил Рэйфорд, — пока она сама нам не расскажет. Мы же не можем выйти с ней на связь, ты забыла? Сейчас это улица с односторонним движением.

Как только самолет приземлился, свет в диспетчерской погас, и по лестнице, пытаясь, спустился толстый мужчина. У него было дело, и он собирался его выполнить.

— Это вы приехали забрать служащих МС, верно? — крикнул он.

— Да, — ответил Рэйфорд.

— У вас тот же код, что и у меня? Ноль-девять-два-три-четыре-девять?

— Верно, — ответил Рэйфорд.

— Стойте здесь, пожалуйста. Аэропорт официально закрыт, а мне надо загнать самолет в ангар, а этих людей надо разместить как можно быстрее.

Он поспешил к краю полосы и несколько раз взмахнул рукой с папкой, хотя фонариком направить Альби к ангару было бы куда удобнее.

Это позабавило Рэйфорда, который знал, что Альби столько раз ставил маленькие самолетики в ангар, что в жизни не сосчитать. Самолет пошел прямо на диспетчера. Тот соскочил с полосы, самолет с воем прошел мимо, а диспетчер перестал махать руками и расплылся в удовлетворенной улыбке, словно Альби сделал то, что он просил.

Когда он побежал проверить, точно ли самолет в ангаре, за ним бросилась Хлоя. Рэйфорд тоже направился туда, Лия осталась ждать у машины. Рэйфорд быстро обогнал толстяка, который явно так не бегал уже давно.

Дверь самолета, припаркованного рядом с «гольфстримом», открылась, и первым на землю соскочил Альби. Рэйфорд не поверил глазам своим. У него был властный вид, он казался на фут выше. В руке у него был кожаный портфель. Он ткнул пальцем в толстяка и сказал:

— Вы тут главный?

— Да, я...

— Ноль-девять-два-три-четыре-девять, Мировое Сообщество, исполняющий обязанности командующего Маркус Эльбаз. Обеспечение как следует по протоколу.

— Да, сэр, мистер, ой, капитан, помощник командующего, сэр.

— Эти люди со мной, — сказал Альби. — Пусть они помогут моим пассажирам. Перезаправьте самолет к ночи, понятно?

— О да, понятно, сэр.

— Где я могу переодеться?

Когда толстяк обернулся, чтобы указать на темный закуток в конце ангара, Хлоя встретила с вышедшим из самолета Бизоном.

— Осторожнее, малышка, осторожнее, — произнес он, когда она обняла было его.

— Поехали, Бизон, — сказала она. — Надо срочно забрать Кенни.

— Не называй настоящих имен, — прошептал он. — Помоги доктору Рогоффу. Он после операции.

Рэйфорд взобрался на борт, чтобы помочь Хаиму, который тупо улыбался всем и показывал на свою голову.

— Добро пожаловать в семью, доктор, — поприветствовал его Рэйфорд, и усмешка Хаима превратилась в гримасу боли, когда ему пришлось встать на ноги и выйти из самолета, опираясь на Рэйфорда поврежденной рукой.

Рэйфорд заметил, что присутствие диспетчера нервнрует всех до предела, но когда Альби вышел к ним в полной униформе, напряжение спало. Потрясающий вид.

— Все улажено, сэр, не так ли? — сказал Альби.

— Все готово. Я закрою дверь. Нынче вечером никаких прилетов больше не ожидается. Я остаюсь здесь, так что лично прослежу за безопасностью самолета.

— Обоих самолетов. «Гольфстрим» тоже наш.

— О, я не знал. Без проблем.

— Благодарю вас от имени Мирового Сообщества. А теперь нам пора.

Лия вывела «лендровер» на полосу, затем въехала в ангар. Она сидела за рулем, пока Рэйфорд вместе с Альби затаскивали Хаима на заднее сиденье. Оказавшись внутри и зажатый с двух сторон, он откинул голову на спинку сиденья.

Хлоя села рядом с Лией спереди. Справа от нее уселся Бизон. Когда Лия дала задний ход, чтобы выехать из ангара, Хлоя обняла ее за плечи.

— Спасибо, что привела машину. И прости меня.

— Все в порядке, Хлоя, — сказала Лия. — Просто скажи мне, что идею с цианистым калием ты подцепила не из моих текстов.

— Из твоих, но я рада, что Цион наотрез отказывается причинить зло Кенни.

Лия выехала тем же путем, что и въехала в ангар, и направилась к выезду с поля. Рэйфорд обернулся и посмотрел, как диспетчер запирает дверь ангара. Когда они выехали на дорогу, посадочные огни погасли.

— Ладно, — сказал Альби, — теперь нам по пути надо обговорить кое-какие моменты. Мадам шофер?

— Лия, сэр.

— Прекрасно, мэм, вы не могли бы включить свет в салоне?

Лия начала искать выключатель, и Бизон сам включил свет. Альби снял форменное кепи и обернулся к Рэйфорду.

— Поскольку на разговоры времени нет, сам посмотри на это, капитан. — Рэйфорд уставился на его лоб. Моргнул. Печать. — Сейчас лучше ничего не говори, — сказал Альби. — Дел неуворот. Можно выключить свет. Ладно, следующий пункт по списку. Капитан Стил, не передадите ли мне на нынешнюю ночь командование?

— У тебя есть план?

— Конечно.

— Выкладывай.

— Как далеко мы от убежища?

— Меньше получаса езды.

— Отлично. Вот мой план.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Давид был потрясен тем, что Леон, несмотря на все свое ханжество, казался искренне скорбящим. Он, вне всякого сомнения, преклонялся перед Карпати и был вовсе не простым подхалимом. Он откровенно всеми правдами и неправдами пытался пробиться к посту верховного потентата, но при этом он горевал о потере друга, наставника и защитника. И хотя ему не хватало внешнего лоска и блеска, харизмы его предшественника, Леон умел извлекать выгоду из обстоятельств.

— Будьте любезны садиться, — начал он. Голос его настолько переполняли эмоции, что тысячи людей инстинктивно закрыли рты, забыв о собственном горе. Давид в отяжелевшей от пота форме, поднял было ногу, чтобы закинуть ее на колено, и ощутил, что подошва прилипает — резина от жары размякла.

Фортуна то демонстративно изобразил борьбу с чувствами и разгладил пухлыми руками листки с речью на кафедре.

— Николае Джетти Карпати, — начал он почти шепотом, — прости меня. — Он провел ладонью по губам. — Я смогу это сделать, я сделаю это, и да будет мне примером твоя целеустремленность. Николае Карпати, единственный ребенок в своей семье, родился тридцать шесть лет назад в крохотной больнице в городе Роман в Румынии, у восточных предгорий молдавских Карпат, примерно в двух сотнях километров севернее и чуть восточнее Бухареста.

Фортуна то снова замолк и прокашлялся.

— Юный Николае был не по годам развитым и чрезвычайно разумным ребенком. Он испытывал живой интерес к спорту и учебе, в первую очередь языкам, истории и науке. Ему еще не исполнилось двенадцати лет, когда он был избран президентом Юных гуманистов. В старших классах он слыл блестящим учеником, прекрасным спорщиком и докладчиком, и ему была доверена честь выступить с речью на выпускном вечере. Теми же качествами он отличался в университете.

Мистер Карпати преуспел и как предприниматель. Он очень рано начал служение обществу и стал членом нижней палаты румынского парламента в двадцать пять лет. Его преданность идеям мира во всем мире вызывала как скептицизм, так и восхищение и стала отличительной чертой трудов всей его жизни.

Мистер Карпати однажды сказал мне, что высшей точкой его карьеры даже после того, как он, будучи совсем молодым человеком, внезапно стал президентом Румынии по просьбе его предшественника, было приглашение выступить с речью перед представителями ООН три с половиной года назад.

Молодой глава государства блестяще выступил, обрисовав историю ООН, обращаясь к публике на всех языках этой организации, причем говорил он по памяти. Он не знал, что прямо перед его появлением перед Генеральной Ассамблеей ООН мир переживает величайшую в своей истории катастрофу, трагедию, которая всем нам известна как день исчезновений.

— Лишившись детей и младенцев, — Фортунато снова замолк, — друзей, родственников и соседей, мир объединился как одна скорбящая семья. Мы не знали правды, которую сумел вскрыть только один человек — Николае Карпати. Событие, которое принесло нам такие потери, можно было предотвратить, его корни таились в военных технологиях! Когда молодой румынский президент взошел на кафедру ООН, мы все были испуганы и не знали, что делать. Мы не видели будущего, мы оплакивали прошлое, мы молились своим богам как умели, чтобы нам был послан предводитель, который возьмет нас за руку и проведет через то минное поле, которое мы сами создали, к благословенной надежде.

Откуда нам было знать, что наши молитвы услышаны тем, кто будет не раз подтверждать нам свою божественность скромно, беззаветно служа нам, отдавая нам все — даже свою жизнь, — чтобы показать нам путь к исцелению?

Толпа, не выдержав, разразилась аплодисментами. Несколько раз Леон поднимал руку, но они все не умолкали. Аплодисменты перешли в овацию, люди вставали сектор за сектором, пока не встали все до единого, аплодируя, крича, оплакивая своего погибшего лидера.

Давида мутило.

* * *

— Опиши мне вкратце местоположение убежища, — попросил Альби, — где оно, что там вокруг, дома, дороги и все такое.

— Я не знаю, есть ли что похожее у тебя на родине, Альби, — сказал Рэйфорд. — Но представь себе, что целый район, строившийся лет тридцать, сунули в миксер. Дороги свернуло в рулон и скрутило, домов и заведений в этом районе разрушено столько, что после спасательных работ его просто забросили. По самым оптимистичным оценкам, ни души не живет в радиусе примерно трех миль. Мы заняли половину сильно поврежденного двухквартирного дома — два дома в одном, в общем. Мы расширили подвал, чтобы сделать подземное укрытие, которое нам

не было нужно до последнего момента. Мы сделали собственный колодец и солнечные батареи и приезжали туда разными дорогами, чтобы сделать вид, будто едем куда-то еще.

— Что еще там есть?

— В пятидесяти примерно шагах от задней двери стоит гараж, больше похожий на сарай, которым сначала пользовались обе квартиры. Там мы держали наши машины. Теперь у нас осталась только одна, в которой мы сейчас едем, так что гараж пуст.

— А вторая половина дома?

— Пуста.

— Есть еще жилые дома в округе?

— По большей части — груды развалин, их так и не восстанавливали.

— Что вас прикрывает?

— Помимо того что в эти места кроме как по ошибке не заедешь, там растут старые деревья и вокруг нас много открытого пространства.

— И каков туда обычный путь из аэропорта?

— Мы обычно с разных сторон подъезжаем, чтобы не привлекать внимания, почти всегда по ночам, но, как правило, с юга.

— Мисс Лия, — сказал Альби, — если вы можете найти какое-нибудь укромное местечко для остановки, сделайте это, пожалуйста.

Поскольку Лия уже ехала по грунтовке, она отыскала неглубокую ложбинку между двумя рошицами.

— Спасибо. Теперь, капитан Стил, как вы предполагаете — если эмэсовцы хотят застать вас врасплох, с какой стороны они подъедут?

Рэйфорд нашел клочок бумаги и карандаш и набросал вид района сверху.

— Я бы на их месте подъехал с севера, — сказал он. — Бизон, что думаешь?

Бизон изучил схему, затем показал ее Хлое и Лие. Они кивнули.

— Ладно, Лия, — сказал Альби. — Подъезжаем с юга, как обычно. Как можно дальше от дома потушите фары. Остановитесь примерно в полукилометре от дома, в идеальном варианте там, откуда видно дом, но не видно вас.

— В полукилометре? — переспросила Лия.

— Примерно в трех десятых мили, — добавила Хлоя. — Там небольшой подъемчик, помнишь, пап? Прямо после того места, где мы поворачиваемся на Дес-Плейнес?

— Да, мы заметили его потому, что вокруг местность плоская.

— Давайте побыстрее туда доберемся, — сказал Альби. — Фары отключите, как только будете уверены.

* * *

Пока Фортунато говорил, то заставляя слушателей вскакивать, то повергая их в слезы, Давид тихонечко вытащил из кармана бинокль. Подавшись вперед и опершись локтями на колени, он направил бинокль на толпу, сидевшую за пределами двора. Он нашел плакат с надписью «сектор 53» и начал тщательно настраивать бинокль, высматривая Энни. Поначалу он не увидел ее, но затем

с интересом заметил бинокль, направленный на него самого. Несмотря на руки и бинокль, прикрывавшие его лицо, он узнал Энни.

Они смотрели друг на друга в бинокль, затем он осторожно помахал ей рукой, просто пальцами пошевелил. Давид, все еще придерживая бинокль, поднял палец, затем пять, затем четыре. Она повторила его жест — их кодовый язык по количеству букв в каждом слове: «Я люблю тебя».

— Хочу сказать несколько слов в заключение, — сказал Леон, постепенно заканчивая речь. — Но я хочу дать возможность представителям каждого региона мира выразить свои чувства прежде, чем наш возлюбленный вождь будет погребен в дворцовом мавзолее. Мы просим говорить кратко из-за погоды, но мы также хотели бы, чтобы потентаты говорили от всего сердца. Итак, первым слово предоставляется потентату Соединенных Российских Штатов доктору Виктору...

* * *

— Капитан Стил, — сказал Альби, — позвоните Циону и скажите ему, кто я такой, чтобы я мог говорить с ним, не вызывая подозрений.

Цион ответил после первого же сигнала.

— Цион, это я. Мы в полумиле от вас. Все в порядке?

— Пока да. Кенни спит. Я уже упаковал вещи и готов прятаться под землю и отдаться во власть клаустрофобии. Я хочу уйти отсюда.

— Цион, я передаю трубку моему хорошему другу и новообращенному Альби. Я говорил вам о нем прежде.

— Да! И он теперь один из нас?

— Благодаря вашему учению, но об этом потом. Он сейчас прикрывается именем Маркус Эльбаз и представляется исполняющим обязанности командующего миротворцев Мирового Сообщества.

* * *

Цион сидел на ступеньках в темноте, прижимая телефон к уху. Связанные вместе наволочки лежали у его ног. Ему оставалось только схватить их, сунуть ребенка под мышку и за пару секунд нырнуть в дверь-холодильник и оказаться снаружи. Но пока не было транспорта, и он не знал, ждут ли его на выходе миротворцы.

Он столько слышал о контрабандисте — приятеле Рэйфорда, что едва мог поверить, что разговаривает с ним.

— Доктор Бен-Иегуда?

— Да, это Цион. А вы Альби?

— Сэр, я хотел бы сразу перейти к делу, но должен сказать вам, что обязан вам спасением своей души.

— Спасибо, сэр. Похоже, скоро я буду вам обязан спасением моей жизни.

— Будем надеяться. Скажите, вы там ничего такого не слышите, чтобы сказать, что эмэсовцы поблизости?

— Честно говоря, я чуть не позвонил Рэйфорду полчаса назад. Возможно, все это паранойя, но я слышал моторы.

— Близко?

— Не очень, к северу отсюда. Меня испугало то, что они двигались... периодически.

— То есть?

— Стартовали, останавливались, двигались. Я не знаю, что об этом сказать.

— Обычно вы тут не слышите никаких машин или грузовиков?

— Да, так.

— И вы ничего не слышали уже тридцать минут?

— Вроде того.

— Хорошо, тогда слушайте внимательно. Вы способны узнать звук мотора «лендровера»? В смысле, вы можете с уверенностью отличить его, скажем, от эмэсовского джипа?

— Думаю, да.

— Вы хорошо услышите его, если машина будет между домом и гаражом?

— Конечно.

— А вы сумеете узнать звук, положим, открывающейся двери гаража?

— Да, но это не типичный американский гараж. Тут двери открываются вручную и распахиваются, как у сарая.

— Хорошо. Спасибо. Через пятнадцать минут вы услышите мотор «лендровера», это будем мы. Если услышите другие шумы и звуки, сразу же дайте нам знать.

* * *

Каждого потентата приветствовали музыка его региона и бешеные аплодисменты со стороны представителей его народов. Люди из некоторых регионов держались вместе, из других были рассеяны в толпе. Многие выступавшие повторяли то же, что говорил потентат Соединенных Российских Штатов, который причислил Карпати не только к величайшим государственным умам и военным лидерам мира, но также к наиболее почитаемым религиозным лидерам и даже божествам различных вер и сект.

Азиатский потентат, второй по очереди, сказал:

— Я знаю, что говорю от лица всех граждан моего великого региона, когда выражаю преклонение перед памятью его святейшества верховного потентата, которое стало еще глубже после его смерти. Я преклонялся перед ним как перед лидером, преклонялся перед его прозорливостью, его политикой. А теперь я преклоняюсь перед ним как перед человеком. Да будет множиться его слава теперь, когда он вернулся на небеса, с которых снизошел к нам!

Потентат Соединенных Индийских Штатов нараспев проговорил, что «некогда мы верили, будто хороший человек поднимается на более высокую ступень в круге перерождений, и такая яркая звезда, как Николае Карпати, наверняка станет брахманом. Он всегда учил нас — сколь пророчески он предвидел единую мировую веру! — что даже такие тра-

диционные религии утратят свою ценность. Даже те, кто верит в то, что когда вы умираете, умираете насовсем, и что больше ничего нет, вынуждены признать — и я говорю это напрямую вам, Николае Карпати, — вы будете жить столько, сколько будем жить мы. Ибо вы всегда будете жить в наших сердцах».

Хотя толпа отозвалась восторженными криками, Давид с интересом посмотрел на Фортунато, который вроде бы пытался прояснить или, по крайней мере, привести к какому-то знаменателю эффект этой речи. Прежде чем представить потентата Соединенных Африканских Штатов Эноха Литвалу, Фортунато на минуту снова занял место на кафедре.

— Спасибо за ваши добрые чувства, потентат Кононова. Я ценю то, что вы не забыли о единой всемирной вере, которая возродится здесь, в Новом Вавилоне, как высшее выражение чистой единой религии. По горькой иронии судьбы остались две упорных секты — в родной стране одной из них погиб наш любимый лидер, а вторая виновна в его убийстве.

Я не обвиняю израильтян, ибо Израиль — драгоценная часть Соединенных Карпатианских Штатов. Израильтян нельзя винить за напряженность, вызванную ортодоксальными иудеями, большинство которых до сегодняшнего дня не желают ответить на приглашение влиться в единую веру. А еще эти иегудаиты! Они смеют утверждать, что их замкнутая, консервативная доктрина есть единственный путь к Богу! Разве удивительно, что сам убийца является ведущим членом этого культа?

При этих словах под шквал аплодисментов гигантская черная статуя слева от Леона начала обильно испускать дым, который из струйки стал превращаться в черную тучу. Леон заметил это и пошутил:

— Даже Николае согласен со мной. Но если серьезно, то, прежде чем на кафедру взойдет наш африканский потентат, позвольте мне повторить. Любой культ, секта, религия или отдельный человек, который заявляет, что знает единственный истинный путь к Богу, на небеса или к благой загробной жизни, является величайшей угрозой для мирового сообщества. Такие взгляды чреваты расколом, ненавистью, фанатизмом, презрением и гордыней. Я говорю вам с уверенностью человека, который последние несколько лет находился в присутствии истинного величия: есть много путей к вечному блаженству, если, конечно, в этом мире есть что-то вечное. И этот путь не в том, чтобы загонять себя и своих друзей в угол, заявляя, что у вас есть тайная дорожка к Богу. Этот путь в том, чтобы быть человеком хорошим, добрым и помогать другим.

Николае Карпати был бы последним человеком в мире, который стал бы поддерживать религию единственного пути — и смотрите, как все мы его почитаем! Мы будем поклоняться ему и его памяти, пока мы живы. И потому, друзья мои, он и его идеалы будут жить вечно!

Давид подумал: а толпу не тошнит от предсказуемых аплодисментов и ликующих выкриков? Его самого уже выворачивало.

Энох Литвала омрачил процедуру непристойно кратким и безэмоциональным выступлением. Он сказал только:

— Как потентат Соединенных Африканских Штатов я должен выразить чувства моего народа. Прошу руководство Мирового Сообщества и всех, кто любил погибшего, принять наши искренние соболезнования. Соединенные Африканские Штаты осуждают жестокость и сожалеют об этом бессмысленном деянии, совершенном заблудшим одиночкой, упрямо верящим тому, чем пичкают его и миллионы других, не желающих мыслить самостоятельно.

С этими словами Литвала сел, застав врасплох даже Леона. Еще два выступления были столь же прохладны, что, по мнению Давида, ясно показывало, кто из потентатов лоялен, а кто готов к смуте.

* * *

Альби наклонился вперед и прошептал Рэйфорду:

— Идите со мной. Лия, ждите моего сигнала. Если я махну рукой, медленно подъезжайте с выключенными фарами. Если я снова позвоню — ждите указаний, но будьте готовы в любой момент двинуться с места с включенными фарами. Остановитесь рядом со мной и Рэйфордом.

— Я иду с вами, — сказала Хлоя. — Там наш ребенок.

— Тем лучше, — немедленно ответил Альби. — Трое лучше, чем один.

Они осторожно выбрались из машины и двинулись к убежищу. В тусклом свете Рэйфорд посмотрел на лицо Хлои. На нем читалась яростная решимость, большая, чем просто у матери, готовой защищать ребенка. Она просто жаждала встречи с врагом.

Рэйфорд ощущал холод, слышал звуки своих шагов по редкому подлеску, собственное дыхание. Увидев дом, он ощутил странную грусть. Он стал его опорой, его домом, хотя не так часто он в нем бывал. Этот дом принял его семью, его друзей, его наставника. И он понимал, что, если ему и придется еще раз переступить его порог, это будет последний раз.

* * *

Когда заговорил последний потентат, толпа уже утомилась. Люди по всему двору и за его пределами с нетерпением ждали, когда возобновится шествие мимо помоста с саркофагом. Но Фортунато еще не закончил.

— Потерпите еще пару минут, — сказал он. — У меня есть несколько дополнительных сообщений, которые, как я надеюсь, воодушевят вас. Даже стороннему наблюдателю было бы понятно, что это не просто похороны великого вождя. Человек, который лежит перед вами, — больше чем просто человек. Да, да, вы можете аплодировать. Кто мог бы оспорить мои слова? Я рад сказать

вам, что статуя, которая находится слева от меня, хотя и больше, чем в жизни, является точной копией Николае Карпати и достойна вашего восхищения. Даже поклонения.

Если вы хотите поклониться ему после того, как выразите свое почтение усопшему, добро пожаловать. Кланяйтесь, молитесь, пойте — выражайте свои душевные порывы как пожелаете. И — верьте. Верьте, люди, что дух Николае Карпати присутствует здесь и слышит ваши хвалы и славословия. Многие из вас знают, что этот якобы простой человек — а я знаю, что он божество, — поднял меня из мертвых!

А теперь, как ваш новый вождь в отсутствие того, кого мы все желали бы видеть среди нас, я позволю себе сказать прямо — я не постановщик, но пусть сейчас телекамеры будут направлены на мое лицо. Те, кто стоят близко, могут посмотреть мне в глаза. Те, кто далеко от меня, пусть посмотрят в мои глаза на экране.

Давид помнил, что случилось с теми, кто смотрел в глаза Фортунато. Он посмотрел влево, мимо Вонгов, которые были просто в экстазе. Он потянулся было тронуть Чаня за плечо и кивнул Минь. Когда они посмотрели на него, он еле заметно покачал головой. Они оба поняли, что он хотел сказать. Все трое отвели взгляд от Фортунато.

— Сегодня, — начал Фортунато нараспев, — я устанавливаю новую, усовершенствованную всемирную веру, объектом поклонения которой будет вот эта статуя, символизирую-

пчая собой самый дух Николае Карпати. Внимай же, мой народ. Когда я только что сказал, что вы можете поклоняться этой статуе и Николае Карпати, если вас к этому влечет, я просто говорил сдержанно. Прошу хранить молчание. Всемирное гражданство влечет за собой обязанности, и среди этих обязанностей — подчинение властям.

Воцарилась такая гробовая тишина, что Давиду показалось, будто все вообще перестали шевелиться.

— Как ваш новый правитель, я обязан сказать вам, что поклонение духу и изображению Николае Карпати является обязательным. Он не просто часть нашей новой религии, он ее центр. Воистину он и есть наша религия ныне, присно и во веки веков! Теперь, прежде чем вы выразите свое почтение и склонитесь перед статуей, позвольте мне внушить вам, каковы будут последствия неповиновения.

Внезапно из самой статуи вместе с клубом черного дыма, почти затмившего солнце, послышался громовой голос:

— Я ваш бог и владыка, восседающий на небесах!

Все, включая Гая Блода и его помощников, с воплями попадали ничком на землю, глядя на статую.

— Я бог богов. Нет подобных мне. Поклоняйтесь мне или берегитесь!

Фортунаато вдруг заговорил мягко, потцовски.

— Не страшитесь, — сказал он. — Поднимите глаза к небу. — Тяжелые черные об-

лака развеялись, и лик статуи снова стал безмятежным. — Николае Карпати любит вас и желает вам только лучшего. Облеченный ответственностью обеспечить обязательность поклонения вашему богу, я также наделен и властью. Встаньте, прошу вас.

Люди встали как один, перепуганные, не в силах оторвать взгляда от Леона. Он широким жестом указал на десять потентатов, сидящих за стеклянным саркофагом и охраной, трое из которых стояли с каменными лицами.

— Положим, что среди нас есть те, кто по той или иной причине отказывается преклониться перед Карпати. Положим, что они независимы духом. Положим, это мятежные иудаиты. Или даже тайные иегудаиты, которые до сих пор верят, что единственный путь к Богу идет через «их человека». Что бы там они ни думали, они умрут непременно.

Толпа в ужасе попятилась, многие заахали.

— Не удивляйтесь, что я говорю вам о том, что некоторые непременно умрут. Если Карпати не бог, а я — не избранник его, то я ошибаюсь. Если Карпати не единственный путь и не единственная жизнь, то мои слова — не единственная правда, и бояться не следует никому.

С моей стороны будет только честно, если я подтверждаю свою роль вдобавок к тому, что вы уже слышали и видели со стороны изваяния Николае Карпати. Я призываю силу моего бога, дабы доказать, что именно он правит с небес! Да сожжет он чистым, смертоносным своим пламенем тех, кто противостоит мне,

кто отрицает его божественность, кто строит козни и заговоры, чтобы занять место, которое по праву принадлежит мне, гласу его!

Он театрально выдержал паузу.

— Да свершит он это сейчас, когда я говорю!

Леон обернулся к десяти потентатам и указал на тех троих, которые выступали против него. Огромные струи огня ударили с безоблачного неба и испепелили этих троих на месте. Остальные семеро вскочили с мест, чтобы избежать опаляющего жара, и даже охрана попятилась.

Толпа завопила и завывала, но никто не сдвинулся с места. Никто не бросился бежать. Все словно были парализованы страхом. А пламя, которое вмиг превратило троих потентатов в кучки дымящегося пепла, исчезло так же мгновенно, как явилось.

Фортуна то снова заговорил:

— Верные патриоты Мирового Сообщества из трех регионов, которыми недавно руководили эти лживые люди, не падайте духом. Заместители им уже избраны на встречах, на которых меня вдохновлял дух самого Николае Карпати. Мировое Сообщество победит! Мы достигнем нашей цели — блаженной жизни в гармонии, любви и терпимости — терпимости для всех, кроме тех, кто отказывается почитать изваяние человека, которого мы сегодня восхваляем и прославляем!

Фортуна то явно ждал аплодисментов, но собрание было настолько ошеломлено, настолько переполнено ужасом, что люди просто смотрели на него.

— Можете выразить свою преданность, — с улыбкой сказал Леон. По-прежнему никто не сдвинулся с места. Глаза его сузились. — Вы можете выразить ваше согласие, — продолжил он, и люди нерешительно начали хлопать. — Не бойтесь вашего владыки и бога, — произнес он под продолжающиеся аплодисменты. — То, чему вы были свидетелями, никогда не постигнет вас, если вы любите Николае той любовью, которая привела вас сюда почтить его память. Теперь, прежде чем мы приступим к погребению, я приглашаю вас подойти к изваянию и поклониться ему. Идите и поклоняйтесь. Поклоняйтесь вашему богу, вашему мертвому, но живому царю.

* * *

Рэйфорд по сигналу Альби свернул влево, в то время как Хлоя пошла направо. Все трое, разойдясь шагов на тридцать, стали приближаться к убежищу с расстояния примерно в две сотни ярдов. Они высматривали любой намек на эмэсовцев. Они уже побывали здесь? Они еще здесь? Они едут сюда?

Внезапно Альби упал в траву и знаком приказал Рэйфорду и Хлое сделать то же самое. Он принял звонок, затем приказал им присоединиться к нему.

— Цион снова слышит моторы, — прошептал он. — Едут с севера, только на сей раз звук ровный, словно уверенно прибли-

жаются. — По ходу разговора он набирал номер Лии. — Мы должны опередить их, но побежим в убежище на своих двоих, так что будьте готовы рвануть с места, и если столкнемся в эмэсовцами, держитесь на пару шагов позади меня. Лия? Выжди девяносто секунд, затем врубай фары и быстро подъезжай. Когда мы остановимся, остановись как можно ближе к гаражу. Оставайся в машине с зажженными фарами и не волнуйся, если увидишь подъезжающие с другой стороны джипы.

Альби закрыл крышку телефона, вынул пистолет из кобуры, вскочил на ноги и командовал:

— Пошли.

Рэйфорд рванул в темноту, прикидывая, сколько минут ему осталось жить. Удивительно, но Хлоя не отставала от него. Он также увидел странное изменение в лице Альби. Он всегда был находчив, но сейчас в нем было что-то еще. Может, так его изменила новообетенная вера?

Рэйфорд вдруг подумал — почему он не проверил печать Альби? Разве можно было доверять своим глазам в тусклом свете в салоне «лендровера», когда между ним и Альби сидел раненый старик?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мистер Вонг рухнул на колени рядом с Давидом, рыдая и крича что-то на своем родном языке. Его жена раскачивалась в кресле, стиснув кулаки и зажмурив глаза. Казалось, она скорее потрясена, чем убеждена.

Минь и Чань сидели, закрыв лицо руками, словно бы молились. Любому постороннему могло показаться, что они молятся новому богу, но Давид знал правду.

Ему показалось совершенно невероятным, когда Фортунато спустился с кафедры и присоединился к остальным семерым претендатам, что они все словно бы не замечали трех кучек пепла. Они серьезно обменялись рукопожатием со своим новым лидером, словно бы поздравляя его с удачным выступлением и демонстрацией силы.

Шеф службы безопасности приказал своим подчиненным убрать перегородку пе-

ред очередью. Пара в голландских костюмах поначалу отказывалась приближаться к саркофагу, но задние начали подталкивать их вперед, заставляя продвигаться. Пара смущенно заулыбалась, причем каждый явно желал, чтобы первым подошел не он сам, а второй. Наконец, они взялись за руки и мелкими шажками пошли вперед, волоча ноги, словно очень хотели посмотреть на Карпати, но не меньше боялись не только гигантской говорящей, изрыгающей дым статуи, но и трех пустых кресел за саркофагом, на которых еще дымился пепел.

Фортунато и оставшиеся семеро потентатов стояли перед рядом передних сидений, достаточно далеко от саркофага, чтобы не мешать охране и не подавать гостям соблазна пожать им руку или заговорить с ними. Давид понял, что до Леона вдруг дошло, почему люди так опасаются приблизиться. Он повернулся сначала в одну сторону, потом в другую и попросил потентатов отойти от него.

Затем он с торжественным видом подошел к трем креслам и смахнул с них пепел своими руками. Процессия остановилась, а все, кто стоял близко, в изумлении уставились на него. С довольным видом Леон снова повернулся к саркофагу и отряхнул руки. Потентаты насмешливо переглянулись.

* * *

На горизонте показались три пары фар — где-то в полумиле от убежища. Рэйфорд так боялся того дня, когда Мировое Сообщество наконец найдет их. Он боялся, что его тогда не будет на месте или его застанут спящим или врасплох. Как же странно было видеть, что все это происходит теперь прямо у него на глазах.

Альби и Хлоя прибавили шагу и теперь почти бежали. Рэйфорд пытался поспеть за ними, но внезапно возраст снова дал о себе знать.

— Держись ближе ко мне, капитан Стил, — крикнул Альби, затем то же самое бросил Хлое.

Рэйфорд и Хлоя сомкнули строй. Теперь они были в десяти—двенадцати футах по обе стороны от Альби и в четырех футах за ним. У них за спиной с ревом прыгал по ухабам «лендровер», заливая убежище неестественным светом.

Рэйфорду показалось, что три машины, приближавшиеся с другой стороны, притормозили и разъехались. Они с Альби и Хлоей остановились между старым гаражом и домом, а Ли подогнала «лендровер» и остановила его справа от Хлои, у гаража.

— Стоять, — тихо приказал Альби. — Стоять и держать позицию. — Мистер Берри, — сказал Альби. — Я исполняющий обязанности командующего Эльбаз. Вы передаете мне командование, так?

— На время, — неохотно ответил Рэйфорд.

Если Альби играет честно, то сочтет эти слова за шутку. Если же Рэйфорд по глупости вляпался и погубил отряд Скорби из-за излишней доверчивости, то он показал, что в случае чего вернет себе руководство и если надо — силой.

Свет фар впереди растроился, машина слева от Рэйфорда продолжала двигаться в том же направлении и остановилась где-то в семидесяти пяти ярдах от них. Та, что была в середине, подъехала ближе, ярдов где-то на пятьдесят. Те, что были по бокам, остановились чуть позади.

— Стоять, — повторил Альби. — Стоять.

— Мы представляем собой мишень, — сказал Рэйфорд.

— Стоять.

— Мне это не нравится, — произнесла Хлоя.

— Стоять. Доверьтесь мне.

Рэйфорд затаил дыхание.

«Если бы я мог. Господи, скажи мне, что я поступаю верно».

Рэйфорд вздрогнул, когда кто-то выскочил из средней машины, бряцая оружием, и двинулся к дому. Хотя он по-прежнему видел свет всех трех машин, Рэйфорд не заметил за ним силуэт солдата, спешащего к ним.

— Стоять.

— Я стою, Аль... исполняющий обязанности командующего. Но у них вооруженный человек на той стороне дома. А что, если он туда фонарем посветит? Они прекрасно могут нас перестрелять, а их прикрывает дом и деревья.

— Молчите, мистер Берри, — произнес Альби. — Их в три раза больше.

У Рэйфорда в душе зашевелилось нехорошее предчувствие.

«Откуда он знает»?

— И если только у кого-нибудь из вас вдруг есть пистолет, — продолжал Альби, — в огневой мощи они в двенадцать раз сильнее нас.

— И что, — сказала Хлоя, — нам сдаваться, что ли?

— Придется, если будете мне мешать.

Подозрения Рэйфорда сменились страхом, а потом уже неприкрытым ужасом. Он завел своих людей в самую большую ловушку, какую только можно представить. Разве сам Альби не советовал когда-то не верить никому? Через полчаса все они будут либо мертвы, либо в тюрьме.

— Командир подразделения миротворцев Мирового Сообщества! — крикнул Альби сильным звонким голосом — Рэйфорд никогда не слышал от него такого. — Подойдите и представьтесь! Я руководитель операции, исполняющий обязанности командующего Маркус Эльбаз. Это приказ!

* * *

Давид догадывался, что температура подбирается к пятидесяти. Он не помнил такого жаркого полудня в Новом Вавилоне. Он снял форменную фуражку и стер пот со лба рукавом. Он просто истекал потом. Ветра не было. Только безжалостное солнце, жар,

исходящий от миллионов тел, и едкий дым от внушительной статуи.

Вдруг фигура дрогнула, словно от землетрясения, но больше ничего вокруг не шевельнулось. Все взгляды в ужасе обратились в ту сторону, и по толпе быстро разошелся слух, что что-то происходит. В течение бесконечной минуты статуя словно бы вибрировала на месте, а затем снова начала исторгать дым.

Вскоре статуя раскалилась докрасна, и дым пошел так обильно, что небо затянули черные тучи. Температура немедленно упала, но переход от яркого дня к тьме был настолько стремительным, что многие упали ничком.

Идол взревел:

— Не бойтесь и не бегите! Не бегите или умрете!

Тьма заволокла небо над идолом. Давид украдкой глянул на горизонт — тот оставался светлым. По краям неба, куда бы они ни повернулся, из облаков низко стелющегося дыма били молнии. Через мгновение раскаты грома сотрясли землю.

— Не бегите! — снова возгласил идол. — Ослушаетесь меня — и погибнете!

Леон стоял, скрестив на груди руки, и смотрел на статую, в то время как остальные потентаты попадали на колени, выпучив от страха глаза. Вооруженные охранники рухнули на колени.

Люди, стоявшие по краям толпы, бросились было бежать, но попали под удары молний на глазах пораженной ужасом толпы.

— Вы отвергаете меня? — взревела статуя. — Молчите! Не двигайтесь! Не бойтесь! Не бегите! И — взирайте!

Люди застыли на месте, глядя на происходящее. Дым перестал подниматься, но небо оставалось темным. Оно клубилось черными, набухающими облаками, окрашенными кроваво-красным и лиловым.

Давид, хотя и был уверен, что находится под защитой своей веры, и понимал, что творится, все равно дрожал, и сердце его чуть не выскакивало из груди.

— Не на меня взирайте, — пророкотала статуя. Дым теперь исходил от ее лица. Идол остывал, и цвет его возвращался от оранжевого через красный к черному. Больше он не шевелился. — Взирайте на своего господина и бога!

Давиду показалось, будто статуя вдруг как-то уменьшилась, но она просто замерла, онемела и остыла. Люди медленно вставали, все взгляды обращались в сторону стеклянного саркофага, в котором покоился Карпати, спокойный, неподвижный. Миллионы стояли среди быстро остывающей пустыни под черным как смоль небом, покрытым страшными клубящимися облаками. Люди, поникнув, смотрели на безжизненное тело Карпати.

* * *

— Со мной одиннадцать миротворцев, и мы держим вас на прицеле, сэр! — послы-

шался ответ от дальнего угла убежища. — Мне нужно ваше удостоверение!

— Согласен! — ответил Альби. — Но и вы свое приготовьте, поскольку я ваш начальник!

— Предлагаю встретиться на углу дома, убрав пистолеты в кобуру!

— Согласен! — ответил Альби, нарочито демонстративно пряча пистолет.

— А ваши помощники?

— Как и ваши — держат вас на мушке, — заверил Альби.

Начальник отряда вышел из-за дома, убрав оружие и разведя руки в стороны. Альби решительно подошел к нему.

— Блестящее развертывание сил, сэр, — сказал он. — Достаю документы.

— Я тоже.

Начальник отряда снял с пояса фонарик, и они сверили документы.

— Извините за замешательство, командир, — сказал молодой человек. — Мы знакомы?

— Вы должны бы знать меня, Датило. Вроде бы я обучал вас. Где вы проходили курс?

— В Балтиморском авиационном училище младшего комсостава.

— Там я только по приглашению лекции читал. Я преподавал в Чезапике.

— Да, сэр.

— Командир патруля Датило, могу я вас спросить: зачем вы здесь?

Датило достал из кармана приказ.

— Нас отправили сюда к предполагаемой штаб-квартире иегудайтов, возможно, к главному их убежищу. Мы должны окружить его, задержать всех, кого найдем, определить местоположение и личность остальных и уничтожить здание.

— Сжечь?

— Да, сэр.

Внезапно Альби шагнул к молодому командиру.

— Датилло, откуда исходит приказ?

— Полагаю, из Нового Вавилона, сэр.

— Полагаете. Вы сверялись с региональным директором?

— Нет, сэр, я...

— Датилло, вы знаете, который час?

— Сэр?

— Мы что, на разных языках говорим, Датилло? Английский не мой родной, а ваш. Или у меня чересчур сильный акцент, сынок?

— Нет, сэр.

— Вы знаете, который сейчас час?

— Где-то четыре утра, сэр. Прошу разрешения сверить часы?

— Разрешаю.

— Сейчас 4:30, сэр.

— 4:30, Датилло. Это что-нибудь говорит вам?

— А это что-то должно значить?

— Слушайте, командир. Я намерен сказать вам это подальше от ваших подчиненных, хотя вы этого и не заслуживаете. Мне не терпится сообщить региональному директору

по Среднему Западу Соединенных Штатов Крауфорду, что вы не сверили с ним приказы прежде, чем приступить к операции. И я даже готов спустить вам с рук невероятное разгильдяйство — вы даже не сообразили, что Карпатианские Штаты и Северная Америка находятся в разных временных зонах. Я еще раз спрашиваю вас, командир Датилло, что означает время 4:30?

— Прошу прощения, командир, я очень вам благодарен, особенно за то, что вы не отчитываете меня перед лицом моих подчиненных. Но, сэр, я понятия не имел о времени.

— Вот откуда только они таких берут? — сказал Альби. — И чем вы занимаетесь на вашей учебной базе? Вы бывали на моих лекциях в Балтиморе?

— Честно говоря, не помню, сэр.

— Значит, не были, иначе не забыли бы и знали бы, какое время в Новом Вавилоне, когда в этой части света 4:30.

— Ну, если вы говорите о временной разнице, то я знаю, сэр.

— Знаете.

— Да, сэр.

— Я слушаю.

— В это время года разнице во времени составляет девять часов.

— Очень хорошо, Датилло. И сколько же сейчас в Новом Вавилоне?

— Ну, у них позже, значит, 13:30.

— Я должен и дальше тыкать тебя носом, сынок?

— Простите, сэр. Боюсь, что я до сих пор не понимаю.

— Какой сегодня день, командир?

— Суббота, сэр.

— Ответ неверный. Вторая попытка. Полночь уже миновала.

— О да, уже утро воскресенья.

— И сколько в Новом Вавилоне?

— Полдень, воскресенье.

— Полдень, воскресенье, Датилло. Ничего на ум не приходит?

Датилло поник.

— Погребение, да, сэр?

— Дзынннь! Датилло попал в точку! Вы же знаете о глобальном моратории на любые военные действия во время погребения. Или нет?

— Знаю, сэр.

— И любая директива Мирового Сообщества требует КМО, я прав?

— Конкретного миротворческого обоснования? Да, сэр.

— А у этой директивы есть КМО?

— Ну, чтобы в новости не попало, что во время церемонии погребения где-то собралась какая-то толпа...

— Вот именно. А теперь, Датилло, вот что я тебе скажу. Ты очень исполнительный молодой командир. Сейчас ты со своими людьми уходишь из этого района. Вернешься в 10:00 и сожжешь дом, если я, конечно, хоть что-то тут оставлю. Я с моими людьми нахожусь тут куда дольше, чем ты, и всех, кто тут был, мы уже забрали. Дом зачищен. Моя команда сейчас прочешет это место в поисках

вещдоков, и к рассвету дело будет закончено. До 10:00 не возвращаться, а если увидишь дым на горизонте, можешь вообще не приходить. Я ясно выражаюсь?

— Да, сэр. Мы можем вам чем-нибудь помочь?

— Только тем, что выполните приказ и покинете это место прямо сейчас. Своим подчиненным насчет собственных серьезных ошибок говорить не надо. Я тоже промолчу.

— Я вам очень благодарен, сэр.

— Еще бы нет! А теперь идите.

Датилло отсалютовал и направился к среднему джипу. Тот развернулся, как и остальные два перед тем, как пристроиться ему в хвост. И все они исчезли во тьме.

* * *

Небо было настолько черным, что во дворце автоматически включился свет. Проектора телевизионщиков были направлены на саркофаг. Давид был уверен, что и все взгляды в толпе тоже были к нему прикованы — кроме его собственного. Он все смотрел на сектор номер 53, выискивая Энни и моля Бога в душе, чтобы ей хватило сил. Но он никак не мог ее найти.

Давид обернулся. Волны жара исходили от идола в относительно прохладном воздухе. Потентаты словно оцепенели. Даже Фортунато побледнел и не двигался, не сводя взгля-

да с саркофага. Ободок светлого неба вокруг горизонта казался венчиком волос на лысой голове. Черные мрачные облака дыма, исходящего от статуи, зловеще нависали над огромной толпой. Страх пригвоздил людей к месту. Ослепительный свет заливал платформу.

Давид не мог оторвать взгляд от тела верховного потентата. Что такое? Почти неуловимое движение? Или это игра воображения? Ему и прежде на похоронах мерещилось, что грудь трупа приподнимается и опадает. Но до сих пор у тела Карпати не было и подобия жизни.

Палец левой руки Карпати на мгновение приподнялся на дюйм над грудью, затем снова опустился. Несколько человек заахали, но Давид решил, что большинство ничего не заметило. Затем палец еще два раза поднялся и опустился. Затем он приподнялся на полдюйма и выпрямился.

Похоже, один из потентатов это увидел. Он попятился, но налетел на кресло и упал. Когда он поднялся на ноги и попытался уйти, в землю в десяти футах от него ударила молния, и его отшвырнуло на прежнее место. Он поднялся на дрожащих ногах, отряхиваясь и отводя взгляд от Карпати.

Теперь дрогнул указательный палец, и все потентаты оцепенели. Охранники взяли оружие на изготовку, словно собирались стрелять в мертвое тело. Карпати разнял руки и опустил их вдоль тела. Те, кто стоял близко, начали подвывать от ужаса. Казалось, они хотят сбежать, но не могут сдвинуться с места.

Стоявшие позади Давида подались вперед, а те, кто был впереди, упирались и даже пытались податься назад, но задние не давали им этого сделать.

Теперь было четко видно, что грудь Карпати поднимается и опускается. Многие упали на колени, закрывая руками лицо и рыдая.

Глаза Николае открылись. Давид ошеломленно смотрел на это, затем отвел взгляд и увидел, что Леона и царей бьет дрожь.

Губы Карпати раскрылись, Николае поднял голову и уперся лбом в плексиглас. Все, кто стоял в пределах ста ярдов от саркофага, включая Фортунато, попадали, закрывая лица руками, но, как заметил Давид, многие подсматривали сквозь пальцы.

Словно потягиваясь, Карпати запрокинул голову, поморщился и поднял колени, которые тоже уперлись в плексигласовую крышку. Он выпрямлял ноги до тех пор, пока они не уперлись в резиновую заглушку. Она вылетела с громким хлопком, отлетела в сторону и сбила фуражку с одного из упавших охранников. Тот бросил оружие и потер голову, а заглушка отскочила от мостовой и покатилась, пока не остановилась где-то под креслом.

Выбив вакуумную заглушку, Карпати медленно поднес руки к груди, поднял их ладонями вверх и уперся в крышку. Насколько мог видеть и слышать Давид, толпа разразилась ахами, стонами и воплями. Все теперь упали ниц — и те, кто смотрел на экраны, и те, кто пытался смотреть на платформу.

Карпати снова согнул колени, вырвав из стекла массивные шурупы из нержавеющей стали. Затем он с силой толкнул крышку, пока та не слетела. Плексигласовая крышка весом более восьмидесяти фунтов сорвалась с саркофага вместе с шурупами и ударилась о кафедру, опрокинув ее вместе с микрофонами.

Карпати резко поднялся и встал в узком конце своего саркофага. Торжествующе повернулся к толпе, и Давид увидел, что замазка, хирургическая нить, краска — все осталось в гробу, там, где лежала голова Карпати.

Стоя среди гробовой тишины, Карпати выглядел так, словно только что вышел из своих апартаментов, где камердинер помог ему облачиться в новый костюм. Ботинки блестели, шнурки были туго завязаны, носки расправлены, на костюме — ни единой складочки, галстук аккуратно завязан. Он стоял, расправив плечи, со свежим лицом, выбритый, причесанный, румяный. Фортунато и семеро потентатов упали на колени, пряча лицо в ладонях и рыдая.

Николае поднял руки на уровень плеч и заговорил, и все слышали его без всякого микрофона.

— Спокойно. Не волнуйтесь.

При этих словах тучи рассеялись без следа, и солнце снова появилось во всем своем блеске и жаре. Люди жмурились и прикрывали глаза.

— Да пребудет с вами мир, — сказал он. — Я посылаю вам свой мир. — Он помолчал,

пока все вставали, по-прежнему не сводя с него глаз, еле владея собой от ужаса. — Да не будет страха в ваших сердцах. Верьте мне.

Шепот прошел по толпе. Давид слышал, как люди с изумлением говорят о том, что его слышно всем без микрофона, но ведь он даже не повышает голоса! И все же слышали его все.

Карпати словно бы читал их мысли.

— Вас удивляет, что я говорю с вами без микрофона, но вы же видели, как я восстал из мертвых. Кто, кроме высшего бога, имеет власть над смертью? Кто, кроме бога, повелевает на небе и на земле?

По-прежнему не опуская рук, он ласково заговорил:

— Вы до сих пор дрожите? Вы до сих пор в страхе? Не бойтесь, ибо я несу вам весть о великой радости. Я тот, кто любит вас и стоит ныне перед вами. Я был убит, но теперь я живу... для вас. Ради вас. Не надо бояться меня, ибо вы мои друзья. Что вы так боязливы, о маловерные? Придите ко мне, и я утешу ваши души.

Давида так мутило, что он чуть не упал в обморок. Слышать слова Иисуса от этого злодея, в которого, как говорил доктор Бен-Иегуда, теперь вселился сам Сатана, было почти невыносимо.

— Только тот, кто не со мной, против меня, — продолжал Карпати. — Всякий, кто говорит против меня, не будет прощен. Но вы, верные, возрадуйтесь. Это я — не страшитесь.

Давид снова искал взглядом Энни, понимая, что никто вокруг него не замечает, что он не слушает Карпати. Как же ему хотелось увидеть ее, узнать, что с ней все в порядке, поговорить с ней, чтобы она не чувствовала себя одинокой, знала, что тут есть и другие верующие.

— Я хочу приветствовать вас, — сказал Карпати. — Придите ко мне, прикоснитесь ко мне, говорите со мной, поклоняйтесь мне. Мне дана вся власть на небе и на земле. Я буду с вами всегда. До самого конца.

Очередь, застывшая на месте, так и не двинулась. Карпати повернулся к Фортунато и кивнул, указывая на охрану.

— Побудите моих людей прийти ко мне.

Охранники медленно встали и начали снова подгонять людей к лестнице.

— А пока, — продолжал Карпати, — я поведаю вам о моих врагах...

* * *

Цион сидел и молился, слушая, как с разных направлений к дому подъезжают машины.

— Неужели это конец, Господи? — сказал он. — Я так долго шел к Тебе. Но если еще не настал час моим возлюбленным братьям, и сестрам, и мне отдать наши жизни за Тебя, то дай нам сил и мудрости.

Машины остановились, он услышал крики. Цион подошел к углу подвала, откуда было слышнее. Какой-то человек с ближне-

восточным акцентом кричал на командира отряда. Цион затаил дыхание, чтобы слышать каждое слово. Может, это тот самый Альби, с которым он только что разговаривал? Он выдает себя за исполняющего обязанности командующего Мирового Сообщества? Или он все же из Мирового сообщества? Он говорил так убедительно, так уверенно. Как человек может столько знать о системе и ее процедурах, не принадлежа к ней? Возможно, когда-то он служил системе, но потом обратился? Цион мог только надеяться на лучшее.

Кем бы он ни был, Альби сумел убрать эмсовцев от дома. Цион знал, что теперь его друзья придут за ним. Что надо теперь сделать в первую очередь? Он снова включил электричество и бросился к телевизору. Зазвонил телефон.

— Доктор Бен-Иегуда, — сказал Альби, — вы внизу? Все в порядке?

— Я в порядке, смотрю трансляцию церемонии погребения. Спускайтесь и тоже посмотрите.

— Вы не против впустить нас?

— Ломайте дверь! Я не хочу упустить ни минуты, и мы ведь все равно здесь не останемся, верно?

Альби хмыкнул. Задняя дверь вылетела. Шаги. Дверь холодильной камеры открылась, полки отъехали в сторону, шаги теперь слышались на лестнице. Вошел Альби, за ним Хлоя, которая тут же бросилась к Кенни, выхватила его из кровати и обцеловала с ног до головы. Затем вошел мрачный Рэйфорд, и веселее он не стал, даже обняв Циона.

— Остальные едут, — заявил Рэйфорд.

— Да-да, слава Богу, — сказал Цион. — Но посмотрите на это! Над дворцом грозные тучи! Я уверен, что час близок!

Бизон осторожно похромал вверх по лестнице и нашел там Хлою и Кенни. За ним последовала Лия, ведя под руку Хаима. Перевязанный, не способный говорить, еле живой, он все же сумел изобразить улыбку, увидев Циона. Соотечественники обнялись.

— Благодарю Бога за тебя, брат мой! — воскликнул Цион. — Теперь садись и смотри.

— Нам надо убраться отсюда до рассвета, ребята, — сказал Альби. — Не думаю, чтобы наш юный друг вернулся до десяти утра, но лучше не испытывать его терпение.

— А мы действительно сожжем дом, как только заберем все, что нам надо? — спросил Рэйфорд.

Цион пытался заставить говорить их тише, но ни тот ни другой его не слушали. Он прибавил громкости.

— Это рискованно, — сказал Бизон, выходя из комнаты вместе с Хлоей и Кенни. — Мы торчим тут внизу, пока эмэсовцы рыщут по округе.

— Я уверен, что сейчас произойдет воплощение! — заявил Цион.

— Вставьте диск, пусть запишется, Цион! — сказал Рэйфорд. — У нас много дел, и поворачиваться надо быстро.

— Я уверен, что уловка Альби сработала прекрасно, — заверил Цион. — По крайней мере, надеюсь.

Рэйфорд подошел к нему.

— Доктор, — сказал он, — я вернулся, и я здесь командую, так что применю власть, несмотря на все уважение к вам. Ставьте на запись и пакуйтесь.

Цион прочел в глазах Рэйфорда такую жесткость и в то же время тревогу, что немедленно сунул в щель диск.

— Хаим, в таком состоянии вы работать не можете. Так что отслеживайте ситуацию для меня, пока мы будем собираться. — Он поспешил вверх по лестнице.

— Берите только то, что сможете везти на коленях, — заявил Рэйфорд. — Если мы привяжем что-то к багажнику наверху, это привлечет внимание.

Занимаясь сборами, Цион все думал о Рэйфорде. Естественно, что, пока они еще не в безопасности, они все и радуются и тревожатся друг за друга. Но Рэйфорда явно что-то терзало. Последний раз окидывая взглядом комнату в поисках необходимых вещей, Цион заметил, как Рэйфорд тащит Альби в пустую спальную Хлои и Бизона на первом этаже.

* * *

— Все вы знаете, что я милостивый потентат, — сказал Карпати, когда народ снова начал выстраиваться в очередь, чтобы пройти мимо него.

На сей раз им предстояло испытать сверхъестественное ощущение — прикоснуться и обменяться словами с человеком,

который почти три дня пролежал мертвым, а ныне стоял среди обломков собственного саркофага.

— По иронии судьбы, — продолжал он, — того, кто виновен в моей смерти, более нельзя преследовать за убийство. Но покушение на убийство государственного деятеля, конечно, остается тяжким уголовным преступлением. Виновные знают, что они виновны, но я их прощаю. Правительство Мирового Сообщества не будет предпринимать никаких действий против них. Но какие шаги предпримут простые граждане, не желающие, чтобы такое повторилось еще раз, — мне неизвестно, и вмешиваться в это дело я не стану.

Однако, если не считать этих неудавшихся убийц, существуют те, кто выступает против Мирового Сообщества и моего лидерства. Слушай же, народ мой, я не должен и не буду терпеть оппозиции. Не бойтесь, ибо вы здесь собрались ради того, чтобы почтить мою память после смерти, и вы остались здесь поклоняться мне как вашему божественному вождю. Но тем, кто думает, будто возможно восстать против моей власти и остаться в живых, я говорю — бойтесь! Скоро я введу программу отделения верных мне от неверных, которая ясно покажет, кто с нами и кто против нас, и горе надменным! Им негде будет скрыться! А теперь, верные мои подданные, подойдите и поклонитесь мне.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Рэйфорд затащил Альби за локоть в спальню Хлои и Бизона. Закрывая дверь, он увидел Хаима, который хромал к Циону, размахивая руками, что-то мыча сквозь повязки, фиксировавшие сломанную челюсть. Он пытался заставить Циона следовать за собой.

У Рэйфорда зазвонил телефон.

— Оставайся здесь, — сказал Рэйфорд Альби. — Стил слушает.

— Рэйфорд, это Хэтти! — Она была на грани истерики.

— Где ты? — спросил он.

— Чем меньше ты будешь знать, тем лучше. Но уводи всех из убежища.

— Почему?

— Они едут за вами. Не спрашивай, откуда я знаю. И Карпати воскрес из мертвых. Ты видел?

— Нет.

— Ведь все правда, да, Рэйфорд?

— Конечно, и ты сама поняла это тогда же, когда и мы. Я не думаю, чтобы тебя удерживало от окончательного шага только сомнение.

— В целом так оно и есть, но я все же еще надеюсь, что не все будет так, как говорит доктор Бен-Иегуда.

— Что ты собираешься делать с этим, Хэтти? Ты прекрасно знаешь, что мы все чувствуем, в том числе и к тебе.

— Сейчас не будем об этом, Рэйфорд. Я просто хотела предупредить вас.

— Спасибо, но сейчас я хочу предупредить тебя. Не тяни.

— Мне надо идти, Рэйфорд.

— Доктор Розенцвейг уже принял решение.

— Мне правда... что? Он это сделал? Но он же вроде погиб! Он здесь? Я могу с ним поговорить?

— Я попрошу его позвонить тебе, как только он сможет.

— Я не хочу, чтобы мой телефон зазвонил в неподходящий момент.

— Тогда перезвони нам завтра, Хэтти, слышишь? Мы все будем молиться, чтобы ты сделала верный выбор.

* * *

Давид не знал, где сидит Вив Айвинз. Наверняка в ВИП-секторе, но он не видел ее, пока она не появилась рядом с Карпати. Справа от нее стоял Фортунато, так что те,

кто проходил мимо, сначала встречались с Леоном, потом с Вив и, наконец, уже с Карпати. Создавалось впечатление, что это было сделано специально, чтобы люди чувствовали себя свободнее. Не надо бояться недавнего покойника, который хотел прикоснуться к ним, и ждал, чтобы они к нему тоже прикоснулись.

Леон легонько подталкивал их к Вив, которая говорила им что-нибудь утешительное, а затем быстро проводила их мимо Карпати. Он словно бы смотрел каждому в глаза и говорил что-то ласковое, держа в обеих ладонях его руку. Никому не было позволено остановиться, и все, потрясенные, отходили. Многие падали в обморок, некоторые теряли сознание. Давид быстро сделал подсчет. Если Николае, скажем, будет тратить на каждого пять-шесть секунд, то, чтобы пропустить всю толпу, ему понадобится 200 раз по двадцать четыре часа. Естественно, все, кому придется прождать больше нескольких часов, в конце концов сдадутся.

* * *

— А с этим нельзя подождать, капитан Стил? — спросил Альби.

Рэйфорд преградил ему дорогу.

— А что, Альби?

— А ты не хочешь посмотреть новости?

— Я запись посмотрю.

— Значит, тоже хочешь посмотреть?

— Конечно, — ответил Рэйфорд. — Но мне вот любопытно — мы оба хотим посмотреть запись по одной и той же причине или как?

— Ты о чем?

— Как твое настоящее имя?

— Ты знаешь, Рэйфорд.

— А я могу проверить твою печать?

Альби искоса глянул на него.

— В обычаях моей культуры это страшное оскорбление. Особенно после всего, что нам пришлось пройти.

— В вашей культуре никогда не было прежде понятия печати. В чем же оскорбление?

— В том, что ты не доверяешь мне лично.

— Ты сам советовал мне никому не доверять.

— Это принцип, друг мой. Ты считаешь, что я прикидываюсь и вру тебе только потому, что я оказался так убедителен?

— Не знаю.

— Тогда и правда проверь мою печать. Сильнее ты меня уже не оскорбишь.

— Считаю это комплиментом, Альби. Ты настолько убедительно изобразил командира МС, что даже меня заставил сомневаться в тебе.

— Пришлось.

— У тебя хорошо получилось. Откуда ты узнал, что их в четыре раза больше?

— Я хорошо подготовился. Без этого никак. Как я, по-твоему, прожил в два раза дольше, чем средний делец черного рынка? Я осторожен. Я не надел бы форму и не прикинулся

бы никем, если бы не изучил определенных тонкостей.

— Откуда ты знаешь, что в каждом джипе сидит по четыре миротворца?

— Так это устав Мирового Сообщества. Ночные патрули называют эскадронами, они включают командира, три джипа и одиннадцать подчиненных. Днем они ходят парами.

— Хмм. А по Балтимор?

— Я был без понятия. Хорошо, что он растолковал.

— А насчет приглашения с лекциями?

— Наврал.

— А Чизапик?

— Угадал. Надеялся, что попаду. Я кое-что читал о тамошней учебной базе Мирового Сообщества. Рад, что получилось убедительно, потому как от этого зависели наши жизни, Рэйфорд. Такова моя работа.

— А тот региональный директор по Среднему Западу, как там его бишь...

— Директор Кроуфорд.

— Откуда ты о нем узнал?

— Из одной директории, с которой считал необходимым ознакомиться на всякий случай.

— Ты никогда с ним не встречался?

— А как?

— Ты до сих пор тайный противник Карпати?

— Надеюсь, вскоре стану явным. Мне уже обрыдло прикидываться. Доволен?

— А как ты узнал о моратории во время церемонии и... как ты это называл? КМО?

— Прочел.

— Прочел, значит.

— А ты не знал, что я читать умею?

— Мне кажется, что я должен больше узнать о тебе.

И тут Альби взорвался.

— Мне надоело терпеть оскорбления! — крикнул он, срывая с себя фуражку и швыряя ее на пол.

Рэйфорд внезапно осознал, что они одни остались на первом этаже и наверху не слышно шагов. Наверное, все сгрудились вокруг телевизора в подземном укрытии.

Альби отстегнул пистолет, Рэйфорд попятился, уперся спиной в дверь спальни. Альби взял пистолет за дуло и резко протянул его Рэйфорду.

— Ну, — сказал он, — стреляй, если считаешь меня предателем!

Рэйфорд медлил.

— Давай бери!

— Я не собираюсь в тебя стрелять, Альби.

— Даже если я не тот, за кого себя выдаю? Даже если я тебе лгал? Подставил всех вас? Даже если я, в конце концов, эмэсовец? Вот что я тебе скажу, капитан Стил, если бы все это было так и я был на твоём месте, то пристрелил бы меня без тени сомнения. — Он по-прежнему протягивал ему пистолет. — Но вот что я ещё тебе скажу — если бы я и правда был эмэсовцем, вот здесь, на этом самом месте, я бы пристрелил тебя. А потом прикончил бы всех твоих соратников, которые рванули бы сюда по лестнице. А потом я опечатал бы дом и разрешил начальнику па-

труля Датилло сжечь все здесь дотла. Ну, так что, капитан Стил? Второй раз предлагать не стану. Предпочтешь проверить меня и посмотреть, не подписал ли ты смертный приговор всем своим друзьям? Или все же рискнешь их жизнями и перестанешь меня оскорблять?

Рэйфорд не стал брать пистолет, потому Альби швырнул его на кровать. Рэйфорду очень хотелось его схватить, он не был уверен в том, что справится сейчас с Альби, если вдруг придется драться. Альби шагнул к нему, Рэйфорд напрягся было, но Альби просто сунул свою голову ему прямо под нос.

— Трогай, три, растворителем стирай, если хочешь, делай все, что тебе надо, чтобы убедиться. Я знаю, кто я. Если я предатель — застрели меня. Если нет, то не забывай — я вернул тебе командование. В любом случае ты уже не можешь оскорбить меня сильнее.

— Я не хотел обидеть тебя, Альби. Но я должен...

— Кончай уже! Если ты командир, так командуй!

* * *

Давид смотрел на толпу, среди которой ездил машины с громкоговорителями, сообщая, что «Мировое Сообщество сожалеет, но только те, кто находится в дворцовом дворе, смогут лично приветствовать Его Святейшество. Благодарим за понимание. Можете задержаться на час или около того».

Давид все еще искал Энни. Наконец, он сказал Вонгам, что должен идти.

Мистер Вонг с лицом, залитым слезами и осунувшимся от пережитого, воскликнул:

— Нет! Вы поставите нас вместе с приветствующими гостей!

— Извините, — ответил Давид, — но там негде.

— Но мы во дворе! ВИП-места! Вы это сделаете.

— Нет, — ответил Давид, наклоняясь поближе. — Это вы ВИП. Так и сделайте сами.

Когда старик начал было что-то возмущенно бормотать, брызгая слюной, Давид стиснул плечо матери семейства и обнял Минь и Чаня, шепнув им на ухо:

— Христос воскрес!

Оба ответили еле слышно:

— Воистину воскрес!

* * *

— Прости, Альби, — сказал Рэйфорд. — Прошу, не обижайся на меня.

— Ты уже меня оскорбил дальше некуда, друг дорогой, так что расслабься.

— Я пытаюсь сделать так, что ты сам расслабился, Альби.

— Тут столько извинений понадобится, что у тебя ни сил, ни времени не хватит, да и понимания тоже. Проверь печать и давай сматываться отсюда.

Рэйфорд наклонился было к Альби, который подобрался. Громкий стук в дверь заставил обоих вздрогнуть. В дверь сунул голову Цион.

— Простите, господа, но Карпати воскрес! Вам надо это увидеть!

Рэйфорд взял пистолет.

— Оставь у себя, — сказал Альби, когда они стали спускаться по лестнице.

— Но это же еще сильнее тебя оскорбит.

— Я же сказал — дальше уже некуда.

Рэйфорд неуклюже протянул пистолет Альби.

Тот покачал головой, схватил пистолет и зло сунул его в кобуру. Пристегивая ее, он сказал:

— Единственное, что может быть еще оскорбительнее недоверия со стороны старого друга, так это твой дурацкий стиль руководства, Рэйфорд. Ты и твои подопечные сейчас входите в самую опасную фазу своего существования. Так что твоя нерешительность и умение ошибаться в людях может погубить всех.

* * *

Бизон держал спящего малыша на руках, а Хлоя заканчивала сборы. Он слышал, как спускались вниз Рэйфорд и Альби, и еще удивился, что у них ничего в руках нет, хотя наверху они проторчали довольно долго. Может, уже отнесли все в машину.

— Ты это видел, пап? — сказал он, кивнул на телевизор, где по новостному каналу Мирового Сообщества транслировали самые драматичные моменты из Нового Вавилона.

— Не фамильярничай со мной перед остальным отрядом, — прошипел он, посмотрев на экран.

Бизон склонил голову набок.

— Как скажете, капитан Стил.

Он похромал к Хлое, отдал ей ребенка и взял узел с необходимыми вещами и медленно пошел к «лендроверу». Холод предрасветного часа взбодрил его, хотя он поймал себя на том, что прислушивается и принюхивается. Больше всего ему не хотелось, чтобы после эксцентричного розыгрыша Альби джипы Мирового Сообщества снова вернулись. А что, если командир патруля окажется храбрее, чем думал Альби, и не побоится оконфузиться или даже получить выговор, но проверит все, что ему напел ИО командующего? Вернется с подмогой — и все они будут схвачены или убиты, а дом сожгут.

А Бизона беспокоили травмы. Ноги болели сильнее, чем при повреждении мягких тканей, так что он начал задумываться, не сломал ли чего. Он также был уверен, что сломал пару ребер, и вряд ли Хаим отделался меньшим. Им обоим досталось от резкого рывка, даже хотя их понесло головой вперед.

Бизон мельком глянул на себя в разбитое зеркало бокового обзора, отходя от машины. Неужели ему и правда тридцать три? Ощущал он себя еще хуже, чем выглядел. На лбу

красовался уродливый шрам, который было больно трогать. Он даже и не заметил его в госпитале. Наверное, это было последствие удара, когда его буквально вдавило лбом в спинку переднего сиденья. Глубокие царапины после падения в жесткий кустарник в иерусалимском аэропорту — как же давно это было! После них остались неровные, бугристые шрамы, взбороздившие его подбородок, щеки и лоб.

В глазах его была вся усталость мира, глубокая, усугубленная страхом за жену и ребенка, отчаянной борьбой за жизнь и тяготами жизни изгнанника, полной личных утрат. Он глубоко вздохнул, несмотря на острую боль в грудной клетке. Где-то он будет спать следующей ночью? Где бы то ни было, спать он будет крепко.

Бизон хотел было вернуться в дом, чтобы помочь, но в нынешнем его состоянии от него больше толку будет здесь. Остальные начали вытаскивать тяжелые узлы. Цион, перекинув через плечо две связанные наволочки, поддерживал Хаима.

Альби вышел последним. Он говорил по телефону. Рэйфорд начал всех рассказывать. Хлоу, Кенни, Лию, Циона и Хаима он усадил сзади, где они едва смогли захлопнуть двери. Бизон поедет с карабином на переднем сиденье, Рэйфорд за рулем, а Альби между ними двумя. Но прежде чем сесть в машину, Альби с Рэйфордом некоторое время стояли между домом и машиной. Альби по-прежнему говорил по телефону. Рэйфорд кивком подозвал Бизона.

— Вертолет в Палуоки, — сказал Альби. — Пилоты челночного рейса возвращаются в Рантул в испытательном самолете. Хочешь совет, капитан?

— Еще бы.

— Я бы сказал, что нам надо ехать напрямую к летной полосе и засунуть раненых и большую часть багажа в вертолет. Затем ты поведешь вертолет к новому убежищу, а кто-нибудь еще поведет машину.

— А ты?

— Мне надо отогнать истребитель в Канкаки. Можешь потом подобрать меня там на вертолете, а я отведу в Канкаки «гольфстрим».

— А как насчет того, чтобы поджечь этот дом?

— А у тебя есть чем?

— Керосин и бензин есть в гараже. Внутри не осталось ничего опасного?

— Да ничего вроде бы в голову не приходит. Бизон?

Бизон покачал головой.

— Я бы поджег все.

— И я тоже, — сказал Рэйфорд. — На всякий случай. Пусть ничего не найдут.

Альби глянул на часы.

— Боюсь, мы испытываем удачу. Пусть лучше эмэсовцы подольше тут покопаются, а потом доставят себе удовольствие и подожгут тут все. А нам надо убираться отсюда как можно скорее.

— Тебе лучше знать, — сказал Рэйфорд. — А ты что скажешь, Бизон?

— Я как ты, па... капитан.

В Палуоки Альби снова вошел в роль и проинформировал местную диспетчерскую, что заправка вертолета, «гольфстрима» и истребителя должны быть проведены согласно тому же кодовому приказу Мирового Сообщества. Сонный здоровяк с грязными волосами все так же трепетно был готов исполнить свой долг перед Мировым Сообществом и особенно перед исполняющим обязанности командующего, как и несколько часов назад.

— Вы видели новости, сэр? — говорил он. — Чудесные, чудесные новости?

— Я всегда их смотрю, — отрезал Альби. — Благодарю за любезность. А теперь нам пора.

— Я счастлив, счастлив, господин исполняющий обязанности командующего! Если вам когда-нибудь что-нибудь понадобится — не стесняйтесь...

Бизон остался расшаркиваться с толстяком, Альби пошел к только что запущенному истребителю, а Рэйфорд — к вертолету.

* * *

Давид все никак не мог найти Энни, не мог дозвониться до нее. Ему не хотелось вызывать ее по громкоговорителю среди полуденной толпы. Наконец, он побежал к себе в кабинет, включил телевизор, чтобы услышать последние замечания Карпати и уселся за компьютер, чтобы увериться, что новое убежище доступно.

Он позвонил Рэйфорду, который выложил ему все новости с момента их последнего разговора.

— Я ведь могу доверять Альби, правда, Давид?

— Альби? Но он же ваш друг, разве не так? Последнее время мы очень тесно сотрудничали. Мне кажется, что он лучший из лучших, да и вы с Маком о нем всегда так говорили. К тому же он ведь теперь один из нас, не так ли?

— Верно.

— Если вы сомневаетесь в нем, проверьте его печать.

— Как будто это не оскорбление для восточного человека!

— Эй, капитан! Вы сейчас как раз с восточным человеком разговариваете!

— Если бы кто-то проверил вашу печать, это оскорбило бы вас?

— Ну, если бы после такого долгого знакомства вы вдруг решили бы проверить, то, наверное, да. То есть я не думаю, чтобы вы вообще захотели.

— Если не верить вам, Давид, то кому вообще верить?

— Я такое сказал бы и об Альби, но ведь это вам надо снять камень с души в отношении его. Похоже, мы уж слишком прочно с ним связаны.

— Я решил рискнуть.

— По мне — это хорошо. Дайте мне знать, когда доберетесь до небоскреба Стронга. Вы хотите попытаться сесть на башню?

— С таким грузом — нет. Я постараюсь вести вертолет как можно осторожнее, чтобы его не было видно сверху.

— Больше всего вам надо опасаться стрельбы со спутников, поскольку ни один самолет не летает настолько низко, чтобы подстрелить что-нибудь значительное. Но если вы разгрузитесь и до рассвета сумеете расположить вертолет наверху, то лучше это сделать.

— Понял.

— Я открою там все для вас. Забирайтесь, устраивайтесь и сидите тихо.

— Нам нужны пульверизаторы с черной краской.

— Это можно устроить. Куда доставить?

— Думаю, в Канкаки.

— Заметано. Рэйфорд, как Цион?

— В гипсе ходят Бизон и Хаим.

— Но ведь с ними все будет в порядке, да?

— Похоже на то.

— Но меня беспокоит Цион. Нужно, чтобы он вышел в Сеть и начал делать то, что у него получается лучше всего.

Рэйфорд прикинул, что тот сейчас где-то на полпути к убежищу.

— Я понял, Давид. Я надеюсь, что мы сможем вести передачи из нового убежища так же, как из старого.

— Да вроде должно получиться. Когда настанет время мне, Энни и Маку уносить отсюда ноги, мы устроим вам там самый лучший центр связи, какой только можно представить. Эй, вы же взяли с собой ноутбук, да?

— Я оставил его на Маунт-Проспект. Снова выйду в Сеть в Чикаго.

— Хорошо. Я послал вам список, сделанный Вив Айвинз, старшей родственницей Карпати. Там указаны десять царств под их новыми названиями, но под каждым еще написаны какие-то цифры. Это что-то должно значить, но я разобраться не могу, по крайней мере пока.

— А вы не пробовали пропустить их через одну из ваших экстравагантных программ?

— Скоро я так и сделаю, но мне все равно, чего это будет стоить или кто разгадает смысл. Я просто хочу знать, что это такое и не будет ли эта информация для нас полезной.

— Мы попытаемся посмотреть. А пока здорово будет, когда мы все соберемся под одной крышей, познакомимся получше с новичками и восстановим хоть какой-то порядок.

— Я узнаю, когда вы войдете. Я включил камеры.

* * *

Оставив компьютер, Давид снова занялся поиском Энни. Были тысячи причин, по которым он не мог сейчас ее найти, но думать о них он не хотел. Он встал и потянулся, заметив, что картинка на телевизоре сменилась. Общий план троицы Леона, Вив и Ника сменился крупным планом Николае.

Он спустился вниз на несколько ступеней и посмотрел прямо в камеру. Вопреки себе, Давид понимал, почему этот человек так привлекает к себе взгляды. Кроме жесткой европейской красоты, он излучал еще заботливость и сочувствие. Давид знал, что этот человек коварен, но это никак не проявлялось в его лице.

Диктор заявил:

— Дамы и господа, члены Мирового Сообщества, ваш верховный потентат, его святейшество Николае Карпати.

Николае еще на шаг приблизился к камере, заставив оператора сменить фокус. Он смотрел прямо в объектив.

— Дорогие мои подданные, — начал он. — Мы вместе пережили тяжкую неделю, не так ли? Меня глубоко тронуло то, что миллионы людей с великим трудом приехали в Новый Вавилон на церемонию, которая, к счастью, не стала моим погребением. Но проявление ваших эмоций тем не менее очень воодушевило меня.

Как вы знаете и как я уже говорил, остаются мелкие очаги сопротивления, нарушающие наш мир и гармонию. Есть даже такие, которые строят себе карьеру, высказывая в мой адрес самые оскорбительные, кощунственные и лживые слова, называя меня такими словами, какие никто не желал бы услышать о себе.

Я верю, что сегодня вы увидели, кто я есть и кем я не являюсь. Будет правильно, если вы умом и сердцем будете по-прежнему

следовать за мной. Вы знаете, что вы увидите, и ваши глаза не лгут. Я также жажду пригласить в единый мир всех бывших приверженцев радикальных течений, которые успели убедиться, что я им не враг. Напротив, я могу стать предметом поклонения их же собственной религии и умоляю их не отворачиваться от такой возможности.

В заключение позвольте мне сказать оппозиционерам напрямую. Я всегда без озлобления и ехидства допускал множественность мнений. Однако среди вас есть те, кто открыто называет меня Антихристом, а этот период истории — Скорбями. Можете считать последующие слова моим личным заявлением.

Если вы будете продолжать нападки на меня и мировую гармонию, которую я так старался установить, то «скорби» — это еще не то слово для того, что ждет вас. Если последние три с половиной года были для вас просто скорбями, то ждите Великих Скорбей.

ЭПИЛОГ

«Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени».

Откровение 12:12

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

НАЧЕРТАНИЕ

ВОСЬМОЙ РОМАН

ИЗ СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В восьмой книге серии «LEFT BEHIND®» свершилось то, чего так долго боялись все верующие в мире — воскресший Николае Карпати, в теле которого теперь воплотился сам Люцифер, приказал клеймить всех своих подданных числом Зверя. И пока члены Отряда Скорби пытаются найти способ избежать смертоносного клейма, люди во всем мире разделились на тех, кто готов принять метку с радостью, и на тех, кто лучше взойдет на эшафот и погибнет как мученик.

Заказать книгу «НАЧЕРТАНИЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ВОПЛОЩЕНИЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Перевод *Н. Некрасовой*
Консультант *А. Коныхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *О. Борисова*

Подписано в печать 11.08.11 г.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 15,45.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано ООО "Балто принт"
Logotipas Company
www.baltoprint.ru

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ

ГАЗЕТА ДЛЯ ТЕХ,
КТО ХОЧЕТ
ПОЗНАТЬ
НЕПОЗНАННОЕ

Тайная власть – это власть Света и Тьмы, Белой и Черной магии, власть Космоса, власть невидимых миру сил. Газета рассказывает об этом и о том, как отличить истину от лжи в пророчествах всевозможных колдунов; на ее страницах ведут разговор известные астрологи, биотерапевты, экстрасенсы. Вы узнаете о влиянии звезд на вашу судьбу, получите советы, как быть здоровым без лекарств, как отвести беду, как выбрать спутника жизни.

Реклама: (495) 780-5757
Продажа: (495) 780-5353
www.privatelife.ru

ВОПЛОЩЕНИЕ — седьмая книга серии «LEFT BEHIND®».

В войну за человеческие души вступают новые силы. Доктор Цион Бен-Иегуда, духовный лидер миллионов верующих, встречается лицом к лицу с архангелами Михаилом и Гавриилом. А после того, как был убит Николае Карпати, которого Отряд Скорби считал Антихристом, в его теле воплощается сам Люцифер.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ТИМ ЛАХЭЙ

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0378-3

9 785422 403783

www.Leftbehind.ru